АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

А. Б. СИНЕЛЬНИКОВ

БРАЧНОСТЬ И РОЖДАЕМОСТЬ В СССР

Ответственный редактор
кандидат экономических наук
В. А. Борисов

МОСКВА «НАУКА» 1989

ББК 60.7
С38

Рецензенты:
кандидат экономических наук *И. Н. Веселкова*,
кандидат экономических наук *Г. П. Киселева*

Редактор издательства *Л. С. Чибисенков*

Синельников А. Б.

С38 Брачность и рождаемость в СССР. — М.: Наука, 1989. — 104 с.
ISBN 5-02-013395-7

С 1981 г. в стране проводится активная демографическая политика, направленная на упрочение семьи. Как она повлияла на брачность, разводимость, среднее число детей в семьях? В какой мере снижение рождаемости в стране в течение предшествующего периода определялось колебаниями брачности, а в какой — уменьшением детности в самих браках? На основе статистического анализа определяется взаимодействие этих процессов.

Для демографов, социологов, экономистов, психологов.

С $\frac{0703000000-301}{042(02)-89}$ КБ—89 **ББК 60.7**

ISBN 5-02-013395-7

ВВЕДЕНИЕ

Укрепление семьи и стимулирование рождаемости — важнейшие направления демографической политики. О последнем можно судить по тому, что помощь семьям с детьми означает создание наиболее благоприятных условий для их рождения и тем самым для обеспечения роста населения страны, о чем прямо говорилось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» (январь 1981 г.) Дальнейшее увеличение этой помощи было предусмотрено решениями XXVII съезда КПСС и I Съезда народных депутатов СССР [1].

Повышение рождаемости, в свою очередь, может достигаться двумя путями: 1) за счет роста собственно брачной рождаемости, т. е. увеличения среднего числа детей, родившихся в расчете на один брак; 2) за счет повышения доли замужних среди женщин в активных детородных возрастах. Последнее, в свою очередь, может быть достигнуто за счет более раннего вступления в брак, сокращения доли никогда не состоявших в браке, а также за счет повышения прочности браков, что особенно важно в современных условиях.

Следует отметить, что для повышения рождаемости первым путем, т. е. за счет собственно брачной рождаемости, упрочение семьи тоже имеет большое значение. Никто не отрицает важности характера отношений между супругами, их уверенности в прочности своего брака при принятии решения о рождении второго и последующих детей.

Брачность, разводимость и рождаемость теснейшим образом связаны между собой. Для всех этих процессов в нашей стране долгое время были характерны негативные тенденции. Демографическая политика, которая активно проводится в последние годы, направлена на их преодоление. Уже есть определенные успехи, но они могли быть значительно бóльшими, если бы сама политика, принятые меры имели под собой более строгое научное обоснование.

Хотя изучению брачности и рождаемости в нашей стране уже посвящена довольно обширная литература, тем не менее, по мнению одного из ведущих демографов А. Г. Волкова, «масштабы изучения семьи и его уровень пока не соответствуют ни

[1] См.: Забота партии и правительства о благе народа: Сб. документов (март 1980—1984 г.). М., 1985. Кн. 3, ч. 1 С. 369; Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986. С. 154, 260, 312; Известия. 1989. 25 июня.

демографической, этнической и социальной значимости данного объекта в нашем обществе, ни задачам, стоящим перед наукой и практикой в этой области»[2].

Вступление в брак, рождение детей, прекращение брака — все это события семейной жизни человека, связанные определенной зависимостью. Однако в демографической литературе эти процессы рассматриваются в основном в отрыве друг от друга, чаще всего без учета связи между «матримониальным», или точнее говоря, брачным поведением людей, связанным с заключением и прекращением браков, и репродуктивным их поведением, связанным с рождением или отказом от рождения детей любой очередности в браке и вне его. Если же такая связь и усматривается, то лишь в прямолинейной трактовке: больше браков — больше детей. Нет единства мнений по очень актуальному вопросу о влиянии разводов на уровень рождаемости: оценки колеблются в очень широких пределах[3]. И почти совершенно не исследуется зависимость обратного характера — влияние рождаемости на разводимость, т. е. сравнительная прочность семей с разным числом детей.

Демографы еще не определили эффект демографической политики в нашей стране в начале 80-х годов, не ответили на вопросы — сколько дополнительных рождений дала она нашей стране и за счет чего получен этот прирост: роста числа молодых семей или среднего числа детей в расчете на одну семью? Привела ли политика к росту прочности семей, что является одной из важнейших ее задач?

Между тем в распоряжении ученых накопился уже очень большой статистический материал о рождаемости, брачности и разводимости — за отдельные дореволюционные и довоенные годы и практически за весь послевоенный период. Этот материал еще недостаточно проанализирован, особенно богатые данные переписи населения 1979 г. и всесоюзного выборочного социально-демографического обследования населения 1985 г., которые содержат уникальную информацию.

В настоящее время по проблемам брачности, разводимости и рождаемости накопилась довольно обширная литература, затрагивающая различные аспекты этих вопросов. Вторичный анализ этой литературы наряду с изучением параллелей между динамикой рождаемости, брачности и разводимости в нашей стране начиная с 1926 г., а также данные социологических исследований по проблемам рождаемости, проведенных (при участии автора) отделом социально-демографических проблем ИС АН СССР, прозволил сделать ряд выводов о причинах современных тенденций этих демографических процессов, об их возможных социальных, демографических и экономических последствиях, о демографическом эффекте мер помощи семьям, принятых в нашей стране в начале 80-х годов.

Поскольку в нашей научной литературе нет общепринятого определения самого понятия «демографическая политика», следует отметить, что нам ближе всего ее понимание как «целенаправленного воздействия общества на демографические процессы для приведения их в соответствие с его потребностями и поддержания на определенном, желательном для общества уровне»[4]. Конечно, на демографические процессы влияет любая политика — внутренняя и внешняя, социальная и экономическая. На уровне брачности и рождаемости отражаются изменения законов о призывном возрасте и сроках военной службы. Но можно ли, исходя из этого, считать законы о всеобщей воинской обязанности мерами демографической политики? Очевидно, нет, поскольку законодательство в данном случае не преследует демографических целей. Нельзя относить к мерам демографической политики и законы о браке и семье, поскольку они не преследуют цели повлиять на число браков или рождений. Но если минимальный брачный возраст повышается с целью понизить рождаемость, как это было, например, в Китае,— это уже собственно демографическая политика.

Поэтому мы считаем, что к мерам демографической политики надо отнести только такие меры — социальные, экономические, юридические и другие, которые преследуют собственно демографические цели, т. е. повышение, стабилизацию или понижение рождаемости, брачности, разводимости, снижение смертности, влияние на миграционные процессы. С этих позиций можно говорить о том, что в нашей стране целенаправленная демографическая политика в отношении рождаемости началась с принятия постановления «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» от 22. 01. 1981 г.

---

2 См.: *Волков А. Г.* Семья — объект демографии. М., 1986. С. 9

3 См.: Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 282; *Тольц М. С.* Разводы и современный уровень рождаемости // Проблемы воспроизводства и занятости населения. М., 1984. С. 25; Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 75—114.

4 См.: Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. М., 1987. С. 150—151.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЗДЕЙСТВИЕ СДВИГОВ В БРАЧНОМ СОСТОЯНИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДИНАМИКУ РОЖДАЕМОСТИ

1. Повозрастные показатели состояния в браке и рождаемости

Брачность и рождаемость — два тесно взаимосвязанных процесса, каждый из которых описывается с помощью различных показателей. Последние могут быть грубыми (общие коэффициенты), либо более тонкими — повозрастные, суммарные и другие показатели. Одни из них характеризуют движение населения, т. е. интенсивность изучаемого процесса. Сюда относятся, в частности, повозрастные коэффициенты общей, брачной и внебрачной рождаемости, а также возрастные коэффициенты брачности как всего, так и бракоспособного населения. Другая группа показателей характеризует состояние населения, т. е. результативность изучаемого процесса, причем результаты могут быть как промежуточными (для молодых и средних возрастов), так и окончательными (для пожилых возрастов, где браки, особенно первые, редки, а деторождение вообще прекращается).

Показатели брачного состояния населения — распределение мужчин и женщин по их матримониальному статусу (никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, вдовые, разведенные) — характеризуют, для каждого возраста, итоги брачного движения населения во всех предыдущих возрастах, т. е. первых браков, разводов, овдовений, повторных браков. В свою очередь распределение женщин каждого возраста по числу детей характеризует как бы их репродуктивное состояние (термин несколько условный), являющееся итогом той или иной репродуктивной активности во всех предыдущих возрастах.

Если рассматривать связь между брачностью и рождаемостью, то брачное состояние населения является одним из важнейших факторов его репродуктивной активности. При прочих равных условиях, т. е. при неизменном уровне повозрастной брачной рождаемости и постоянной пропорции между родившимися в браке и вне его, возрастные коэффициенты общей рождаемости (в дальнейшем слово «общей» для краткости опускается) будут изменяться лишь под воздействием колебаний доли замужних в каждой возрастной группе женщин.

Из различных показателей повозрастной брачности и рождаемости удобнее всего сопоставляются между собой доли состоящих в браке (по возрастам), с одной стороны, и возрастные коэффициенты рождаемости,— с другой. Хотя существуют и более

адекватные характеристики обоих процессов, например упомянутые выше повозрастные коэффициенты брачности бракоспособного населения или соответствующие показатели брачной рождаемости, но они относятся к разным исходным базам, т. е. продуцирующим контингентам. В первом случае таким контингентом служит совокупность незамужних женщин (или мужчин), включая сюда также вдовых и разведенных, во втором, напротив, совокупность замужних женщин того же возраста.

Как доля состоящих в браке, так и возрастной коэффициент рождаемости рассчитываются на 1000 женщин одного и того же возраста. Поэтому, если первый показатель растет быстрее второго, это говорит о снижении брачной рождаемости, а если второй повышается быстрее первого, это свидетельствует о ее росте. Кроме того, к обоим показателям применим прием суммирования, с умножением на число лет в каждом возрастном интервале, согласно так называемому методу условного поколения. Это дает, с известными допущениями, два обобщающих показателя: среднее число человеко-лет жизни в браке в детородном возрасте, с одной стороны, и суммарный коэффициент рождаемости (т. е. среднее число рождений на одну женщину условного поколения за всю ее жизнь)[1] — с другой, которые полностью сопоставимы друг с другом. Их сравнению посвящена табл. 1.

Влияние брачности на рождаемость неодинаково проявляется в разных возрастах. Так, у женщин моложе 20 лет в 1926—1959 гг. одновременно снижались как доля состоявших в браке (из-за откладывания браков в связи с продлением сроков обучения и по другим причинам), так и частота рождений. Однако второй процесс по своим темпам явно уступал первому. В 1959—1970 гг. некоторое повышение повозрастной рождаемости происходило даже на фоне понижения доли замужних. В последующие годы вновь произошло определенное омоложение брачности, однако коэффициент рождаемости у женщин до 20 лет увеличивался значительно быстрее (на 30 % к 1979 г.), чем доля замужних среди них (на 7 %). На эту асинхронность, конечно, повлияла определенная несопоставимость данных (доля замужних рассчитывается для 16—19 лет, а коэффициент рождаемости — для 15—19 лет, причем структура женских контингентов в этих возрастных интервалах в однолетней группировке влияет на оба данных показателя). Однако связь между брачностью и рождаемостью в столь молодых возрастах действительно не очень тесна из-за довольно высокой доли внебрачных рождений и добрачных зачатий, которые к тому же имеют тенденцию к росту. Так, по расчетам М. С. Тольца и Л. Я. Оберг, в Перми за 1966—1981 гг. доля родившихся в первые 8 месяцев брака среди всех первенцев у замужних 18-летних матерей возросла с 61 до 85 %, а у 19-летних — с 41 до 58 % (во всех возрастах — с 27 до 38 %)[2].

---

[1] См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 209, 336.

[2] См.: *Тольц М. С., Оберг Л. Я.* Дифференциация отдельных компонентов рожда-

Таблица 1

Динамика отдельных показателей брачности и рождаемости в 1926—1985 гг.

Возрастная группа, лет	Показатель I, III — на 1000 женщин соответствующей возрастной группы II, IV — на одну женщину за весь детородный период						Изменение показателей (%) за период				
	1926	1939	1959	1970	1979	1985	1926—1939	1939—1959	1959—1970	1970—1979	1979—1985
					I. *Доля состоящих в браке*						
16—19	165	140	112	105	113	112	85	80	94	108	99
20—24	688	614	501	559	602	596	89	82	112	108	99
25—29	850	787	759	827	806	788	93	96	109	97	98
30—39	835	809	755	847	828	808	97	93	112	98	98
40—49	733	727	582	760	788	764	99	80	131	104	97
					II. *Среднее число человеко-лет жизни в браке* *						
	24,0	22,9	20,1	23,4	23,6	23,1	95	88	116	101	98
					III. *Повозрастной коэффициент рождаемости* **						
15—19	36,1	32,8	29,2	30,4	39,4	43,2	91	89	104	130	110
20—24	259,4	214,4	162,2	163,9	174,6	187,2	82	76	101	107	107
25—29	269,0	230,6	164,8	128,7	125,6	138,0	86	71	78	98	110
30—34	224,5	183,5	110,1	88,1	72,1	73,7	82	60	80	82	102
35—39	171,6	131,7	66,6	48,5	31,9	31,1	77	51	73	66	97
40—44	90,8	68,1	24,1	15,3	11,7	7,0	75	35	63	76	60
45—49	23,0	19,0	5,0	2,9	1,6	0,8	83	26	58	55	50
					IV. *Суммарный коэффициент рождаемости* **						
	5,372	4,401	2,810	2,389	2,285	2,405	82	64	85	96	105

* Показатель вычислен по данным в более дробной возрастной группировке, чем приведенная в таблице.

** Рассчитан за двухлетние периоды: 1926—1927, 1938—1939, 1958—1959, 1969—1970, 1978—1979, 1984—1985 гг. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.; Л., 1931. Т. 51. С. 2—3; Народонаселение стран мира. 2-е изд. М., 1978. С. 74, 179. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 12—13, 262—263; Вестн. статистики. 1980. № 11. С. 75; 1986. № 11. С. 74; 1986, № 7. С. 68; Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 89

В таких условиях коэффициенты брачной рождаемости вообще и для самых молодых женщин в особенности могут оказаться очень высокими. Соотношение между числом родившихся в браке и численностью замужних женщин до 20 лет, естественно, будет тем выше, чем меньше протогенетический интервал, т. е. средний промежуток времени от регистрации брака до рождения первенца. Эта зависимость проявляется тем сильнее, чем выше доля первенцев среди родившихся, а у столь молодых женщин вторые дети появляются редко.

Однако и в более старших возрастах связь между динамикой брачности и рождаемости не выглядит тесной. В 1926—1959 гг. брачность сильно понизилась во всех возрастах старше 20 лет из-за повышения возраста вступления в брак, роста разводимости и послевоенной диспропорции полов; однако рождаемость упала еще в большей степени. Средее число лет жизни в браке в детородном возрасте за этот период в расчете на одну женщину уменьшилось с 24 до 20,1 года, т. е. на $^1/_6$, а суммарный коэффициент рождаемости — с 5,37 до 2,81, т. е. почти вдвое. В 60-е годы в связи с некоторым омоложением брачности и нормализацией пропорции полов в возрастах до 42 лет доля замужних увеличилась у всех женщин старше 20 лет, однако коэффициенты рождаемости при этом возросли (и то очень незначительно) лишь у женщин до 24 лет (в основном за счет первенцев) и сильно понизились во всех последующих возрастах, где преобладают повторные рождения. При этом произошло заметное повышение среднего числа лет жизни в браке, которое, однако, не помешало коэффициенту суммарной рождаемости упасть еще на 0,42 ребенка.

В 70-е годы брачная структура населения вновь улучшилась (за счет дальнейшего омоложения брачности повысилась доля замужних у женщин до 24 лет, а за счет улучшения соотношения полов — у женщин старше 40 лет). Впрочем, при современных условиях последнее обстоятельство практически не влияет на уровень рождаемости. Однако доля замужних в возрастах от 25 до 39 лет в эти годы заметно уменьшилась, что повлияло и на коэффициенты рождаемости в этом интервале. Вообще, в этот период на фоне благоприятных сдвигов в брачности наблюдались явно негативные тенденции в рождаемости, хотя и менее выраженные, чем в предыдущее десятилетие.

В первой половине 80-х годов, напротив, доля состоявших в браке уменьшилась у всех женщин от 20 до 49 лет, среднее число лет жизни в браке сократилось на полгода всего за шесть лет [3], однако возрастные коэффициенты рождаемости заметно по-

емости на ранних этапах формирования семьи // Социальный и демографический аспекты исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983. С. 121.

[3] Негативные изменения в структуре населения по брачному состоянию коснулись и мужчин, причем у них они начались уже в 60-е годы, когда брачная структура женщин улучшалась в связи с нормализацией пропорции полов. Однако в 1970—1985 гг. неблагоприятные сдвиги наблюдались как у мужчин, так и у женщин,

высились во всех возрастах моложе 35 лет, что сказалось и на величине ее суммарного коэффициента. В этот период диссонанс между динамикой брачности и рождаемости был выражен заметнее, чем в любой из предшествующих (о причинах этого будет сказано ниже).

Приведенный анализ может создать впечатление, что брачность не оказывает никакого влияния на рождаемость. Однако такой вывод был бы слишком поспешным. Влияние брачности может уступать по силе воздействия собственно брачной рождаемости, а если эти два фактора действуют в противоположном направлении, то они могут взаимно погашать друг друга.

Кроме того, более всего нас интересует взаимосвязь не частных (возрастных), а обобщающих показателей — среднего числа лет жизни в браке и суммарного коэффициента рождаемости. Но как раз их сопоставление наталкивается на большие трудности. При расчете первого из них все возрастные группы как бы «равноправны», брачность в 20—24 года имеет такое же значение, что и в 45—49 лет. Однако для рождаемости несравненно большее значение имеет брачность в первой группе, нежели в последней. Поэтому повышение времени пребывания в браке в 60-е годы, достигнутое главным образом за счет возрастов за 40 лет, не могло сильно поднять уровень рождаемости.

Поэтому для анализа влияния динамики брачности на динамику рождаемости необходимо воспользоваться более тонкой методикой. Суть ее заключается в следующем. При сравнении двух повозрастных коэффициентов рождаемости в одной и той же группе (в динамике) можно определить, в какой степени изменение показателя связано с повышением или понижением брачности (точнее — доли состоящих в браке), а в какой — с ростом или сокращением брачной рождаемости. Уровень последней, условно полагая, что все рождения происходят в фактическом браке, можно определить как частное от деления повозрастного коэффициента рождаемости на долю состоящих в браке среди женщин этого возраста.

Так, в период между 1926—1927 и 1938—1939 гг. коэффициент рождаемости у 20—24-летних женщин уменьшился с 259,4 до 214,4 на 1000. Доля состоящих в браке среди них же за это время уменьшилась, если записать ее в виде десятичной дроби, а не на 1000 женщин, с 0,688 до 0,614 (см. табл. 1). Отсюда условные коэффициенты брачной рождаемости можно записать так:

1926—1927 гг.	1938—1939 гг.
259,4 : 0,688=377,0	214,4 : 0,614=349,2

причем они были вызваны главным образом ростом разводимости при ее далеко не полной компенсации повторными браками. Более подробные данные о сдвигах в структуре всего населения по брачному состоянию см. в Приложении (табл. 1, 2).

Если бы в этот период менялась только доля состоящих в браке, то коэффициент общей рождаемости в 1938—1939 гг. был бы равен

377,0 · 0,614=231,5

Таким образом по сравнению с 1926—1927 гг. он снизился бы на 27,9 пункта.

Другая гипотеза состоит в том, что в этот период изменяется только уровень брачной рождаемости, а доля состоящих в браке остается постоянной. В этом случае повозрастной коэффициент общей рождаемости (на 1000 всех женщин независимо от брачного состояния) в 1938—1939 гг. был бы равен

349,2 · 0,688=240,2,

что на 19,2 пункта ниже, чем в 1926—1927 гг.

Сумма двух показателей изменения уровня рождаемости, первый из которых характеризует ее снижение из-за сокращения брачности (27,9), а второй — из-за уменьшения частоты рождений в браке (19,5), составляет 47,4 пункта или промилле[4]. Это несколько больше, чем та величина, на которую уменьшился фактический коэффициент (45 промилле). Небольшое расхождение объясняется «эффектом взаимодействия» двух процессов — снижения брачности и сокращения брачной рождаемости, которые в данном случае в какой-то мере «перекрывают» друг друга. Это расхождение легко устранить с помощью поправочного коэффициента

K=45:47,4=0,949.

Посредством умножения на этот коэффициент значения полученных нами коэффициентов уточняются:

а) снижение рождаемости в связи с сокращением брачности составляет 27,9 · 0,949=26,5 промилле;

б) снижение рождаемости вследствие уменьшения частоты рождений в браке равно 19,5 · 0,949=18,5 промилле. Полученные две цифры уже свободны от влияния эффекта взаимодействия и в сумме соответствуют общему снижению рождаемости (45 промилле).

2. Обобщающие показатели состояния в браке и рождаемости

Таким же способом были подсчитаны в двух вариантах — а) при снижении только брачности и б) при снижении только брачной рождаемости — условные повозрастные коэффициенты рождаемости и для всех других возрастных групп. Из них были выведены обычным путем условные же суммарные коэффициенты

[4] Промилле (лат.) — на 1000 — единица измерения для большинства демографических показателей, выражающих частоту браков, разводов, рождений или смертей на 1000 населения в год. Условное обозначение — ‰.

рождаемости. Для 1938—1939 гг. они составили 5,037 (вариант «а») и 4,708 (вариант «б»). Соответственно снижение в варианте «а» составило

5,372—5,037=0,335.

Снижение в варианте «б» было равно

5,372—4,708=0,664.

Суммарное снижение составило:

0,335+0,664=0,999.

Общее фактическое снижение (разность фактических суммарных коэффициентов)

5,372—4,401=0,971.

Поправочный коэффициент вычисляется как

K=0,971:0,999=0,972.

Снижение за счет брачности с поправкой на взаимодействие подсчитывается следующим образом [5]:

0,335·0,972=0,326.

Снижение за счет брачной рождаемости с той же поправкой рассчитывается аналогично:

0,644·0,972=0,645.

Разложение общего изменения рождаемости на составляющие показывает в данном случае, что фактор брачности определяет одну треть общего изменения рождаемости:

0,326:0,971=0,34, или 34 %.

Остальные две трети (66 %) изменения приходятся на фактор брачной рождаемости.

В приведенном выше примере оба фактора — и брачность и брачная рождаемость — действовали однонаправленно — в сторону снижения. Однако при расчетах за другие годы мы применяли данную методику и в случаях разнонаправленного их действия. С точки зрения математики это вполне оправданно.

Из табл. 2 видно, что на протяжении последних шести десятилетий брачность была, хотя и менее важным, чем рождаемость в самом браке, но все же очень существенным фактором, детерминирующим динамику суммарных коэффициентов рождаемости. Повышением возраста вступления в брак и снижением прочности самих браков объясняется 34 % снижения рождаемости в 1926—1939 гг. Те же факторы плюс послевоенная диспропорция полов объясняют 27 % снижения рождаемости в 1939—1959 гг.

[5] Практически поправка на взаимодействие применялась нами к суммарным, а не к возрастным коэффициентам.

Таблица 2

Динамика коэффициентов суммарной рождаемости в СССР за 1926—1985 гг.*

	1926—1939	1939—1959	1959—1970	1970—1979	1979—1985
В начале периода	5,372	4,401	2,810	2,389	2,285
В конце периода	4,401	2,810	2,389	2,285	2,405
Изменение (всего)	—0,971	—1,591	—0,421	—0,104	+0,120
в том числе за счет:					
брачности	—0,326	—0,431	+0,387	+0,043	—0,037
брачной рождаемости	—0,645	—1,160	—0,808	—0,147	+0,157

* Составлена на основе тех же источников, что и табл. 1, однако показатели брачности вычислены по данным в более дробной возрастной группировке.

Относительное влияние брачности на рождаемость в этот период было меньшим, чем в предыдущий, но абсолютное (по величине сокращения суммарного коэффициента) — большим, так как само это сокращение в 40-е и 50-е годы происходило быстрее, чем в предыдущем периоде.

В 60-е годы изменения в брачности были благоприятными в связи с нормализацией соотношения полов и снижением среднего брачного возраста. Эти изменения привели бы к увеличению суммарного коэффициента рождаемости почти на 0,4 ребенка, если бы их положительное влияние на рождаемость не было перекрыто воздействием резкого уменьшения ее внутрисемейной интенсивности. В результате произошло противоположное — суммарный коэффициент уменьшился примерно на такую же величину. Относительный вклад брачного фактора в изменение суммарного коэффициента рождаемости в этот период выразился цифрой +92 % (принимая все изменения коэффициента за 100 %). В то же время относительный вклад фактора рождаемости в браке был резко негативным (—192 %).

Такая же противоположная направленность воздействия на суммарную рождаемость со стороны брачности и рождаемости в браке сохранилась и в 70-е годы, но уже в заметно ослабленной степени. В этот период произошло еще некоторое улучшение соотношения полов и дальнейшее омоложение брачности. Однако оно было отчасти нейтрализовано появившейся тенденцией к сокращению доли замужних женщин 25—39 лет. Поэтому положительное влияние брачности на рождаемость выражалось скромной цифрой в +0,043 ребенка — в 9 раз меньше, чем в предыдущем периоде. В то же время снижение брачной рождаемости тоже замедлилось — его влияние на суммарный коэффициент составило лишь —0,147 ребенка — в 5 раз ниже, чем в 60-е годы. Под влиянием этих противоположных изменений коэффициент суммарной рождаемости уменьшился незначительно — на

0,104. Вклад брачного фактора при этом составлял +41 %, фактора брачной рождаемости — 141 % [6].

Наконец, в первой половине 80-х годов положение стало изменяться самым неожиданным образом. Действие фактора брачности из позитивного стало негативным, поскольку тенденция к омоложению брачности прекратилась; кроме того, во всех возрастных группах женщин повысилась доля разведенных и разошедшихся и соответственно уменьшилась доля замужних. Если бы дело было только в брачности, то коэффициент суммарной рождаемости уменьшился бы на 0,04 ребенка (и составил бы 2,247, общий коэффициент рождаемости составил бы 18,2 ‰, а абсолютное число родившихся (в среднем за один год) — 5 млн 27 тыс.

Однако тенденция брачной рождаемости также сменилась на противоположную. Появились явные признаки ее повышения. Если бы брачность при этом не снижалась, а стабилизировалась, то коэффициент суммарной рождаемости увеличился бы до 2,442, общий коэффициент вырос бы до 20,0, а число рождений равнялось бы 5 млн 470 тыс. Фактически же в 1984—1985 гг. суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,405, общий коэффициент — 19,5, число родившихся — 5 млн 381 тыс. [7].

Таким образом, брачная рождаемость в этот период повысилась в заметно большей степени, чем общая рождаемость. Демографическая политика в нашей стране оказалась более эффективной в сфере репродуктивного поведения семей, чем это показывают традиционно употребляемые суммарные коэффициенты рождаемости, которые не учитывают брачность. Роль или вклад собственно брачной рождаемости в динамику ее общего уровня выражался цифрой +131 %, чего никогда раньше не было.

[6] В свое время В. А. Борисов, анализируя динамику брачной рождаемости с помощью коэффициентов ГМЕР (гипотетический минимум естественной рождаемости), установил, что относительная степень реализации ГМЕР между 1970 и 1979 г. в СССР повысилась (в городском населении с 31,2 до 33,7 %, в сельском — с 45,7 до 51,5 %). Однако он отказался интерпретировать эти данные как признак повышения брачной рождаемости в этот период, объясняя их методологическими недостатками самого показателя ГМЕР. По его мнению, «влияние структурных сдвигов на фактический общий коэффициент рождаемости и на коэффициент ГМЕР различно» (*Борисов В. А.* Воспроизводство населения СССР: тенденции и перспективы // Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 40, 44—45). В 1970—1979 гг. тормозящее влияние на величину ГМЕР оказало снижение доли замужних среди женщин 25—39 лет. Это обстоятельство оказало негативное влияние и на общий коэффициент рождаемости и на ее суммарный коэффициент, но в значительно меньшей степени. В модели ГМЕР брачная рождаемость в возрастах 20—24 и 25—29 лет почти одинакова — вторая лишь на 6 % меньше первой. Однако в реальном населении СССР в 1978—1979 гг. эта разница, по нашим расчетам, составила 46 %. В данном случае структурные сдвиги понизили уровень ГМЕР в большей степени, чем общий коэффициент рождаемости, из-за чего относительная степень реализации ГМЕР формально повысилась. Примененная нами методика более адекватно отражает влияние структурных сдвигов на динамику брачной рождаемости, которая все же понизилась.

[7] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985. С. 6, 33; данные табл. 1, 2.

Вклад брачности оказался отрицательным (—31 %). Таким образом, демографическая политика в нашей стране оказала позитивное влияние на уровень рождаемости, но, к сожалению, не смогла воспрепятствовать дальнейшему снижению брачности. Между тем повышение последнего можно считать одной из главных задач этой политики, как в связи с поставленной целью «упрочения семьи», так и потому, что повышение доли состоящих в браке среди женщин детородных возрастов как раз и создает те самые «наиболее благоприятные условия для роста населения», о необходимости создания которых говорилось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [8].

Проведенные расчеты показали, что, если бы с помощью демографической политики удалось остановить процесс снижения брачности и стабилизировать долю женщин, состоящих в браке, хотя бы на уровне 1979 г., это дало бы около 90 тыс. дополнительных рождений ежегодно. Если же удалось бы поднять уровень брачности женщин до показателей, наблюдавшихся в 1926 г., то число рождений увеличилось бы до 6 млн 216 тыс. (т. е. на 835 тыс.), общий коэффициент рождаемости в 1984—1985 гг. достиг бы 22,5 ‰, а ее суммарный коэффициент составил бы 2,78 ребенка в расчете на одну женщину, т. е. примерно ту же величину, что и в конце 50-х — начале 60-х годов, когда проблема слишком низкой рождаемости в стране еще не вызывала особого беспокойства советских демографов. Например, Б. Ц. Урланис в своей книге, вышедшей в 1963 г., отмечал, что «среди индустриальных государств СССР занимает одно из первых мест по уровню рождаемости» и что «снижение рождаемости в нашей стране. . . нисколько не сократило роста населения, так как смертность снизилась более значительно» [9].

Конечно, вновь повысить брачность в нашей стране до уровня 1926 г. — нелегкая задача. Для этого требуется определенное снижение среднего возраста вступления в первый брак и, главным образом, резкое, в несколько раз, сокращение частоты разводов, а также существенное повышение доли вступающих в повторный брак среди разведенных. Социальные факторы, определяющие демографическую ситуацию, во второй половине 20-х годов были существенно отличными от нынешних. Подавляющее большинство (около 82 %) населения [10] проживало тогда в сельской местности, придерживалось многих патриархальных традиций.

Известно, что уровень брачности сельского населения всегда существенно выше городского, а уровень разводимости — ниже.

[8] См.: Забота партии и правительства о благе народа: Сб. документов (март 1980—1984 г.). М., 1985. Кн. 3, ч. 1. С. 369—370.

[9] *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 39, 75. Позже автор изменил свою точку зрения. См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 163—164 и др.

[10] См.: Население СССР, 1973: Стат. сб. М., 1975. С. 7.

Кроме того, численность студентов, которые часто откладывали брак до окончания учебы, тогда была очень невелика.

Вместе с тем брачная ситуация в 1926 г. была далеко не идеальной. В то время соотношение полов в детородных возрастах было сильно нарушено, с одной стороны, высокой детской смертностью, которая у мальчиков была выше, чем у девочек, с другой — последствиями первой мировой и гражданской войн. Поэтому тогда перевес женщин над мужчинами начинался уже с 16 лет, а в 30—34 года он достигал 10 %[11]. В настоящее время вплоть до 30 лет мужчин больше, чем женщин, а в 30—34 года их численность выравнивается. Кроме того, в 1926 г. высокая смертность оставляла «след» в виде гораздо большей, чем сейчас, доли вдов во всех возрастах, а высокая детность препятствовала повторному замужеству их даже при наличии потенциальных «женихов». Поэтому задача восстановления тогдашнего уровня брачности женщин не так уж нереальна. Это показывает, какой большой резерв для повышения рождаемости представляет собой брачность.

Однако улучшение брачной структуры населения может достигаться разными путями: либо за счет понижения возраста вступления в брак и сокращения уровня окончательного безбрачия, либо в результате уменьшения частоты распада браков и повышения повторной брачности. Сама брачная структура населения является результатом взаимодействия процессов формирования и распада семей, каждый из которых следует рассмотреть в отдельности.

---

[11] Расчет по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.; Л., 1931. Т. 51. С. 2—3.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК НА УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ

1. Общие коэффициенты брачности и рождаемости

Самый простой и наглядный показатель, характеризующий заключение браков, это так называемый общий коэффициент брачности, т. е. число браков, заключаемых в течение года в расчете на 1000 человек населения. Обычно он выражается в промилле (⁰/₀₀). При всех недостатках этого показателя его удобно сопоставлять в динамике с общим коэффициентом рождаемости — т. е. число рождений в расчете на 1000 человек среднегодового населения, также выражаемом в ⁰/₀₀.

Преимущество такого сопоставления состоит в том, что оба показателя рассчитываются от одной и той же базы: численности населения. Кроме того, зависимость от возрастной структуры населения почти одинаково сказывается на динамике обоих коэффициентов. Если доля молодежи в населении уменьшается, то и брачность и рождаемость падают, если увеличивается — растут.

Мы располагаем по нашей стране непрерывными динамическими рядами обоих показателей за 40 лет, что очень облегчает их сопоставление (табл. 3). Как показывает таблица, между колебаниями общих коэффициентов брачности и рождаемости наблюдается явная синхронность (за счет первых рождений). Если разложить общий коэффициент рождаемости на составляющие по очередностям рождения, то число первенцев в расчете на 1000 жителей, т. е. общий коэффициент первых рождений может давать хорошее представление о степени благоприятности брачно-возрастной структуры населения при отсутствии прямых данных о ней. Рождение первенцев (в еще большей степени, чем детей вообще) концентрируется в возрастах от 20 до 24 лет — эта группа имеет в настоящее время решающее значение для рождаемости. Их частота может служить косвенной характеристикой самой численности этой группы женщин. Кроме того, частота появления первенцев зависит от распространности безбрачия (поэтому она в какой-то мере характеризует брачность) и бесплодия (следовательно она как-то оценивает и состояние здоровья населения). Однако в коэффициенте первых рождений на 1000 жителей действие всех этих факторов (возрастная структура, брачность, здоровье населения) проявляется аккумулировано — они не элиминируются друг от друга.

В то же время соотношения между величиной коэффициентов первых, вторых, третьих и последующих рождений в какой-то

Таблица 3

Число браков и рождений детей определенной очередности (на 1000 населения)

Год	Число браков	Всего	Число родившихся детей, в том числе по очередности					
			1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й и более
1940	6,3	31,2	...	...	...	...	...	...
1946	12,4	23,8	...	...	...	...	...	...
1947	10,8	25,7	...	...	...	...	...	...
1948	11,0	24,1	...	...	...	...	...	...
1949	11,4	28,5	...	...	...	...	...	...
1950	11,6	26,7	10,0	7,0	3,7	2,1	1,4	2,5
1951	11,6	27,0	...	...	...	...	...	...
1952	10,4	26,5	...	...	...	...	...	...
1953	10,9	25,1	...	...	...	...	...	...
1954	11,2	26,6	...	...	...	...	...	...
1955	11,5	25,7	9,3	6,7	4,1	2,4	1,4	1,8
1956	11,8	25,2	...	...	...	...	...	...
1957	12,4	25,4	...	...	...	...	...	...
1958	12,5	25,3	10,0	6,7	3,6	2,1	1,3	1,6
1959	12,2	25,0	9,8	6,7	3,5	2,1	1,3	1,6
1960	12,1	24,9	9,5	6,8	3,6	2,1	1,3	1,6
1961	11,0	23,8	9,1	6,5	3,4	2,0	1,3	1,5
1962	10,0	22,4	8,4	6,1	3,2	1,8	1,2	1,7
1963	9,1	21,1	7,5	5,9	3,0	1,8	1,2	1,7
1964	8,5	19,5	6,9	5,4	2,8	1,7	1,1	1,6
1965	8,7	18,4	6,3	5,1	2,6	1,6	1,1	1,7
1966	8,9	18,2	6,3	5,0	2,5	1,5	1,1	1,8
1967	9,0	17,3	6,2	4,7	2,2	1,4	1,1	1,7

Таблица 3 (окончание)

Год	Число браков	Всего	Число родившихся детей, в том числе по очередности					
			1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й и более
1968	8,9	17,2	6,4	4,6	2,1	1,3	1,0	1,8
1969	9,4	17,0	6,7	4,6	1,9	1,2	0,9	1,7
1970	9,7	17,4	7,3	4,6	1,9	1,1	0,8	1,7
1971	10,0	17,8	7,7	4,7	1,9	1,0	0,8	1,7
1972	9,4	17,8	7,8	4,9	1,8	1,0	0,7	1,7
1973	10,1	17,6	7,8	4,9	1,7	0,9	0,7	1,6
1974	10,3	18,0	8,1	5,1	1,8	0,9	0,6	1,5
1975	10,7	18,1	8,2	5,2	1,8	0,9	0,6	1,4
1976	10,1	18,4	8,3	5,3	1,8	0,9	0,6	1,5
1977	10,7	18,1	8,2	5,4	1,8	0,8	0,6	1,3
1978	10,7	18,2	8,4	5,5	1,8	0,8	0,6	1,1
1979	10,9	18,2	8,5	5,5	1,8	0,8	0,5	1,1
1980	10,3	18,3	8,6	5,7	1,7	0,8	0,5	1,0
1981	10,4	18,5	8,3	6,0	1,9	0,8	0,5	0,9
1982	10,3	18,9	8,3	6,3	2,0	0,9	0,5	0,9
1983	10,4	19,8	8,2	7,0	2,3	1,0	0,5	0,8
1984	9,6	19,6	8,1	6,8	2,4	1,0	0,5	0,8
1985	9,8	19,4	7,8	6,7	2,5	1,0	0,6	0,8
1986	9,8	20,0	7,7	7,1	2,7	1,1	0,6	0,8
1987	9,8	19,8	...	...	...	...	...	...
1988	...	19,0	...	...	...	...	...	...

«. . .» — нет данных.

Рассчитано по: Женщины в СССР. М., 1975. С. 97, 101; Население СССР: Численность, состав и движение населения, 1973. М., 1975. С. 69, 150; Народное хозяйство СССР в 1961 г. М., 1962. С. 10—35; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 404—405; Вестн. статистики. 1961. № 10; 1963. № 8; 1965. № 1; 1967. № 11; 1969. № 2; 1970. № 6; 1971. № 2, № 12; 1973. № 12; 1974. № 12; 1975. № 12; 1976. № 11; СССР в цифрах в 1988 г. М., 1989. С. 134.

степени приближенно характеризуют распределение матерей по числу рожденных ими детей. Однако пропорция между числом заключенных браков и числом рожденных первенцев не дает верного представления о распространенности бездетных браков.

Несмотря на то что в число браков входят повторные, а в число рождений — внебрачные, корреляция между показателями брачности и рождаемости несомненна. Повышение брачности, особенно длительное, обычно сопровождается, с лагом в один год, повышением общих коэффициентов рождаемости. И наоборот, снижение коэффициента брачности, как правило, влечет за собой и сокращение общего коэффициента рождаемости.

В 1940 г. общий коэффициент брачности в стране был очень низким — 6,3 на 1000 жителей. Это объяснялось как проводимой в то время ускоренной мобилизацией, так, видимо, и широкой распространенностью незарегистрированных фактических браков, которые в нашей стране тогда по закону во всех отношениях приравнивались к зарегистрированным. В то же время уровень рождаемости был довольно высоким — общий коэффициент составлял 31,2 ‰ в 1940 г. Правда, это было заметно меньше, чем в 1938—1939 гг., когда общий коэффициент составлял 37 ‰, а суммарный — 4,4 ребенка на женщину. Мы не знаем, какую часть родившихся составляли в то время первенцы, но при столь высоком суммарном коэффициенте эта доля не могла быть большой. В таких условиях и связь между числом браков и рождений не могла быть существенной.

Снижение рождаемости началось, таким образом, еще до войны. В годы войны число родившихся в стране уменьшилось не менее, чем в 2 раза [1]. Число браков, видимо, упало в еще большей степени.

Сразу после окончания войны, в связи с демобилизацией и восстановлением нарушенных семейных связей, начался резкий компенсационный подъем брачности — ее коэффициент в 1946 г. вдвое превысил свою довоенную величину. Однако в отношении рождаемости степень компенсации была гораздо меньшей и довоенные значения ее показателей уже никогда не были вновь достигнуты. Объясняется это, как было показано выше, резким снижением собственно брачной рождаемости.

Подъем брачности оказался непродолжительным — уже в 1947 г. ее коэффициент уменьшился до 10,8 ‰ — против 12,4 ‰ в 1946 г. Соответственно и общий коэффициент рождаемости уменьшился на такую же величину (1,6 ‰) — с 25,7 ‰ в 1947 до 24,1 ‰ в 1948 г.

В последующие годы — до 1960 г. колебания коэффициентов брачности и рождаемости были, как правило, невелики; тенденции к повышению тех и других, либо к их понижению не носили длительного устойчивого характера. Поэтому повышение или понижение коэффициента брачности не всегда влекло за собой соответствующее изменение в коэффициенте рождаемости. С другой стороны, и колебания рождаемости не всегда можно было объяснить изменениями в брачности. Но в целом для этого периода все же характерна относительная стабильность обоих процессов.

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 30.

Такая стабильность объясняется, как мы уже установили, взаимопогашающим эффектом двух противоположных тенденций: повышения брачности [2] из-за постепенной нормализации соотношения полов и снижения рождаемости в браке.

Нормализация соотношения полов повлияла на число заключаемых браков иначе, чем на брачную структуру населения. Последняя выравнивалась постепенно, в течение многих лет. Лишь к концу 70-х годов она перестала улучшаться: мужские поколения, принимавшие участие в войне, вышли за пределы репродуктивного возраста (даже с учетом разности возраста супругов).

Однако для числа ежегодно заключаемых браков (и общего коэффициента брачности) большое значение имеет соотношение полов не вообще, а лишь в тех возрастах, в которых заключается основная масса браков. Поэтому число браков в первые послевоенные годы не было низким. Сперва много браков было заключено бывшими фронтовиками (1945—1946 гг.). Когда эта волна несколько улеглась, наступил небольшой спад (1947 г.) [3], но уже с 1949 г. брачного возраста стали достигать мужчины, родившиеся в 1928 г. и позднее и не принимавшие прямого участия в войне. Имеется в виду не минимальный брачный возраст, разрешенный законом — в 18—19 лет женятся относительно немногие — в 1950 г. 5,2 % мужчин, вступивших в брак, были моложе 20 лет [4]. Массовое вступление мужчин в брак начиналось тогда с 21—22 лет. Многие из них, как было показано в работе Л. В. Чуйко, женились на женщинах старше себя, что смягчало проблему дефицита женихов [5] для «обделенных» женских поколений [6], но, видимо, создавало потом некоторые сложности в супружеских отношениях для таких неравных по возрасту браков.

Уже в 1950 г. почти 43 % женихов составляли мужчины в возрасте до 24 лет [7], т. е. принадлежащие к поколениям, родившимся в 1926 г. и позже, которые пострадали от войны меньше, чем предыдущие. К 1959 г. произошло заметное «омоло-

[2] Здесь под словом «брачность» понимается доля замужних женщин.
[3] Как было показано выше, это вызвало и уменьшение общего коэффициента рождаемости в 1948 г.
[4] Расчет по: Вестн. статистики. 1965. № 1. С. 96.
[5] Неравные по возрасту браки, наряду с повторными (у мужчин) намного понизили уровень окончательного безбрачия у женщин. Даже в поколении 1920—1924 гг. рождения, потерявшем по меньшей мере треть потенциальных женихов в годы войны, лишь 7 % женщин, по данным обследования 1985 г., никогда не были замужем. Последствия войны отразились в основном на числе вдов и разведенных.
[6] См.: *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М., 1975. С. 66—68.
[7] Расчет по: Вестн. статистики. 1965. № 1. С. 96.

жение» вступающих в брак мужчин; удельный вес женихов этого возраста достиг 50 %, кроме того, еще 25 % женихов принадлежало к возрастной группе 25—29 лет, т. е. к поколению 1929—1934 гг. рождения[8]. Таким образом, уже к концу 50-х годов подавляющее большинство потенциальных (и реальных) женихов составляли представители мужских поколений, не участвовавших в войне, и фактор послевоенной диспропорции практически перестал влиять на число ежегодно заключаемых браков.

Гораздо большее значение в это время имела сама по себе численность поколений, достигающих возраста массового вступления в брак. Она колебалась из-за тех спадов и подъемов рождаемости, которые имели место в нашей стране в те годы, когда появились на свет эти поколения.

Подобного рода «демографические волны», вообще очень характерные для нашей страны из-за бурных исторических событий в прошлом, оказывают влияние сначала на число заключаемых браков, потом на число рождений первенцев, позже — вторых, третьих и последующих детей.

В 1950 г. в возрасте наиболее высокой интенсивности как заключения браков, так и появления первых детей находились поколения женщин, родившихся во второй половине 1920-х годов, когда уровень рождаемости в стране был высоким. Даже в 1970 г., когда численность их несколько уменьшилась из-за естественной смертности, она оставалась внушительной — 10,2 млн (соответственно уже в возрасте 40—44 лет). Соотношение полов в этом поколении не было особенно благоприятным, его мужская часть понесла определенные потери — в 1950 г. на 100 женщин этого возраста приходилось примерно 90 мужчин[9]. Но это компенсировалось браками с более молодыми мужчинами.

Поэтому общий коэффициент брачности в 1950 г. был довольно высоким — 11,6 ‰, а коэффициент рождаемости первенцев составлял 10,0. Последняя цифра, едва ли не самая высокая за весь послевоенный период, говорит о том, что несмотря на огромные нарушения, вызванные войной, структура населения нашей страны с точки зрения комплексного влияния на рассматриваемые показатели состава населения по полу, возрасту, брачному статусу и состоянию здоровья была все же значительно лучшей, чем в настоящее время, когда коэффициент рождаемости первенцев составляет лишь 7,7 ‰ (1986 г.). Коэффициент брачности с тех

[8] Соотношение возрастов и годов рождения здесь показано иначе, чем при анализе вопроса о брачном состоянии населения. Дело в том, что последнее известно по данным переписи, проведенной 15 января 1959 г. Лица, которым тогда было 25—29 лет, родились в период с 15.01.1929 по 14.01.1934 г., и мы условно относим их к поколению 1929—1933 гг. В то же время лица, вступавшие в брак в этом возрасте, в течение всего 1959 г., родились с 1.01.1929 по 31.12.1934 г.

[9] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 13. (В 1970 г. на 100 женщин 40—44 лет приходилось 85,5 мужчины, но на такое соотношение повлияла не только война, а также и «нормальное» превышение мужской смертности над женской. Наша оценка соотношения полов в 1950 г. в этом же поколении дана с учетом вышеупомянутого обстоятельства.)

пор тоже заметно упал — до 9,8 ‰ в 1985 г., т. е. стал на 1,8 ‰ ниже, чем в 1950 г., несмотря на нормализацию соотношения полов и резкое повышение доли повторных браков.

Действие этих благоприятных факторов было резко перекрыто сильным постарением населения нашей страны за этот период: в 1939 г. лица старше 50 лет составляли лишь 13,4 % населения, в 1959 г.— 18,6 %, а в 1975 г.— 21,4 %, в то время как доля 20—29-летних изменялась совсем иначе — 18 % в 1939 г., 18,5 % в 1959 г. и 15,3 % в 1975 г.[10] В настоящее время доля населения в пострепродуктивных возрастах стала еще выше, а в возрастах наиболее интенсивного деторождения — еще меньше.

Молодые женщины, родившие первенцев,— это та базовая совокупность, в которой потом могут появиться (но не обязательно) все последующие дети. Вот почему мы на основе коэффициента первых рождений считаем общее воздействие структурных факторов на уровень рождаемости в 1950 г. довольно благоприятным.

Вместе с тем уже тогда число вторых и первых рождений соотносилось примерно как 2:3. Однодетность была распространена очень широко, что лишь отчасти можно приписать влиянию высокой в то время внебрачной рождаемости.

К тому же и пропорция между числом третьих и вторых рождений (которая от брачности уже почти не зависит) составляла лишь 1:2. Конечно, тут сказывалось то обстоятельство, что численность 25—29-летних женщин, у которых чаще всего и появляются вторые и третьи дети, была в 1950 г. гораздо ниже численности 20—24-летних. Однако даже с учетом поправки на этот структурный фактор нельзя не видеть, что уже в 50-х годах в стране численно преобладали малодетные семьи. То, что при этом коэффициент суммарной рождаемости составлял около 2,8 рождения на одну женщину (табл. 3), объясняется довольно высоким удельным весом семей с четырьмя и даже пятью, шестью и большим числом детей. Удельный вес трехдетных был уже тогда довольно низким.

К 1955 г. возраста 20—24 года достигли поколения женщин, родившихся в первой половине 30-х годов, когда уровень рождаемости в стране существенно сократился. Поэтому численность населения данной возрастной группы сократилась[11]. Однако пропорция полов в этом возрасте выравнялась. Данное обстоятельство воспрепятствовало снижению коэффициента брачности — он был примерно на уровне 1950 г., но не могло уже помешать уменьшению коэффициента рождаемости первенцев с 10 ‰ в 1950 до 9,3 ‰ в 1955 г.

В то же время поколение женщин 1925—1930 гг. рождения, существенно большее по численности, перешло в возраст 25—29 лет. Теоретически это должно было поднять общий коэффициент

[10] Расчет по: Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975. С. 33.

[11] В 1970 г., когда это женское поколение достигло 35—39 лет, его численность составила 8,5 млн человек (см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. С. 13).

вторых рождений, однако он, напротив, снизился до 6,7 ‰, вероятно в связи с распространением однодетности в реальных поколениях женщин. В то же время рост численности этой группы, и видимо, также увеличение доли замужних в ней, несколько повысили общие коэффициенты третьих и четвертых рождений.

К моменту переписи 1959 г. численность 20—24-летних женщин вновь увеличилась, что привело к росту общих коэффициентов как брачности, так и рождаемости первенцев. В 1958 г. первый достиг 12,5 ‰ — максимальной величины за весь послевоенный период, второй — вернулся к уровню 1950 г.— 10 ‰. В то же время численность 25—29-летних, по сравнению с 1955 г., вновь уменьшилась, из-за чего сократились коэффициенты рождаемости третьих и четвертых детей. Однако сопоставление их с аналогичными показателями, характеризующими появление первых и вторых детей, за любой год показывает преобладание малодетных семей.

Если в начале 50-х годов решающее значение для числа заключаемых браков имела численность мужчин, достигающих возраста массового вступления в брак (21—22 года), то в конце этого десятилетия, когда соотношение численности мужчин и женщин в молодых возрастах выравнялось, на первое место выступил другой фактор — численность девушек, достигающих в данном году совершеннолетия. Активное вступление в брак женского населения, в отличие от мужского, начинается немедленно с достижения минимального законного брачного возраста — 18 лет. Довольно многие девушки выходят замуж даже раньше — в 16—17 лет,— им это разрешается в порядке исключения, обычно в связи с беременностью или рождением ребенка. В 1959 г. одна шестая часть всех невест приходилась на женщин моложе 20 лет, в настоящее время в связи с омоложением брачности — примерно одна треть среди первобрачных.

В 1959 г. 18-летия достигли девушки, родившиеся в 1941 г., когда рождаемость резко упала. Это сразу же привело к резкому снижению числа браков и первых рождений. Начиная с 1961 г. снижение затронуло также вторые и третьи рождения и уже заметно отразилось на общем коэффициенте рождаемости.

Если коэффициент брачности уменьшился с 12,5 ‰ в 1958 г. до 8,5 ‰ в 1964 г., т. е. на 32 %, то коэффициент первых рождений сократился соответственно с 9,8 ‰ в 1959 г. до 6,3 ‰ в 1965 г., т. е. примерно в такой же степени — на 36 %. Вторые рождения за 1960—1966 гг. уменьшились на 25 %, третьи за 1961—1967 гг. на 34 %, четвертые за 1962—1968 гг.— на 28 %, пятые за 1963—1969 гг.— на 25 %. Снижение показателей по данным очередностям рождений продолжалось и в течение ряда последующих лет. Только на шестой и еще более высокой очередностях рождений этот процесс долгое время не отражался. Рождения этих очередностей в основном имеют место у матерей старше 35, отчасти даже старше 40 лет. Поэтому на коэффициенты данных рождений очень долгое время оказывало положительное влияние восстановле-

ние соотношения полов — практически до 1970 г., и даже несколько позже; вызванное этим процессом повышение доли замужних среди женщин старших репродуктивных возрастов погашало эффект снижения собственно брачной рождаемости. Лишь начиная с 1973 г. показатели по детям высоких очередностей стали заметно сокращаться.

Начиная с 1964 г. 18-летнего возраста стали достигать девушки, родившиеся в 1946 г. и позже, т. е. в годы послевоенного компенсационного повышения рождаемости. Теоретически это должно было уже в том году повысить общий коэффициент брачности, в следующем — коэффициент первых рождений, еще через год — вторых, и вообще повернуть всю динамику рождаемости вспять. Однако случилось нечто противоположное — коэффициент брачности именно в 1964 г. достиг самой низкой за всю послевоенную историю нашей страны отметки, да и последующие четыре года отмечались почти стабильно низкой брачностью.

Такое положение сложилось потому, что появившейся в это время на «брачном рынке» нашей страны многочисленной армии невест противостояло примерно вдвое меньшее число женихов. 18- и 19-летние девушки по современным понятиям — полноценные невесты, они часто выходят замуж, но лишь в редких случаях — за своих сверстников, которые в это время проходят военную службу или учатся на младших курсах высших учебных заведений.

Молодые люди 18, 19 и даже 20 лет обычно не рассматриваются своими ровесницами в качестве серьезных претендентов на роль будущего супруга. Если 18-летний парень хочет жениться на своей ровеснице или девушке на 1—2 года старше, он даже в случае согласия самой девушки обычно сталкивается с сопротивлением своих и ее родителей, неодобрением со стороны родственников, друзей и знакомых, которые все внушают ему, что жениться еще рано. Если им это удается и брак откладывается, например, до его возвращения из армии, то девушка за это время часто вступает в брак с другим, более «взрослым» мужчиной.

Общественное мнение не одобряет слишком юных мужчин, которые вступают в брак. Так, социологический опрос 384 мужчин и 406 женщин, проведенный в Минске в 1968 г., в порядке обсуждения проекта Основ ныне действующего законодательства о браке и семье, показал, что лишь 6,9 % опрошенных считали целесообразным сохранить минимальный 18-летний брачный возраст для мужчин. Свыше 91 % настаивали на его повышении: 1,4 % — до 19 лет, 18,4 % — до 20 лет, 32,4 % — до 21 года, 39 % — до 22 лет и более. Остальные респонденты (1,9 %) не имели определенного мнения. Сторонников повышения брачного возраста для женщин было гораздо меньше (но все-таки около половины респондентов), высказывались мнения и о целесообразности его снижения [12].

---

[12] См.: *Юркевич Н. Г.* Советская семья. Минск, 1970. С. 117.

Эти предложения не нашли отражения в законодательстве вероятно потому, что повышение минимального брачного возраста всегда ведет к внебрачным сожительствам, к безотцовщине. Однако они показательны как характеристика отношения общественного мнения к ранним бракам мужчин. Вероятно, подавляющее большинство 18—19-летних мужчин и сами считают, что им слишком рано вступать в брак [13], и женятся главным образом в случае беременности своих подруг, да и то далеко не всегда.

Показательно, что такое отношение к слишком ранним бракам не изменилось даже под влиянием послевоенной диспропорции. Как мы уже упоминали, в 1950 г. лишь около 5 % женихов были моложе 20 лет — примерно таков их удельный вес и в наше время.

Сказанное выше объясняет, почему брачность в нашей стране в середине 60-х годов была такой низкой. 18-летние девушки 1946 г. рождения не хотели выходить замуж за своих сверстников, которые тоже не хотели жениться, и не могли выйти замуж за более «солидных» молодых людей 1942 г. рождения, которых было вдвое меньше. Они предпочитали ждать, пока их сверстники «созреют» для семейной жизни. Поэтому средний возраст вступления в брак в те годы был очень высоким, а число вступающих в брак, напротив, низким.

Только начиная с 1969 г. на «брачном рынке» «накопилось» достаточное количество мужчин, родившихся в период послевоенного компенсационного подъема рождаемости и достигших возраста активной мужской брачности. К тому же и сам возраст снизился. С 1 января 1968 г. вступил в силу новый, ныне действующий Закон о всеобщей воинской обязанности. Он фактически несколько понизил призывной возраст. Если в 1967 г., например, призывались в армию лица 1948 г. рождения, причем призыв обычно происходил в осенние месяцы, когда большинству мобилизуемых уже исполнилось 19 лет, то в 1968 г. призыв производился уже дважды в год: в мае — июне и ноябре — декабре, причем призывались граждане 1950 г. рождения, которым ко дню поступления на военную службу исполнялось 18 лет.

Это обстоятельство еще более затруднило вступление в брак для 18- и 19-летних мужчин. Но (и это было гораздо более важно) сократился по тому же закону и срок военной службы (в сухопутных войсках — с 3 до 2 лет) [14], в результате чего мужчины стали уходить в армию не в 19, а в 18 лет и возвращаться со службы в 20 лет, а не в 22 года, как в прошлом.

В силу этих обстоятельств средний брачный возраст заметно понизился, а число браков начиная с 1969 г. стало быстро

---

[13] По данным опроса, проведенного в 1978—1979 гг. (свыше 4 тыс. городских жителей Латвийской ССР), на вопрос о причинах отсутствия собственной семьи 79,4 % мужчин и 62,2 % женщин 16—19 лет, не состоящих в браке, ответили: «я слишком молод(а)». См.: Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984. С. 78, 281.

[14] См.: Правда. 1967. 12 окт.

увеличиваться. С этого же года отмечается заметный рост коэффициента первых рождений, который уже в 1970 г. оказал влияние на общий коэффициент рождаемости. После 1971 г. это влияние усилилось, поскольку стали увеличиваться также и коэффициенты вторых рождений. Однако коэффициенты по третьим, четвертым и последующим детям продолжали уменьшаться вплоть до 1980 г.

Рост коэффициентов брачности и рождаемости (за счет первых и вторых детей) продолжался более десяти лет. В 70-е годы брачного возраста достигали все новые и новые поколения родившихся в 50-е годы, когда общий коэффициент рождаемости в стране был почти стабилен, а число родившихся (в связи с ростом населения страны) постоянно увеличивалось. Если в 1950 г. родилось 4,8 млн детей, то в 1960 г. — 5,3 млн [15] — больше, чем в любом из девятнадцати предыдущих годов.

Поколение девушек 1960 г. рождения достигло 18-летия в 1979 г. В этом году общий коэффициент брачности достиг 10,9 ‰ — на 22 % больше, чем в 1968 г. Соответственно коэффициент первых рождений в 1980 г. составил 8,6 ‰. Это было на 28 % больше, чем в 1969 г. За эти же 11 лет коэффициент вторых рождений увеличился на 24 % — с 4,6 до 5,7 ‰. Общий коэффициент возрос с 17,0 до 18,2 ‰, т. е. на 7 % — в значительно меньшей степени, чем показатели по первым и вторым детям, потому что рождаемость более высоких очередностей сильно сократилась: по третьим детям на 11 %, по четвертым — на 33 %, по пятым — на 44 %, по шестым и последующим — на 41 %.

Следует отметить, что длительный и почти непрерывный процесс роста числа заключаемых браков, который сопровождался с 1969 г. ростом первых, а с 1971 г. — также и вторых рождений, должен был, при прочих равных условиях, повлечь за собой вскоре также рост числа третьих, а затем и четвертых и пятых рождений, подобно тому как в первой половине 60-х годов снижение числа браков вызвало последовательное сокращение показателей рождений всех этих очередностей.

Увеличение числа женщин, только что вступивших в брак, создает потенциальную возможность для повышения числа первых рождений, которая почти всегда реализуется. Это повышает численность молодых матерей, недавно родивших первенца, т. е. той совокупности, в которой могут появляться вторые дети. При этом, даже если вероятность рождения второго ребенка остается прежней, число женщин, у которых он появился, растет. А это, в свою очередь, при прочих равных условиях, т. е. при неизменной вероятности рождения третьего ребенка, должно приводить к увеличению числа третьих рождений. То же самое относится и к детям всех последующих очередностей.

Если коэффициенты третьих рождений в 70-е годы продолжали снижаться, несмотря на рост числа вторых, т. е. расширение

---

[15] Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975. С. 45.

совокупности, в которой потенциально могут появляться третьи дети, то это могло быть вызвано только сокращением вероятности появления третьего ребенка.

Действительно, если в конце 50-х годов число третьих и вторых рождений соотносились как 1:2, то в конце 70-х годов уже как 1:3. При всей известной неточности этих сопоставлений (необходимо учитывать временной лаг между рождениями) нельзя не видеть, что распространенность одно- и двудетных семей за это время увеличилась, а доля семей с тремя и более детьми, которые и поколением раньше были уже в меньшинстве, сильно сократилась.

Таким образом, рост общих коэффициентов рождаемости в 70-е годы был связан исключительно с действием структурных факторов — повышением числа браков, ростом численности женщин в возрастах до 30 лет и снижением возраста вступления в брак; эти обстоятельства маскировали сокращение интенсивности деторождения в браке.

Начиная с 1980 г. стали достигать совершеннолетия поколения девушек, появившихся на свет в 1961 г. и позднее, т. е. в годы, когда уровень рождаемости в стране быстро уменьшался. Это немедленно отразилось на числе ежегодно заключаемых браков — в расчете на 1000 человек населения оно уменьшилось с 10,9 в 1979 г. до 9,6 в 1984 г. За этим немедленно последовало сокращение коэффициента первых рождений — с 8,6 в 1980 г. до 8,1 в 1984 г. Все это говорило об ухудшении возрастной структуры населения страны и начале нового спада «демографической волны» браков и рождений.

Теоретически следовало ожидать, что этот спад должен был отразиться с 1982 г. на вторых рождениях, с 1983 г. — на третьих и т. д., как это уже было в первой половине 60-х годов. Однако в это неблагоприятное для страны развитие событий вмешался новый фактор — демографическая политика нашего государства.

Конечно, и до этого различные меры внутренней политики — например, пересмотр брачно-семейного законодательства (1944 г., 1965г., 1968 г.), сокращение численности вооруженных сил (1945—1948 гг., 1958—1961 гг.), изменение призывного возраста и сроков военной службы (1967 г.), переход ко всеобщему среднему образованию и многие другие меры — оказывали влияние на возраст вступления в брак, на число браков и рождений в стране. Однако, как правило, такое влияние было неожиданным, непредвиденным и тем более, непланируемым заранее. Особенно это относится к влиянию данных мер на рождаемость, оно всегда носило характер побочного эффекта, за исключением кратковременного повышения числа рождений в 1937—1938 гг., вызванного запрещением абортов в 1936 г. Эта мера преследовала и демографические цели. Однако отмена данного запрета в 1955 г. не ставила целью снизить уровень рождаемости в стране. Она была вызвана исключительно гуманистическими соображениями — необходимостью борьбы с широко распространившимися в это

время криминальными абортами и, кстати, никак не повлияла на уровень рождаемости в стране [16].

В январе 1981 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». В этом документе говорится: «Коммунистическая партия и Советское государство, последовательно проводя курс на подъем народного благосостояния, уделяют большое внимание созданию наиболее благоприятных условий для роста населения и воспитания подрастающего поколения» [17].

Тем самым была прямо поставлена цель демографической политики — стимулирование роста населения страны, что при современном, довольно низком уровне смертности возможно главным образом за счет повышения рождаемости.

Меры, предусмотренные постановлением, соответствуют такой постановке задачи, поскольку они направлены на улучшение условий жизни семей, имеющих детей, и тем самым на устранение помех к рождению.

Перечень этих мер весьма внушителен, но наибольшее демографическое значение из них, как показало последующее развитие событий, имела частичная оплата отпуска матери по уходу за ребенком в возрасте до одного года и предоставление права на дополнительный отпуск (без его оплаты) до достижения ребенком возраста полутора лет [18].

Эти меры — продление отпусков и частичная их оплата — вводились в действие поэтапно, по районам страны: в Сибири, на Дальнем Востоке и в некоторых северных областях европейской части РСФСР с 1 ноября 1981 г., на остальной территории РСФСР, а также на Украине, в Белоруссии, Молдавии и в республиках советской Прибалтики — с 1 ноября 1982 г., а в республиках Закавказья, Средней Азии и в Казахской ССР — с 1 ноября 1983 г.

Меры демографической политики повлекли за собой заметное повышение общих коэффициентов рождаемости в первой группе территорий уже в 1981—1982 гг., во второй — в 1982—1983 гг., в третьей — в 1983—1984 гг. По нашим расчетам, в целом по стране за пятилетку они дали около 1,1—1,2 млн дополнительных рождений. Если бы уровень повозрастной рождаемости остался таким же, каким он был до принятия мер демографической политики, эти дети не появились бы на свет в 1981—1985 гг. Повышение числа родившихся, как показывает таблица 3, на этот раз в отличие от ситуации, наблюдавшейся в начале 70-х годов, никак не было связано ни с ростом числа браков, ни с увеличением количества первенцев. Напротив, оба эти показателя сократились.

---

[16] См.: *Садвокасова Е. А.* Роль аборта в осуществлении сознательного материнства в СССР: (По материалам выборочного обследования) // Изучение воспроизводства населения. М., 1968. С. 207—224.

[17] См.: Забота партии и правительства о благе народа: Сб. документов (март 1980—1984 г.). М., 1985. Кн. 3, ч. 1. С. 369.

[18] См.: Там же. С. 370.

Общий коэффициент рождаемости увеличился с 18,3 ‰ в 1980 г. до 19,8 ‰ в 1983 г. При этом коэффициент первых рождений уменьшился с 8,6 до 8,2 ‰, т. е. его относительный вклад в динамику общего коэффициента был отрицательным (—27 %). Основной прирост общего коэффициента был получен за счет повышения коэффициента вторых рождений с 5,7 до 7,0 — оно объясняет 87 % общего прироста. Коэффициент третьих рождений вырос довольно заметно — с 1,7 до 2,3. Однако вклад этого фактора в общий прирост был меньшим (+40 %). Небольшой прирост дали и четвертые рождения (с 0,8 до 1,0 — относительный вклад +13 %). В то же время показатель по пятым детям не изменился, а по шестым и последующим даже уменьшился с 1,0 до 0,8 (относительный вклад —13 %).

Важно отметить, что хотя число третьих детей и заметно выросло, оно все же было втрое меньше числа вторых детей, вчетверо меньше числа первенцев. Подавляющее большинство семей в стране осталось малодетными, хотя внутри самой этой категории пропорция явно изменилась в пользу двудетных.

Прирост общего коэффициента рождаемости за счет третьих и четвертых детей имел место главным образом в сельской местности, где и прежде семьи с таким числом детей не были редким явлением. Поэтому прирост общего коэффициента рождаемости у сельского населения страны за 1980—1983 гг. был в 2 раза больше (с 20,4 до 22,6 ‰, т. е. на 2,4 ‰), чем у городского (с 17,0 до 18,2, т. е. на 1,2 ‰) [19]. В городах повысилась рождаемость почти исключительно за счет вторых детей; семьи с тремя и более детьми, хотя их стало несколько больше, остались для городского населения страны нетипичным явлением, особенно в республиках ее европейской части.

Что же касается успеха стимулирования третьих рождений среди сельского населения, то за счет одного этого фактора невозможно решить «проблему третьего ребенка» по стране в целом, поскольку на селе проживает лишь 34 % ее жителей, причем доля молодых, активно детородных групп среди них очень низка из-за оттока сельской молодежи в города. Только 30 % женщин 20—29 лет в СССР в 1987 г. были сельскими жительницами [20].

В целом по стране при заметном увеличении общего коэффициента рождаемости в 1980—1983 гг. доля третьих и последующих детей среди новорожденных повысилась незначительно — с 22 до 23 % [21]. В РСФСР ее увеличение было несколько большим — с 12 до 14 % [22], но достигнутое в итоге значение этого показателя говорит о сохранении абсолютного преобладания малодетных семей в республике. Как там, так и в других союзных республиках европейской части страны (кроме Молдавской ССР) даже в момент

[19] См.: Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985. С. 33.
[20] Рассчитано по: Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 44.
[21] См.: Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 33.
[22] См.: Там же. С. 16.

наивысшего подъема рождаемости (1983 г.) не обеспечивалось простое замещение поколений.

Меры помощи семьям, принятые в XI пятилетке, помогли многим молодым парам, которые планировали рождение второго (иногда и третьего) ребенка на несколько лет вперед, родить его раньше намеченного срока, из-за чего в последние годы и произошел подъем этих рождений. Возникла новая «демографическая волна» — поколение родившихся в 1983 г. было самым многочисленным в нашей стране за весь период после 1940 г.

Если бы эти меры не были приняты, часть из определенных нами 1,2 млн дополнительных рождений за 1981—1985 гг. произошла бы в последующие годы, часть — не состоялась бы вовсе из-за распада части семей, ухудшения супружеских отношений у другой их части и наступления вторичного бесплодия у третьей (особенно из-за абортов), а также из-за нежелания многих супругов, чьи дети подросли, вновь возвращаться к самому тяжелому, «пеленочному» этапу жизни семьи. Есть мнение, что демографическая политика должна помочь семьям по возможности быстрее достичь желаемого числа детей в первые годы брака, т. е. создать для этого необходимые условия, без которых это число будет уменьшаться с каждым годом [23]. Меры, принятые в нашей стране в начале 80-х годов, имели как раз такую направленность: они помогли многим семьям быстрее, чем обычно, реализовать свои планы.

Однако подъем рождаемости при этом был кратковременным. В РСФСР, на Украине, в Белоруссии, где эти меры были введены в 1981—1982 гг., «пик» числа рождений пришелся на 1983 г., а уже к 1985 г. оно уменьшилось в этих трех республиках примерно на 156 тыс. Правда, в это же время число родившихся в Закавказье, Средней Азии и Казахстане возросло приблизительно на такую же величину (в этих регионах меры помощи семьям вступили в силу с 1 ноября 1983 г.), из-за чего абсолютное число рождений по стране в целом осталось стабильным, однако общий коэффициент рождаемости уменьшился на 0,4‰. Это говорит о спаде демографической волны, о том, что эффект демографической политики носил преходящий характер.

Причины нового подъема коэффициентов рождаемости в 1986 г. еще не ясны. Но во всяком случае они увеличились не из-за мер, принятых в годы XI пятилетки, которые уже исчерпали себя, и не из-за продления отпусков по уходу за детьми, о котором было объявлено на XXVII съезде КПСС, но которое в 1986 г. еще не было осуществлено. Общий коэффициент в 1986 г. был на 0,6 ‰ выше, чем в 1985 г. При этом число вторых рождений на 1000 жителей возросло с 6,7 до 7,1, а третьих — с 2,5 до 2,7. Так же, как и в 1981—1985 гг., подъем в сельской местности (с 23,1 ‰ до 24,1 ‰) был выше, чем в городах (с 17,4 до 17,9 ‰). Однако общий коэффициент брачности остался на уровне преды-

[23] См.: *Прокопец И.* Замужняя женщина в семье и на работе // Рождаемость и ее факторы. М., 1971. С. 53.

дущего года. Уже в 1987 г. коэффициент рождаемости вновь уменьшился с 20,0 до 19,8 ‰, а в 1988 г., по предварительным данным, до 19,0 ‰ [24].

Проведенный нами анализ показал наличие довольно заметного параллелизма между динамикой общих коэффициентов брачности и рождаемости, который отражает зависимость обоих процессов от общего фактора — динамики половозрастной структуры. Этот параллелизм был нарушен только в 80-е годы в связи с проведением демографической политики, которая повлияла на число рождений, но не браков. Но такой вывод был бы недостаточно обоснован. Для его подтверждения необходим анализ показателей брачности и рождаемости, независимых от возрастной структуры населения.

2. Возраст вступления в брак и интенсивность деторождения

Как известно, колебания брачности зависят не только от изменений в половозрастной и брачной структурах населения, но и от сдвигов в самой интенсивности заключения браков. Наилучшее представление о ней дают коэффициенты брачности брачноспособного населения, т. е. число браков на 1000 лиц данного пола и возраста, не состоящих в браке. Однако эти показатели несопоставимы с возрастными коэффициентами рождаемости, которые рассчитываются на 1000 всех, а не только брачноспособных, женщин данного возраста.

Поэтому мы должны воспользоваться другой характеристикой брачности — возрастным коэффициентом брачности всего населения, т. е. число браков, заключенных мужчинами и женщинами в возрасте x в расчете на 1000 всех лиц того же возраста и пола.

Эти показатели менее совершенны в методическом отношении, они характеризуют не интенсивность (как коэффициенты для брачноспособного населения), а частоту заключения браков в половозрастных группах. Однако, они используются демографами (Л. В. Чуйко, М. С. Тольц и др.) довольно часто, причем позволяют делать интересные выводы [25].

Эти показатели легко поддаются сопоставлению с повозрастными коэффициентами рождаемости, так как и те и другие рассчитываются по отношению к численности одного и того же продуцирующего контингента — всех женщин данного возраста, и к тем и к другим применим способ повозрастного суммирования, дающий кумулятивные и суммарные коэффициенты. Кроме того, для расчета возрастных коэффициентов брачности всего населения в отличие от показателей для брачноспособного населения не требуются данные переписи населения, которые проводятся редко и нерегулярно. По ним можно строить сплошные динамические ряды.

К сожалению, лишь с 1966 г. в публикациях ЦСУ СССР стали дифференцироваться повозрастные числа мужчин и женщин, вступивших в первый и повторный брак, что очень важно для нашего анализа. Поэтому последний проведен лишь за 1966—1986 гг.

Табл. 4 содержит подробные сведения о динамике возрастных коэффициентов брачности в нашей стране за почти непрерывный период — с 1959 г. Только за 1962 г. мы не могли рассчитать необходимые показатели, ибо в публикации ЦСУ СССР за этот год число вступивших в брак не было распределено по возрасту. Начиная с 1966 г. мы уже могли рассчитать коэффициенты отдельно для первых и повторных браков.

Обычно для оценки влияния брачности на рождаемость демографы изучают брачность только женского населения. Но мы проанализировали также и повозрастные коэффициенты для мужчин, поскольку брачное поведение этого пола, как находящегося в меньшинстве (особенно на первых этапах интересующего нас периода) является как бы определяющим по отношению к брачному поведению «слабого» пола. Предполагалось, что на «брачном рынке» мужчины действительно выступают как «сильный» пол. Кроме того, анализ данных для обоих полов необходим для того, чтобы элиминировать влияние соотношения численности мужчин и женщин (с учетом разницы возрастов вступающих в брак) на показатели брачности.

Однако рассмотрение этих коэффициентов убеждает нас в том, что динамика повозрастной брачности мужчин и женщин имеет весьма параллельный характер и что влияние соотношения полов на брачность, за исключением старших возрастных групп (в которых в начале данного периода еще отмечалась заметная диспропорция), не было очень существенным.

В период между 1959—1961 и 1963—1965 гг. во всех половозрастных группах произошло довольно резкое снижение коэффициентов брачности. Мы не знаем в точности, чем оно было вызвано. Вероятно, уровень брачности в 1959—1961 гг. был неестественно высоким из-за проводимого в те годы сокращения численности вооруженных сил. Суммарные коэффициенты брачности в то время составляли около 1,3 брака как на мужчину, так и на женщину. Учитывая, что влияние повторных браков на этот показатель тогда не могло быть очень значительным, так как число разводов было еще невелико, и что в последующие годы, при большем числе разводов и повторных браков, суммарные коэффициенты брачности никогда не достигали вновь столь высоких значений, снижение их в 1963—1965 гг. может свидетельствовать просто о нормализации процессов брачности.

[24] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 404—407; Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 46—47; Население СССР, 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 128; Правда. 1989. 22 янв.; см. также ежегодники союзных республик.

[25] См.: *Чуйко Л. В.* Указ. соч. С. 47; *Тольц М. С.* Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и длительности брака // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 40—47.

3 Зак. 1712

Таблица 4

Повозрастные коэффициенты брачности и рождаемости (на 1000 человек данного пола и возраста)

Годы	15—19 лет	20—24 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40—44 лет	45—49 лет	Суммарный коэффициент
Мужчины								
Первые браки								
1966—1970	11,8	102,4	65,7	16,9	6,5	3,9		1055,5
1971—1975	9,2	132,6	49,0	15,1	5,6	2,5		1082,5
1976—1980	11,7	125,4	41,7	11,2	5,0	2,3		988
1981—1985	10,7	122,1	36,8	9,8	3,7	1,8		932,5
1986	9,8	118,8	38,5	9,5	3,8	1,6		918
Повторные браки								
1966—1970	0,1	2,8	8,7	7,6	5,7	4,6		170,5
1971—1975	0,1	3,7	8,6	8,5	6,3	4,4		180
1976—1980	0,0	3,5	9,6	8,8	7,5	5,0		197
1981—1985	0,0	3,8	9,7	9,8	7,6	6,0		214,5
1986	0,0	3,7	10,7	10,9	9,7	6,8		243
Все браки								
1959—1961	16,2	107,8	71,2	21,1		12,2		1309
1963—1965	8,5	93,8	63,9	20,2	11,6	9,2		1082
1966—1970	11,9	105,2	74,4	24,5	12,2	8,5		1226
1971—1975	9,3	136,3	57,6	23,6	11,9	6,9		1262,5
1976—1980	11,7	128,9	51,3	20,0	12,5	7,3		1195
1981—1985	10,7	125,9	46,5	19,6	11,3	7,8		1148
1986	9,8	122,5	49,2	20,4	13,5	8,4		1161

Таблица 4 (продолжение)

Годы	15—19 лет	20—24 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40—44 лет	45—49 лет	Суммарный коэффициент
Женщины								
Первые браки								
1966—1970	51,2	100,7	28,5	11,2	6,2	4,2		1031
1971—1975	57,5	109,1	24,1	7,9	4,1	2,6		1039,5
1976—1980	64,6	99,5	22,7	7,5	3,3	2,1		1009
1981—1985	65,2	98,1	21,3	6,5	2,6	1,3		981,5
1986	67,6	94,0	22,1	6,8	3,0	1,2		979,5
Повторные браки								
1966—1970	0,4	5,4	8,8	6,6	4,0	2,6		152
1971—1975	0,4	6,2	8,5	7,2	4,9	2,8		164
1976—1980	0,4	5,9	9,7	8,5	5,8	3,6		187,5
1981—1985	0,4	6,9	10,4	8,6	6,2	4,3		205,5
1986	0,3	7,3	12,2	10,9	8,1	5,2		246
Все браки								
1959—1961	59,5	109,7	42,3	16,3		7,7		1297,5
1963—1965	41,1	99,1	39,3	16,5	9,9	7,1		1100,5
1966—1970	51,6	106,1	37,3	17,8	10,2	6,8		1183
1971—1975	57,9	115,3	32,6	15,1	9,0	5,4		1203,5
1976—1980	65,0	105,4	32,4	16,0	9,1	5,7		1196,5
1981—1985	65,6	105,0	31,7	15,1	8,8	5,6		1187
1986	67,9	101,3	34,3	17,7	11,1	6,4		1225,5

Таблица 4 (окончание)

Годы	15—19 лет	20—24 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40—44 лет	45—49 лет	Суммарный коэффициент
Рождения								
1959—1961	34,8	165,1	161,0	112,1	62,2	23,9	4,7	2819
1963—1965	23,2	160,1	142,3	96,7	51,5	20,9	4,1	2494
1966—1970	28,6	160,5	130,4	92,7	48,6	16,5	3,9	2406
1971—1975	33,3	174,9	135,3	81,0	46,2	14,5	1,9	2435,5
1976—1980	38,3	175,8	127,3	73,8	33,2	12,3	1,6	2311,5
1981—1985	42,0	185,0	133,8	72,4	31,7	7,7	1,1	2363,5
1986—1987	44,4	192,6	145,9	79,2	33,8	8,7	0,7	2526,5

Рассчитано по: Вестн. статистики. 1961. № 10; 1963. № 8; 1966. № 12; 1967. № 11; 1969. № 2; 1970. № 6; 1971. № 2, № 12; 1972. № 6; 1973. № 1, № 12; 1974. № 2, № 12; 1975. № 12; 1976. № 11; 1977. № 12; 1978. № 11; 1979. № 11; 1980. № 11; 1981. № 11; 1982. № 11; 1983. № 12; 1984. № 11; 1985. № 11; 1986. № 11; 1987. № 12; 1988. № 11; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 12—13; Народонаселение стран мира. М., 1978. С. 74. Повозрастная численность населения, необходимая для расчета относительных показателей, определена путем передвижки возрастов от переписей и официальных оценок ЦСУ СССР.

Но даже если это и так, то все же видно, что падение общих коэффициентов брачности в середине 60-х годов до минимальных за весь послевоенный период значений вызвано не только структурными изменениями в населении, о которых говорилось в предыдущем разделе,— малочисленностью поколений женихов, родившихся в годы войны, по сравнению с поколениями невест, родившихся уже после войны. Если бы дело было только в этом, то коэффициенты брачности снизились бы только у женщин, и лишь в возрастах до 20 лет и отчасти в 20—24 года. Между тем коэффициенты брачности снизились и у мужчин этих возрастов, что в конечном счете отразилось и на динамике общего коэффициента брачности. Он сократился не только в результате структурных сдвигов, но и под действием снижения частоты заключения браков во всех возрастных группах у обоих полов.

Такое его сокращение повлекло за собой и снижение повозрастной частоты деторождения, особенно в возрастах до 25 лет, что повлияло и на суммарный коэффициент рождаемости. Правда, последний, как мы уже видели (гл. I), вообще имел в нашей стране очень устойчивую тенденцию к снижению по причине сокращения рождаемости в браке. Однако снижение повозрастных коэффициентов брачности, имевшее место в середине 60-х годов, безусловно ускорило уменьшение суммарного коэффициента рождаемости. Последний всего за 4 года, считая от середины периода 1959—1961 гг. до середины периода 1963—1965 гг., уменьшился с 2,819 до 2,494 рождения на одну женщину, т. е. примерно на 0,08 ребенка в год. Такую скорость снижения надо признать весьма высокой.

В следующий период (1966—1970 гг.) произошло заметное повышение частоты заключения браков во всех возрастах моложе 40 лет. Единственное исключение составляют женщины 25—29 лет, у которых этот показатель немного уменьшился, вероятно, из-за его роста в возрасте 20—24 года и все большей концентрации браков, особенно первых, в этой возрастной группе. Появилась явная тенденция к омоложению брачности у обоих полов. Суммарные коэффициенты брачности заметно возросли, причем не только из-за омоложения первых браков и повышения частоты их заключения в возрастах до 25 лет, но и в результате повышения удельного веса повторных браков. Последнее было вызвано законодательными упрощениями в процедуре разводов (1965, 1969), которые повлекли за собой, начиная с 1966 г., бурный рост числа расторгнутых браков, с одной стороны, и повторно заключенных — с другой.

Так, если в 1959—1961 гг. повторные браки составляли 8,1 % всех браков у мужчин, а в 1963—1965 гг.— 11,1 %, то в 1966—1970 гг. их доля достигла 15,5 % [26]. Видимо, это обстоятельство сыграло роль в повышении коэффициентов брачности в возрастах старше 25 лет.

[26] См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 141. К сожалению, Б. Ц. Урланис привел данные только для мужчин и без дифференциации по возрасту.

Такие изменения в повозрастной брачности при неизменной частоте деторождения в браке должны были бы повысить возрастные коэффициенты рождаемости. Но в действительности они лишь затормозили их снижение: сокращение самой брачной рождаемости перекрыло эффект от роста брачности. Однако под влиянием последнего суммарный коэффициент рождаемости стал снижаться гораздо медленнее, чем в предыдущий период. Между 1963—1965 гг. и 1966—1970 гг. он снизился всего с 2,494 до 2,406, т. е. в четыре раза медленнее, чем за предыдущий период.

В 1971—1975 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием произошло существенное омоложение среднего возраста вступления в первый брак. У женщин повысилась частота браков как в возрастах до 20 лет, так и в 20—24 года. У мужчин до 20 лет они стали еще более редкими, чем прежде, из-за снижения призывного возраста. Если это не отразилось на брачности самых молодых невест, то лишь потому, что примерно 85 % из них выходят за мужчин старше себя [27]. В то же время брачность мужчин в возрасте 20—24 лет повысилась в гораздо большей степени, чем у их ровесниц.

Концентрация первых браков в возрастах до 24 лет привела к снижению их частоты в более старших возрастах. Несмотря на то, что повторные браки в этот период во всех половозрастных группах стали несколько более частыми, общая брачность во всех возрастах старше 25 лет в этот период несколько уменьшилась.

Повышение брачности в младших возрастах в эти годы сопровождалось заметным ростом возрастных коэффициентов рождаемости, причем этот рост оказался более существенным, чем продолжающееся уменьшение их в возрастах после 30 лет, связанное исключительно с тенденциями собственно брачной рождаемости. Поэтому на этот раз суммарный коэффициент рождаемости немного повысился: с 2,406 до 2,436, или на 0,03 ребенка за пять лет.

Однако такое повышение связано со спецификой самого метода условного поколения или поперечного анализа, которым мы, за отсутствием более подробных данных, вынуждены пользоваться.

Мы суммируем данные, характеризующие брачность и рождаемость у женщин разных возрастов за один и тот же период времени. Так, в 1966—1970 гг. на 1000 женщин 20—24 лет приходилось 160,5 рождений, а в возрасте 25—29 лет — 130,4. В 1971—1975 гг. первый показатель увеличился до 174,9 (вследствие омоложения брачности), второй — до 135,3. Однако складывать две последние цифры — это, строго говоря, условный прием, которым надо пользоваться с осторожностью. То поколение женщин, которым в 1971—1975 гг. было 25—29 лет, в 1966—1970 гг. находилось в возрасте 20—24 года,— и тогда рождаемость у них была ниже, чем в другом поколении женщин, которым 20—24 года было в 1971—1975 гг. Поэтому в первом поколении в возрасте 25—29 лет реализовалось больше рождений, отложенных из-за относительно позднего

---

[27] Рассчитано по тем же источникам, что и табл. 4.

вступления в брак или по другим причинам. Второе, младшее поколение относительно раньше выполнило свои семейные планы, и когда оно 5 лет спустя, в 1976—1980 гг. вступило в возраст 25—29 лет, коэффициент рождаемости в этом возрасте оказался равным всего 127,3 ‰ — на 8 ‰ меньше, чем у женщин первого поколения, достигших 25—29 лет в 1971—1975 гг.[28]

Суммирование возрастных коэффициентов иногда дает результаты, на первый взгляд, вообще абсурдные. Так, суммарный коэффициент первых браков для женщин в 1971—1975 гг. так же, как и в предыдущие годы, превышал единицу. Это получилось из-за одновременной довольно высокой частоты первых браков в возрастах до 20 лет, 20—24 года и 25—29 лет. Последние находились в возрасте до 20 лет примерно в 1963—1965 гг., в возрасте 20—24 лет в 1966—1970 гг., когда брачность в соответствующих возрастных группах была заметно ниже, чем в 1971—1975 гг. В свою очередь, когда женщины, которым в 1971—1975 гг. было 20—24 года, стали на 5 лет старше, частота первых браков у них уменьшилась по сравнению с той, которая наблюдалась у 25—29-летних женщин в 1971—1975 гг.

Таким образом, снижение возраста вступления в брак в определенный период времени означает повышение частоты браков в младших возрастных группах при сохранении ее в средних и старших в тот же период. При этом суммарный коэффициент первых браков часто превышает единицу. При всей абсурдности этого показателя (вероятность вступления в первый брак превышает единицу или 100 %) он несет определенную смысловую нагрузку. Во-первых, по такому показателю, даже если мы не имеем никаких данных о динамике возраста вступающих в брак, можно сделать вывод, что этот возраст снижается. Как отмечается в справочнике «Народонаселение стран мира», «показатели свыше единицы указывают на то, что молодые поколения вступают в брак раньше, чем старшие» [29].

В таких условиях не только суммарный коэффициент брачности не дает никакого представления об уровне окончательного безбрачия (не может же оно выражаться отрицательной величиной), но и суммарный коэффициент рождаемости дает неправильное преувеличенное представление о том, сколько детей в среднем рожает одна женщина за всю свою жизнь.

Как известно, одним из недостатков суммарного коэффициента рождаемости является то, что он, показывая среднее число рождений на одну женщину условного поколения за всю жизнь,

---

[28] К сожалению, более подробный анализ этих данных уже по реальным поколениям затруднен тем, что последние «наезжают» друг на друга по годам рождения. Так, первая изучаемая нами группа женщин родилась в период с 1941 по 1950 г., и время ее жизни в возрасте 25—29 лет отчасти охватывает также 1966—1970 и 1976—1980 гг. Вторая группа родилась с 1946 по 1955 г., и время ее жизни в возрасте 25—29 лет также частично распространяется на 1971—1975 и 1981—1985 гг.

[29] См.: Народонаселение стран мира. М., 1978. С. 125.

ничего не говорит о том распределении женщин по числу рождений, из которого складывается эта средняя величина. Однако этот пробел легко устраним. Для этого нужно расчитать повозрастные коэффициенты рождаемости отдельно для первых, вторых, третьих и последующих детей, так же как мы рассчитывали эти коэффициенты отдельно для первых и повторных браков. Совершенно аналогично вычисляются и суммарные коэффициенты по очередностям рождения: они показывают, какая часть женщин за всю жизнь родит хотя бы одного, двух, трех и т. д. детей. Различие между суммарными коэффициентами по первым и вторым рождениям показывает, сколько женщин родит за всю жизнь одного ребенка, а дополнение суммарного коэффициента по первенцам до единицы характеризует долю женщин, не родивших за всю жизнь ни одного ребенка. Теоретически это должно быть именно так, однако на практике очень во многих случаях суммарные коэффициенты по первенцам превышают единицу, причем, как правило, это сочетается с тем, что суммарный коэффициент первых браков тоже выше единицы. Интерпретация этих двух «парадоксов», по существу, одинакова — младшие поколения раньше вступают в брак и раньше рожают детей, чем старшие (в то время когда последние находились в тех же возрастах, что ныне первые).

Так, по нашим расчетам, произведенным в начале 70-х годов с целью объяснить неожиданное, хотя и небольшое повышение коэффициентов суммарной рождаемости в это время (с 2,389 в 1969—1970 г. до 2,469 в 1971—1972 гг.) выяснилось, что: 1) суммарный коэффициент брачности (по первым бракам), который уже в 1968—1969 гг. был выше единицы — 1,052 на женщину, в 1970—1971 гг. составил еще большую цифру — 1,076; 2) суммарный коэффициент рождаемости (по первенцам) также увеличился (с лагом в один год) — с 0,967 в 1969—1970 гг. до 1,018 в 1971—1972 гг.[30] И напротив, когда в 1972—1973 гг. суммарный коэффициент первых браков у женщин вновь уменьшился — до 1,016 [31], это вызвало и сокращение в 1973—1974 гг. суммарного коэффициента первых рождений до 0,995 и повлияло на снижение суммарного коэффициента рождаемости вообще — до 2,412 [32].

Таким образом, небольшое повышение коэффициентов повозрастной и суммарной рождаемости в СССР в начале 70-х годов было связано исключительно со снижением среднего возраста вступления в брак, которое отразилось и на возрасте матери при рождении первого ребенка. Это повышение никоим образом не говорит о росте брачной рождаемости. Последняя в нашей стране неуклонно снижалась в течение всего послевоенного периода вплоть до принятия мер демографической политики.

К сожалению, статистические публикации последующих лет не дают возможность рассчитать суммарные коэффициенты рождаемости по очередностям детей таким же методом. Их можно рассчитывать приближенным методом, но полученные результаты уже несопоставимы с суммарными коэффициентами брачности. Однако динамика последних говорит о том, что вплоть до начала 80-х годов процесс снижения среднего возраста женщин при вступлении в первый брак искусственно завышал величину коэффициента суммарной рождаемости, из-за чего последний создавал неточное представление о числе рождений в расчете на одну женщину. В реальных поколениях женщин, находившихся в то время в возрастах наиболее интенсивного деторождения, среднее число детей, которых они родят за всю жизнь, будет меньшим, чем это показывают суммарные коэффициенты рождаемости.

Кстати, необходимо подчеркнуть, что превышение суммарного коэффициента первых браков и первых рождений над единицей возможно лишь как временное состояние. Поскольку омоложение среднего возраста первого замужества и первого материнства не может продолжаться до бесконечности, рано или поздно коэффициенты первых браков и первых рождений в молодых возрастах стабилизируются. В то же время в более старших возрастах они именно из-за омоложения этих процессов непременно будут сокращаться. Суммирование показателей по возрастам в таких условиях дает уже итоги меньшие, чем единица. Вообще при стабилизации процессов результаты, полученные по методам условного и реального поколений, почти совпадают.

Поэтому суммарный коэффициент первых браков у женщин начиная с 1976—1980 гг. стал уменьшаться, а в 1981—1985 гг. оказался уже меньше единицы (0,982). Правда, это все-таки несколько завышенная величина, поскольку в реальном поколении женщин 1935—1939 гг. рождения, которым к началу 1985 г. было 45—49 лет, уровень окончательного безбрачия (т. е. доля никогда не состоявших в браке) составлял не 1,8 %, как это показывает дополнение суммарного коэффициента первых браков до единицы, а 3,5 %. Это говорит о возможности дальнейшего уменьшения суммарного коэффициента первых браков за счет некоторого снижения частоты их в возрастах старше 35 лет. Но подобное омоложение женской брачности уже никак не скажется на уровне рождаемости.

В то же время суммарный коэффициент первых браков у мужчин опустился уже до отметки 0,934. Это значит, что 6,6 ‰ мужчин в условном поколении никогда не вступают в брак. Поскольку реально в возрасте 45—49 лет их было гораздо меньше — 2,6 % в 1985 г. [33], такое соотношение показателей для реального и услов-

[30] См.: *Синельников А. Б.* Значение коэффициентов воспроизводства населения при современной демографической ситуации в СССР // Население и народное благосостояние. М., 1972. Вып. 3. С. 159—166; *Синельников А. Б.* К оценке «перелома» в динамике рождаемости в 1970—1972 гг. // Демографические процессы и социально-экономические факторы. М., 1975. С. 44—49.

[31] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1972 г. М., 1973. С. 33; Вестн. статистики. 1973. № 12. С. 74—75, 88; 1974. № 12. С. 87, 89.

[32] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976. С. 95.

[33] См.: Вестн. статистики. 1986. № 7. С. 68.

ного поколений говорит уже о тенденции к некоторому «постарению» брачности мужчин.

В 1976—1980 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием произошло некоторое повышение частоты первых браков в возрастах до 20-ти лет, как у мужчин, так и у женщин, повлекшее за собой повышение коэффициентов рождаемости для этого возраста. Однако более существенным было снижение частоты браков (у обоих полов) в возрасте максимальной брачности (20—24 года). Правда, это снижение не сопровождалось падением коэффициента рождаемости для данной возрастной группы, но тут могли сыграть роль какие-то другие факторы, например, сокращение интервалов между первым и вторым ребенком или рост доли внебрачных детей [34]. В то же время во всех возрастах старше 25 лет и у мужчин и у женщин коэффициенты первых браков снизились, однако заметно выросла частота повторных браков. Поэтому общая брачность в этих возрастных группах у женщин изменилась мало, у мужчин в возрастах от 25 до 34 лет она несколько понизилась. Следует отметить, что на рождаемости это вряд ли могло заметно отразиться. В возрастах от 25 до 40 лет коэффициенты рождаемости по своей величине в несколько раз превышают коэффициенты брачности. В этих возрастах рожают детей в основном не те женщины, которые недавно вступили в брак, а те, которые вышли замуж давно. После 25 лет подавляющее большинство женщин замужем, причем основная масса замужних — те, которые вышли замуж до 25 лет. Среди детей, рожденных ими, преобладают в 25—29 лет вторые (но в основном от первых браков), а после 30 лет — уже третьи и последующие дети.

В первый брак после 25 лет вступают сейчас относительно немногие женщины; подавляющее большинство выходит замуж раньше. После 30 лет среди заключаемых браков уже преобладают повторные. Вопрос о рождаемости в этих браках мы будем рассматривать позже, при изучении проблемы разводимости. Здесь же отметим только то, что независимо от среднего числа детей в расчете на один повторный брак доля последних среди всей массы браков, заключенных женщинами до 35 лет, хотя и имеет тенденцию к росту, но до настоящего времени составляет лишь 12 % и не может существенно отразиться на общем уровне рождаемости.

В силу вышесказанного становится понятным, что динамика частоты браков, как первых, так и повторных, заключаемых после 25 лет, не оказывает особого влияния на динамику коэффициента брачности в целом и коэффициентов рождаемости для этих возрастов в частности. Формально мы могли бы, в случае совпадения тенденции обоих показателей, отнести одно на счет другого, но на самом деле снижение повозрастных показателей рождаемости

[34] Это обстоятельство вообще делает сопоставление динамики числа рождений с числом заключенных браков более трудным, чем с числом существующих пар, в которое попадают и те, у кого брак не зарегистрирован, а дети появляются. Одинокие матери при переписях часто относят себя к замужним, тогда как число заключенных браков известно только по данным об их регистрации.

в возрастах после 25 лет, имевшее место в 1976—1980 гг., объясняется так же, как и в более ранние периоды, в основном сокращением собственно брачной рождаемости, за счет отказа супругов этого возраста от рождения третьих и последующих детей.

Суммарный коэффициент рождаемости между 1971—1975 и 1976—1980 гг. снизился с 2,436 до 2,312 ребенка. Если бы в этот период не снижались коэффициенты брачности у женщин 20—24 лет, темп этого снижения рождаемости был бы несколько меньшим.

Наконец, в 1981—1985 гг. произошло снижение частоты заключения браков практически во всех половозрастных группах, кроме женщин моложе 20 лет, у которых рост брачности еще продолжался, и мужчин 40—49 лет. Это показывает, что сокращение общего коэффициента брачности в эти годы связано не только со структурными факторами, но и с понижением повозрастной частоты вступления в брак. Правда, снижение опять коснулось лишь первых браков, повторные опять участились, но не настолько, чтобы помешать сокращению брачности в целом.

Таким образом, рост повозрастных коэффициентов рождаемости в 1981—1985 гг. никак не связан с ростом частоты заключения браков. Только у женщин до 20 лет последняя несколько увеличилась, что повысило и рождаемость в этих возрастах. Однако и брачность и рождаемость у самых молодых женщин имеют давнюю тенденцию к росту, и, скорее всего, меры демографической политики тут особой роли не сыграли. Под их влиянием увеличились коэффициенты рождаемости у женщин от 20 до 34 лет. Суммарный коэффициент рождаемости увеличился с 2,312 до 2,364 — это меньше, чем мы видели в первой главе, потому что там сравнивались данные за двухлетия 1978—1979 и 1984—1985 гг., здесь же — за пятилетия 1976—1980 и 1981—1985 гг., в последнем случае «всплески» и «провалы» рождаемости за отдельные годы сглаживаются.

Нам осталось еще рассмотреть вопрос о собственно среднем возрасте вступления в брак. Надо отметить, что демографы, как правило, отказываются вычислять этот возраст как среднюю арифметическую или средневзвешенную величину. Если считать по такому методу, то весами будет численность вступивших в брак в возрасте x, которую надо умножать на величину x, затем сложить все полученные произведения и разделить сумму на общее число вступивших в брак. Данный метод имеет тот недостаток, что браки, заключенные в возрасте после 30 лет, при всей своей немногочисленности оказывают сильное влияние на показатель среднего возраста вступления в брак. Так, в 1981—1985 гг., несмотря на то, что на возраст старше 30 лет приходилось лишь 58,5 браков из 981,5 первых браков, составляющих суммарный коэффициент в расчете на 1000 женщин, средний возраст вступления в первый брак, рассчитанный для всех возрастов не старше 29 лет, составлял 21,8 года, а для всех возрастов не старше 49 лет — 22,7 года. Различие в один год для такого показателя в демографии считается

очень существенным. Для более ранних периодов разница оказывается еще большей.

С учетом данного обстоятельства мы рассчитали средний возраст вступления в брак, в том числе и в первый, в двух вариантах: для возрастов до 30 лет и для возрастов до 50 лет. Данные о браках в более пожилых возрастах нами вообще исключены из расчетов, как это сделали и составители справочника «Население СССР. Численность, состав и движение населения, 1973» (М., 1975. С. 172). С учетом этих браков, не имеющих никакого значения для изучаемого нами вопроса о влиянии брачности на рождаемость, средний брачный возраст повышается еще на несколько лет и уже не дает никакого представления о том, в каких возрастах действительно заключается основная масса первых браков.

Кроме того, чтобы избежать искажающего влияния возрастной структуры населения на состав вступающих в брак, средний возраст последних определен нами на основе не абсолютных чисел новобрачных по возрастам, как это обычно делается, а на основе повозрастных коэффициентов брачности.

С помощью табл. 5 мы можем внести некоторые коррективы в распространенные представления о постоянном «омоложении» браков в стране. Действительно, если говорить о всей совокупности вступающих в брак, то такое омоложение происходит непрерывно, для мужчин начиная с 1963 г., для женщин начиная с 1966 г., причем весьма быстрыми темпами. Средний возраст вступления в первый брак за период с 1966—1970 по 1981—1984 гг. снизился почти на два года у мужчин и на полтора года у женщин. Однако это снижение идет главным образом за счет уменьшения доли первых браков, заключаемых после 30 лет. Вклад их в суммарный коэффициент первых браков уменьшился за эти годы с 14,8 до 9,2 % у мужчин и с 12,5 до 6,0 % у женщин.

В то же время средний брачный возраст у основной массы вступающих в брак, т. е. у женихов и невест до 30 лет, изменился относительно мало. Этот показатель удобен еще и тем, что на него почти не влияют повторные браки из-за их малой доли в возрастах до 30 лет. Его динамика как для всех браков, так и отдельно для первых браков, строго синхронна, да и сами значения почти не различаются.

Данный показатель у мужчин и женщин повысился в середине 60-х годов, что указывало на постарение брачности и ускорило в то время снижение повозрастных и суммарных коэффициентов рождаемости. В дальнейшем он стал снижаться, причем у мужчин несколько быстрее, чем у женщин, в связи, видимо, с сокращением сроков военной службы.

Снижение данного показателя у женщин в 70-е годы привело к росту коэффициентов рождаемости в возрастах 15—19 лет и 20—24 года, так как браки стали более ранними. В начале десятилетия этот рост повлек за собой даже повышение коэффициента суммарной рождаемости, правда, кратковременное и небольшое.

Таблица 5

Средний возраст вступления в брак, лет

Годы	Для возрастов моложе 30 лет		Для возрастов моложе 50 лет	
	все браки	первые браки	все браки	первые браки
	Мужчины			
1959—1961	24,0	...	27,8	...
1963—1965	24,2	...	27,5	...
1966—1970	24,2	24,1	27,2	26,0
1971—1975	23,8	23,6	26,4	25,1
1976—1980	23,6	23,4	26,4	24,8
1981—1985	23,8	23,4	26,5	24,5
1986	23,7	23,4	26,8	24,6
	Женщины			
1959—1961	22,5	...	25,4	...
1963—1965	22,8	...	25,6	...
1966—1970	22,5	22,3	25,2	24,2
1971—1975	22,3	22,1	24,5	23,4
1976—1980	22,2	21,9	24,5	23,0
1981—1985	22,1	21,8	24,5	22,7
1986	22,2	21,8	24,8	22,7

Примечание. Возраст лиц, вступивших в брак до 20 лет, принят равным 19 годам, в 20—24 года — 22,5 года, в 25—29 лет — 27,5 года, в 30—34 года — 32,5 года, в 35—39 лет — 37,5 года, в 40—49 лет — 45 года. Рассчитано по тем же источникам, что и табл. 4

К началу 80-х годов средний возраст вступления в первый брак среди лиц моложе 30 лет стабилизировался. Незначительное снижение его у женщин можно не принимать во внимание. Судя по другим показателям (данные обследования 1985 г. о повышении доли никогда не состоявших в браке среди женщин 20—24 и 25—29 лет) появились даже признаки его повышения.

Подводя итоги по первым двум главам, нельзя не отметить, что демографическая политика пока никак не повлияла не только на брачную структуру населения страны, но и на число ежегодно заключаемых браков, на повозрастную частоту вступления в брак, на средний возраст вступления в брак. Льготы, предоставляемые молодым супругам, например беспроцентная ссуда на улучшение жилищных условий или обзаведение домашним хозяйством в размере до 1500 руб., частично погашаемая при рождении детей [35], не привели к тому, что молодежь стала раньше вступать в брак и раньше рожать первенцев.

Впрочем, вопрос о том, должна ли демографическая политика быть направлена на увеличение числа ежегодно заключаемых

[35] См.: Забота партии и правительства о благе народа. С. 374.

первых браков в условиях, когда уровень окончательного безбрачия в нашей стране весьма невысок, и тем более на снижение среднего возраста вступления в первый брак, может быть предметом дискуссии. В то же время ориентация демографической политики на упрочение семьи и снижение числа разводов не вызывает никаких сомнений. Она отчетливо прослеживается в важнейших партийных документах, в том числе в решениях XXVII съезда КПСС, в материалах XIX Всесоюзной конференции КПСС[36].

В этой связи нам необходимо рассмотреть вопрос о влиянии прочности браков на рождаемость, а точнее говоря, о взаимосвязи между прочностью семьи и числом детей в ней.

[36] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 51, 154; Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 114.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЛИЯНИЕ ПРОЧНОСТИ БРАКОВ НА РОЖДАЕМОСТЬ

1. Показатели неустойчивости браков

Если рост числа заключенных браков, при прочих равных условиях, т. е. при неизменной брачной рождаемости, вызывает с лагом в один-два года пропорциональное повышение числа рождений, то отсюда не следует автоматически, что рост числа разводов должен уменьшать численность родившихся в той же пропорции. У распавшихся семей есть дети, хотя среднее их число меньше, чем у сохранившихся. Кроме того, часть разведенных вступает в новые браки, в которых также появляются дети. Поэтому изучать влияние разводимости на рождаемость сложнее, чем определять воздействие заключения браков на этот же процесс.

Сам уровень разводимости характеризуется разными показателями. Не все из них пригодны для сопоставления с показателями рождаемости. Так, общий коэффициент разводимости, хотя и выражен в тех же единицах измерения и относится к той же базе, что и общий коэффициент рождаемости (т. е. рассчитывается на 1000 человек населения), но не пригоден для динамического анализа влияния. Нельзя сказать, что если первый из этих показателей вырос за год на 0,5 ‰, то второй должен из-за этого уменьшиться на 0,2—0,3 ‰. Напротив, он может даже увеличиться, причем не из-за роста брачной рождаемости, а из-за повышения числа заключенных браков или изменений в брачной либо возрастной структуре населения.

Общий коэффициент разводимости сам по себе, без сопоставления с общим коэффициентом брачности, не дает представления о том, какая часть браков заканчивается разводом, а значит, и вызванной этим «потере» в коэффициенте рождаемости. Для оценки же этой части, хотя бы в первом приближении, следует рассчитать число разводов в расчете на 1000 браков, заключенных в том же году. Так, в СССР в 1985 г. было зарегистрировано 2718 тыс. браков и 933 тыс. разводов[1]. Отсюда легко рассчитать, что на 1000 браков приходится 343 развода. Но это будет весьма неточной оценкой, так как вовсе не все браки, расторгнутые в 1985 г., были заключены в том же году, а лишь около 3 % из них приходится на пары со стажем менее года, да и из тех примерно половина поженились не в 1985, а в 1984 г. Мы можем рассчитать частный показатель — коэффициент разводимости для продолжительности брака — 0 лет, а также соответствующие характеристики для других интервалов брачного стажа — 1—2 года, 3—4 года, 5—9 лет,

[1] См.: Вестн. статистики. 1986. № 11. С. 75—76.

10—19 лет, 20 лет и более (условно 20—34 года), перемножить каждый из них на длину интервала, что дает так называемые приведенные числа разводов, сумма которых характеризует число разводов на 1000 браков с учетом стажа последних.

Число разводов на 1000 браков без учета их стажа иногда называют индексом разводимости [2], а с учетом его — суммой приведенных чисел разводов [3]. Однако для наших целей более подходят названия соответственно брутто и нетто — коэффициенты неустойчивости браков [4], так как по аналогии с ними можно рассчитать брутто и нетто — коэффициенты устойчивости браков, которые показывают, сколько из 1000 браков сохраняются до смерти одного из супругов. Для изучения влияния разводимости на рождаемость наибольшее значение имеет именно показатель сохранности, а не распада семей.

Коэффициенты разводимости по продолжительности брака вопреки представлениям неспециалистов оказываются наиболее высокими отнюдь не в первый год брака. В это время в молодой семье чаще всего ожидается ребенок, а закон не разрешает мужу возбуждать иск о разводе в период беременности жены или при наличии в семье ребенка до года, если жена возражает. К сожалению, сама жена и в это время имеет право на развод, и будучи раздражена тяготами этого этапа семейной жизни, не всегда разумно им пользуется. Но, начиная с того момента, как первому ребенку исполняется год (обычно это бывает в конце второго или начале третьего года брака, что соответствует в нашей таблице интервалу 1—2 года), частота разводов резко возрастает. Но от появления права до его реализации тоже проходит некоторое время, так как не все недовольные супруги сразу же подают на развод, суды назначают им отсрочку для примирения, особенно если один из них не согласен на развод. Поэтому пик разводимости приходится на браки со стажем 3—4 года. Однако и на втором пятилетии брака его прочность остается невысокой. Из табл. 6 видно, что ни десять ни даже двадцать лет стажа не дают высокой степени гарантии от развода: с годами решаются одни проблемы, но возникают другие.

Вернемся теперь к проблеме показателей. Разводимость, как и всякий сложный процесс, не может быть описана с помощью одного, хотя бы и самого тонкого индекса. Значение нетто-коэффициента неустойчивости браков как «генерального» измерителя частоты разводов в течение всей жизни не означает отрицания роли специального коэффициента разводимости как показателя годичной интенсивности разводов на 1000 существующих брачных пар. Последний имеет и некоторые преимущества. Например, с его помощью можно изучать дифференциацию разводимости по раз-

[2] См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 208.
[3] См.: *Фести П., Приу Ф.* Разводы в Европе после 1950 г. // Развод: Демографический аспект. М., 1979. С. 11—47.
[4] См.: *Стеценко С. Г., Козаченко И. В.* Демографическая статистика. М., 1984. С. 219 (речь идет о брутто-коэффициенте, который назван «общим»).

Таблица 6

Расчет суммы приведенных чисел разводов для населения СССР в 1985 г.

Продолжительность брака, лет	Число разводов, тыс.	Годы заключения расторгнутых браков: частично (50 %)	Годы заключения расторгнутых браков: полностью	Число заключенных браков, тыс.	Длина интервала, лет	Число разводов на 1000 браков: за год	Число разводов на 1000 браков: за весь период (приведенные числа разводов)	Число разводов на 1000 браков: кумулятивный итог
1	2	3	4	5	6	7=2:5	8=6×7	9
До 1	28,2	1985, 1984	—	2 676	1	10,5	10,5	10,5
1—2	143,0	1984, 1982	1983	5 537	2	25,8	51,6	62,1
3—4	164,1	1982, 1980	1981	5 535	2	29,6	59,2	121,3
5—9	180,5	1980, 1975	1976—1979	13 768	5	20,4	102,0	223,3
10—19	213,5	1975, 1965	1966—1974	23 239	10	9,2	92,0	315,3
20—34	103,8	1965, 1950	1951—1964	33 836	15	3,1	46,5	361,8

Рассчитано по: Население СССР, 1973: Стат. сб. М., 1975. С. 150; Вестн. статистики. 1975. № 12; 1976. № 11; 1977. № 12; 1978. № 11; 1979. № 11; 1980. № 11; 1981. № 11; 1982. № 11; 1983. № 12; 1984. № 11; 1985. № 11; 1986. № 11.

Примечание: При расчете заключенных браков за годы, указанные в графе «частично», берется половина этого числа, другая учитывается по соседнему интервалу. По графе «полностью» учтены все браки этих лет, которые с соседними интервалами не пересекаются.

ным социально-демографическим признакам — хотя бы по числу детей, что очень важно для нашего анализа. Нетто-коэффициент неустойчивости браков не дает ответа на этот вопрос, поскольку он основан на данных о заключенных, а не существующих браков, а при заключении первого брака детей, как правило, еще не имеется.

Для нетто-коэффициентов неустойчивости браков мы можем строить сплошные динамические ряды, а специальные коэффициенты разводимости можно вычислять лишь по данным переписей, которые проводятся редко и нерегулярно.

Мы не упоминали еще об одном показателе — доле разведенных и разошедшихся в населении. Она известна для нашей страны по данным переписей 1926 и 1979 гг., а также обследования 1985 г. В справочниках этот показатель приводится на 1000 человек (мужчин или женщин) в возрасте от 16 лет и старше, а также в разрезе возрастных групп.

Представляется, однако, что такое выражение этого показателя не вполне логично: никогда не состоявшие в браке или овдовевшие, естественно, развестись не могут. Поэтому более правильно относить число разведенных к численности состоящих в браке. Этот показатель мы назовем относительной долей разведенных, поскольку в его величину не входят вступившие в новый брак, он отражает уже баланс, разницу между числом разводов и повторных браков.

Относительная доля разведенных вполне сопоставима со специальным коэффициентом разводимости. И в том и в другом случае знаменатель дроби один и тот же — число брачных пар. Это же обстоятельство делает доли разведенных для мужчин и женщин сравнимыми, чего нельзя сказать о долях разведенных в расчете на 1000 мужчин и женщин старше 16 лет, поскольку численность взрослых мужчин и женщин различается.

С помощью этих трех показателей, характеризующих разные аспекты процесса расторжения браков, мы можем проследить динамику разводимости в стране за длительное время (1926—1985 гг.) в сравнении с динамикой рождаемости.

2. Влияние изменений в брачно-семейном законодательстве на разводы. Параллелизм между устойчивостью браков и рождаемостью

Как известно, число разводов во многом зависит от законов о браке и семье. Поэтому мы до сих пор не производили никаких международных сопоставлений показателей разводимости. Но и в нашей стране законы о расторжении брака неоднократно пересматривались, что, безусловно, влияло на динамику разводимости.

В то же время нельзя считать брачно-семейное законодательство посторонним, чисто внешним фактором, который лишь затрудняет изучение разводимости. Право вообще, а семейное право в особенности отражает мораль общества, общественное мнение по вопросам семьи и брака. Именно под давлением изменившегося общественного мнения обычно и происходит пересмотр законодательства о семье.

Нередко случается, что фактический распад семьи и даже создание новой уже произошли, однако юридически расторгнуть уже «умерший» (по определению К. Маркса) брак и оформить новый мешает лишь устаревшее законодательство. Общественное мнение начинает требовать пересмотра законов о разводе. Пересмотр законодательства о разводе характерен для многих западных стран; при всем различии законов о семье в последние десятилетия просматривается тенденция к их либерализации [5]. Однако в ряде государств, особенно там, где сильны позиции католической церкви, получить развод до сих пор практически невозможно.

В дореволюционной России развод был нелегким делом. Закон предусматривал очень немногие основания для расторжения брака: осуждение одного из супругов «к лишению всех прав состояния», его «неспособность к брачному сожитию» (если последняя возникла до заключения брака), «безвестное отсутствие» (в течение не менее 5 лет) одного из супругов, а также некоторые другие «уважительные» причины. Основную роль среди них играло «доказанное прелюбодеяние» — на него приходилось в начале XX в. 95 % официальных (не истинных) причин разводов [6].

Юридические «рогатки», необходимость доказывать с помощью свидетелей (обычно подставных) факт супружеской измены (часто мнимый), продолжительность самой бракоразводной процедуры (1—1,5 года), санкции, применяемые к супругу, признанному «виновным» (его могли на несколько лет лишить права на вступление в другой брак), — все это объясняет малочисленность разводов в царской России.

В 1913 г. во всей стране было заключено 1 млн 254 тыс. браков и формально расторгнуто лишь 5,6 тыс. браков [7]. Нетрудно определить, что брутто-коэффициент неустойчивости брака составлял лишь 4,4 ‰. Эти ничтожно малые по нынешним понятиям цифры широко известны. Однако кто знает, сколько из более чем 100 тыс. внебрачных детей [8], ежегодно появлявшихся на свет в то время, оказались «незаконнорожденными» именно потому, что их отцы не могли добиться развода со своими, фактически уже бывшими, женами и оформить новый брак. Причем если эти мужчины впоследствии оставляли и новых своих «сожительниц» и рожденных ими детей, то это не влекло за собой никакой материальной

[5] Интересна классификация типов законов о разводах, предложенная французскими демографами. См.: *Фести П., Прию Ф.* Указ. соч. С. 12—19.

[6] См.: *Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX—начале XX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 145.

[7] См.: Население СССР: Численность, состав и движение населения, 1973. М., 1975. С. 150.

[8] См.: *Урланис Б. Ц.* История одного поколения. М., 1968. С. 77.

ответственности с их стороны. Законы того времени защищали лишь «законную» семью.

Молодое Советское государство уже в первые месяцы своего существования в корне изменило законодательство о браке и семье, в том числе и о расторжении брака. В связи с отделением церкви от государства законными признавались только гражданские, зарегистрированные в загсах браки и разводы. Были отменены все ограничения для вступления в брак, связанные с согласием третьих лиц (родителей), национальной, сословной или религиозной принадлежностью, установлен принцип равноправия супругов по отношению друг к другу, полностью уравнены в правах «законные» и «незаконнорожденные» дети (сами эти понятия упразднялись). Что же касается вопросов о разводе, то согласно декрету «О расторжении брака» и «Кодексу законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», принятому в 1918 г., было установлено, что брак расторгается непосредственно в загсах по обоюдному согласию супругов; если же развода требует лишь один из них, то вопрос решается судом. При этом в законе больше не фигурировал перечень «уважительных» причин для развода, столь характерный для дореволюционной России, а также для всех тогдашних и многих нынешних буржуазных государств. Уважительной причиной считалось само по себе обоюдное решение супругов прекратить брачные отношения или фактическое крушение последних.

Естественно, что столь резкая «либерализация» законов привела к бурному росту числа разводов (табл. 7).

Если в дореволюционной России заканчивался разводом лишь один из 225 браков, то в СССР в 1926 г. уже каждый седьмой брак. Конечно, тут сыграло роль изменение законов. Многие браки, расторгаемые в это время, фактически распались еще до революции, другие — в период первой мировой и гражданской войн, сопровождавшихся разрывом семейных связей. В то время было не до оформления этих разводов, многие из них были зарегистрированы позже, в относительно спокойном 1926 г.

Однако нельзя отрицать и фактическое снижение устойчивости браков. Оно было вызвано тем, что какая-то часть женщин уже пользовалась экономической независимостью от мужей, степень религиозности населения упала, развод перестал считаться смертным грехом даже в сельской среде. Кроме того, хотя в 1926 г. уровень рождаемости был, по нашим понятиям, очень высок — 5,4 ребенка на женщину, он все-таки заметно снизился по сравнению с дореволюционным периодом (в 1896—1897 гг. этот показатель, по имеющимся оценкам составлял 7,06 ребенка) [9]. Это не означает, конечно, что в конце прошлого века каждая женщина рожала по семь детей, а в 20-х годах — по пять. Уровень рождаемости в дореволюционной России был близок к физиологическому максимуму, особенно в деревне, и лишь небольшая часть всего

[9] *Kuczynski R. R.* The Measurement of Population Growth. N. Y., 1969. P. 123.

Таблица 7

Динамика некоторых показателей рождаемости и разводимости в СССР

Показатель	Единица измерения	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.
I. Коэффициент неустойчивости браков:							
Брутто	На 1000 заключенных браков	147*	167	90	271	328	349
Нетто		...	...	109	286	387	362
II. Коэффициент устойчивости браков:							
Брутто		853*	833	910	729	672	651
Нетто		...	...	891	714	613	638
III. Специальный коэффициент разводимости	На 1000 брачных пар	8,2*	4,8	5,3	11,8	15,2	14,1
IV. Относительная доля разведенных	На 1000 состоящих в браке						
Мужчин		7	...	...	...	45	53
Женщин		18	...	...	...	114	136
V. Суммарный коэффициент рождаемости	На одну женщину	5,372	4,401	2,810	2,389	2,285	2,405

Примечание. Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 131—154. См. также источники к табл 1. * рассчитано за один 1926 г.

населения (но уже значительная часть горожан) ограничивала число детей в семьях. Кстати, именно среди этой части населения, особенно среди интеллигенции, разводы уже тогда не были редкостью. К сожалению, у нас нет никаких данных о социальном составе тех 5,6 тысяч пар, которые расторгли свой брак в 1913 г. Но есть основания полагать, что в основном это были представители дворянства, буржуазии и интеллигенции. Людям из народа в то время из-за своей дороговизны развод был попросту недоступен. Учитывая относительную малочисленность дворянства, буржуазии и интеллигенции, пять тысяч разводов в год — для этих групп это довольно высокая частота. О широкой распространенности в этой социальной среде разводов имеется много свидетельств в художественной и мемуарной литературе того времени, где случаи распада семей вовсе не воспринимаются как что-то исключительное.

К 1926 г. произошло не только повышение разводимости, но и сокращение рождаемости. И то и другое фактически означает распространение этих явлений (разводы и регулирование рождений в браке) на более широкие социальные группы населения — они стали более характерными для рабочего класса и в какой-то мере проникли в деревню.

Среди городского населения РСФСР в 1926 г., даже если иметь в виду брачные пары со стажем брака 13—17 лет, свыше половины составляли уже бездетные и малодетные семьи, т. е. та группа, которая подвержена повышенному риску развода. Так, среди данной категории семей 13,8 % вообще не имели детей, у 17,2 % было по одному ребенку, у 21,6 % — по двое детей, и лишь у 47,4 % — по трое и более. Среднее число детей на одну семью составляло 2,55 ребенка, в том числе у рабочих — 2,72, у низших служащих — 2,47, у средних служащих — 2,27, у высших служащих — 1,97 [10]. Во всех социальных группах была достаточно высокая доля бездетных и однодетных пар, которые часто разводятся.

Однако примечательно, что при относительно высоком брутто-коэффициенте неустойчивости браков и специальном коэффициенте разводимости влияние частых случаев распада браков на семейную структуру тогдашнего населения страны было незначительным — на 1000 всех супружеских пар приходилось лишь 7 мужчин и 18 женщин, оставшихся одинокими после развода. Это может объясняться лишь высокой частотой повторных браков среди разведенных и малым сроком действия новых законов.

Изменения, произошедшие в показателях разводимости между переписями 1926 и 1939 гг. носят противоречивый характер. Общий коэффициент разводимости за это время уменьшился с 1,6 до 1,1, однако коэффициент брачности сократился в еще большей степени — с 10,9 до 6,6 ‰, из-за чего число разводов на 1000 браков (брутто-коэффициент неустойчивости браков) увеличилось

[10] См.: *Сифман Р. И.* Детность по данным семейной переписи 1926 г. // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 163, 166.

с 147 до 167. В то же время в расчете на 1000 пар оно сократилось почти вдвое — с 8,2 до 4,8. Чем же объясняется такое рассогласование показателей? И что же в действительности произошло с прочностью семьи в этот период?

В конце 1926 г. был принят и с 1927 г. вступил в силу новый брачно-семейный кодекс. Процедура расторжения брака стала еще проще — внесудебный развод (в загсе) стал допускаться уже по требованию только одного из супругов. Это могло бы сильно повысить число зарегистрированных разводов (что вначале и случилось), если бы одновременно тем же кодексом не было фактически уничтожено различие между зарегистрированным и незарегистрированным браком. Если кодекс 1918 г. уравнял обязанности отцов по отношению к брачным и внебрачным детям, то закон 1926 г. пошел дальше: согласно ему все взаимные права и обязанности мужчины и женщины, состоящих в фактических брачных отношениях, приравнивались к обязанностям и правам супругов, состоящих в зарегистрированном браке. Это было существенно для тогдашних условий, потому что большинство замужних женщин в городах были домохозяйками и состояли на иждивении мужей или «сожителей». Если последние отказывались содержать фактических жен, то согласно новому закону о семье женщина могла доказать перед судом факт брачного сожительства, ведения домашнего совместного хозяйства и т. д. В то время большинство семей жило в коммунальных квартирах и в свидетелях не было недостатка. (Это относится к городам, в сельской же местности, где жители все хорошо знают друг друга, доказать наличие фактической семьи было еще легче.)

Постепенно среди все более и более широких кругов населения стало распространяться мнение, что «расписываться» в загсе вовсе не обязательно. Поэтому число зарегистрированных браков стало, как мы уже видели, резко падать. К концу 30-х годов общий коэффициент брачности по отношению к уровню 1926 г. уменьшился на 40 %. Но где нет брака, там не может быть и развода. Даже если он и был зарегистрирован, этот брак, совсем не обязательно идти за справкой о разводе, чтобы создать новую семью, — ведь в ней «расписываться» не так уж необходимо. К тому же в 1936 г. тот же закон, который запретил аборты, установил довольно высокую денежную пошлину за развод.

Поэтому статистика браков и разводов в то время очень плохо отражала фактическое положение дел. Оба показателя за 1938—1939 гг., приведенные выше, не характеризуют истинной ситуации. Лучше отражают ее данные переписи населения 1939 г., поскольку к тому времени люди, состоящие в фактическом незарегистрированном браке, уже привыкли называть себя женатыми и замужними.

Однако в переписном листе 1939 г. вопрос о брачном состоянии, в отличие от 1926 г., задавался лишь в краткой формулировке («Состоите ли в браке в настоящее время?»). Поэтому по материалам этой переписи невозможно отделить разведенных от овдовев-

ших или никогда не состоявших в браке и определить пропорцию между числом разведенных и супружеских пар, которая нас очень интересует.

Однако некоторое косвенное представление об этой пропорции мы все-таки можем получить. Доля состоящих в браке, т. е. показатель, сопоставимый с данными переписи 1926 г., в 1939 г. заметно уменьшилась почти во всех половозрастных группах. Причем если в возрастах до 30 лет это может быть объяснено повышением среднего возраста вступления в брак, то для более старших возрастов, тем более для женщин, такая гипотеза неприемлема.

Так, в 1926 г. не состояли в браке 16,5 % женщин 30—39 лет, причем среди них было только 4,6 % никогда не состоявших в браке («девиц», как их тогда называли), 10,1 % вдов, 1,4 % разведенных (очень маленькая цифра) и еще 0,4 % женщин этого возраста не указали своего брачного статуса. К 1939 г. доля не состоящих в браке в этом возрасте повысилась до 19,1 %, т. е. в 1,16 раза. Вряд ли это может быть полностью отнесено за счет роста доли никогда не состоявших в браке. Эта доля в нашей стране среди женщин данного возраста никогда не была особенно высокой: в 1979 г. она составляла 6,1 % [11]. Не годится в качестве объяснения и повышение доли вдов. Напротив, последняя скорее всего уменьшилась. В 1926 г. среди вдов этого возраста, т. е. 1887—1896 гг. рождения, видимо, большую часть составляли женщины, потерявшие мужей в годы первой мировой и гражданской войн. Эти потери нарушили пропорцию полов среди 30—39-летних: на 100 женщин в 1926 г. приходилось лишь 90 мужчин и соответственно около 10 % этих женщин были вдовами.

К 1939 г. возраста 30—39 лет достигли женщины, родившиеся в 1899—1908 гг., т. е. поколение, вступавшее в брак в основном уже в мирное время. Смертность среди их мужей, видимо, была тоже ниже, чем в предыдущем поколении. Вероятность смерти в этих возрастах между переписями 1926 и 1939 гг. понизилась. Если в условиях 1926—1927 гг. 25-летний мужчина имел 10 шансов из 100 не дожить до 40 лет, то в условиях 1938—1939 гг. — 9 шансов. К этому времени и соотношение полов в значительной степени улучшилось: на 100 женщин приходилось 94 мужчины. Поскольку пропорция полов в этом возрасте тесно связана с показателями вдовства, можно полагать, что к 1939 г. доля вдов уменьшилась примерно до 7 %. Еще около 5 % (видимо, несколько выше чем в 1926 г.) составляли никогда не состоявшие в браке. Отсюда легко определить, что на долю разведенных (включая разошедшихся без формального развода) приходится около 7 % женщин 30—39 лет в 1939 г. — в 5 раз больше, чем в 1926 г.[12]

Аналогичные расчеты для мужчин 30—39 лет, у которых доля

---

[11] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.; Л., 1931. Т. 51. С. 2—3;Народонаселение стран мира. М., 1978. С. 149; Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 89.

[12] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974. С. 34; Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 262, 298. См. также сноску 11.

не состоящих в браке тоже выросла — с 7,7 до 9,1 %, показывают, что и этот рост может быть связан с повышением удельного веса разведенных.

Перед переписью 1939 г. в стране уже более 20 лет действовал облегченный порядок регистрации браков и разводов. Последнее неизбежно должно было привести к накоплению в населении заметной доли разведенных и разошедшихся. Тем более что все социальные изменения, о которых мы говорили выше, продолжали действовать в том же направлении. Кроме того, коллективизация, урбанизация и индустриализация вызвали массовые миграционные процессы, часто сопровождавшиеся разрывом семейных связей. Распаду семей способствовали и незаконные массовые репрессии того времени.

Коэффициент суммарной рождаемости за это время, как мы уже знаем, снизился с 5,372 до 4,401 ребенка на женщину. Конечно, с точки зрения вероятности развода число детей в семье — пятеро или четверо — особого значения не имеет, и те и другие разводятся очень редко. Но такое снижение рождаемости означает не переход от пятидетной семьи к четырехдетной, а повышение удельного веса семей, которые регулируют число детей. Последние обычно ограничивают себя не четырьмя и даже не тремя, а двумя, а во многих случаях уже и одним ребенком. А малодетные и бездетные семьи — это как раз и есть та совокупность, тот самый контингент, который «продуцирует» разводы.

Наконец, нельзя не упомянуть о почти двухкратном увеличении в этот период доли городского населения — с 18 % в 1926 г. до 32 % в 1939 г. Городская семья всегда была менее прочной, чем сельская, — повышение удельного веса горожан должно было автоматически привести к росту разводимости в стране за счет структурного сдвига. Но кроме того, разводы в это время стали более частыми и в самой сельской среде.

Двадцать лет спустя, в конце 50-х годов, с учетом всех произошедших тогда социальных изменений, следовало ожидать нового роста разводимости, хотя бы потому, что доля горожан достигла уже почти половины населения — 48 % [13], а коэффициент суммарной рождаемости снизился уже до 2,81 ребенка на женщину. Это уже указывало на регулирование числа рождений подавляющим большинством семей [14]. Причем в структуре родившихся преобладали уже первые и вторые дети, что говорит о перевесе в населении малодетных и бездетных семей, которые «поставляют» основную часть разводящихся.

Однако в 1958—1959 гг. уровень разводимости оказался по

---

[13] См.: Население СССР: Численность, состав и движение населения, 1973. С. 7.

[14] Демографы обычно считают, что суммарный коэффициент рождаемости в 4,0 и более говорит о том, что большинство семей не ограничивает число рождений. Видимо, так было и в нашей стране еще перед войной (за счет сельского населения). Однако группы населения, регулирующие деторождение, все время расширялись и после войны стали уже преобладать не только в городах, но и в селах.

обоим показателям (брутто-коэффициенту неустойчивости браков и специальному коэффициенту разводимости) примерно в полтора раза меньше, чем в 1926 г.; по первому из этих показателей он был намного ниже уровня 1938—1939 гг. Дело в том, что в 1944 г. в динамику разводимости вмешался мощный фактор законодательства. Еще в довоенный период необязательность регистрации брака и чрезвычайная легкость развода приводили к довольно частым случаям безответственности в вопросах семейной жизни, особенно у мужчин. Уже к концу войны стало достаточно очевидно, что в условиях резкой диспропорции полов мужчина может вступить в брак несколько раз, тем более для этого по тогдашним законам даже и регистрироваться было не обязательно; а в случае регистрации было очень легко развестись. Это ставило под угрозу устои советской семьи.

Выражением беспокойства общества за семью явился в то время Указ Президиума Верховного Совета СССР «О браке и семье» (8 июля 1944 г.). Этот закон был призван поднять авторитет брака как основы семьи и поэтому требовал обязательной регистрации брака. Отныне фактические брачные отношения не создавали никаких супружеских прав и обязанностей, более того, отменялась алиментная ответственность отцов по отношению к детям, рожденным вне зарегистрированного брака. Крое того, установление отцовства в отношении этих детей отныне не допускалось не только по суду, но и при добровольном признании его самим отцом. Он мог «узаконить» своего ребенка, избавить его от пресловутого «прочерка» в графе «отец» в свидетельстве о рождении и записать на свою фамилию только в случае брака с матерью этого ребенка. Однако, если для этого требовалось расторгнуть брак с первой женой, а она на это не соглашалась, предстояли немалые трудности.

Указ от 8 июля 1944 г. существенно усложнял порядок расторжения брака. Отныне, даже при отсутствии детей и обоюдном согласии супругов, развод мог производиться лишь в народном суде после примирительного разбирательства, причем по существу вопрос решала лишь вышестоящая судебная инстанция. Кроме того, в местных газетах стали публиковаться специальные объявления о предстоящих бракоразводных процессах, которые происходили публично и с привлечением свидетелей.

Эти изменения в законодательстве явно были рассчитаны на то, чтобы создать у населения более серьезное отношение как к браку, так и к разводу. Следует отметить, что именно те статьи Указа от 8 июля 1944 г., о которых говорится выше, впоследствии подвергались критике и в 1965—1968 гг. были отменены, в то время как другие его статьи — об оказании государственной помощи одиноким и многодетным матерям — доныне сохраняют законную силу.

В те времена в условиях резкой диспропорции полов, как мы уже знаем, появлялось на свет много детей у незамужних матерей, причем в основном, вероятно, от женатых отцов (холостых мужчин

тогда почти не было). Отмена алиментной ответственности за внебрачных детей, очевидно, преследовала цель защиты «законных» семей, которых одинокая мать в случае законных претензий к отцу своего ребенка могла, в свою очередь, лишить мужа и отца. Ту же цель безусловно преследовало и чрезвычайное затруднение развода, хотя на практике наличие другой фактической семьи все же признавалось одним из оснований к расторжению брака (правда, лишь после всей вышеупомянутой процедуры). Можно сказать, что в условиях послевоенной «борьбы за мужчин» данный закон в какой-то степени принес в жертву интересы женщин, чьи мужья или женихи не вернулись с войны, интересам тех жен и детей, которым больше посчастливилось.

Однако все же нельзя рассматривать эти статьи законодательства о браке и семье, давно утратившие силу, как полный возврат к дореволюционным порядкам. По сравнению с законодательством о разводе, действовавшим тогда в большинстве капиталистических стран, советское бракоразводное законодательство 1944 г. было более либеральным. Тем не менее его «консервативность» по сравнению с брачно-семейными кодексами 1918 и 1926 гг. тут же привела к массовому оформлению фактических браков. Отчасти именно поэтому общие коэффициенты брачности в послевоенные годы, при резкой диспропорции полов, были почти вдвое выше, чем в довоенные годы, когда мужчин было гораздо больше. Население вновь стало «уважать» регистрацию брака.

С другой стороны, усложнение процедуры разводов привело к резкому сокращению их числа. В 1950 г. в стране было расторгнуто лишь 67 тысяч браков — в три раза меньше чем перед войной — в 1940 г. Общий коэффициент разводимости составил лишь 0,4 на 1000 населения — в 4 раза меньше, чем в 1926 г., в 3 раза меньше, чем в 1940 г. В расчете на 1000 заключенных браков приходилось лишь 32 развода, т. е. распадался лишь один брак из 30, тогда как в 1926 г. — один из семи, а в 1940 г. — один из шести браков.

Однако мы не знаем, сколько браков распадалось тогда фактически, без формального развода, и в какой степени это явление внесло вклад в высокую внебрачную рождаемость тех лет.

К моменту переписи 1959 г. распадался уже каждый 11-й брак, если судить по брутто-показателю, и каждый 9-й брак, если судить по нетто-коэффициенту. К 1965 г. в условиях неизменного брачно-семейного законодательства число разводов возросло до 360 тыс. — в пять с лишним раз больше, чем в 1950 г. Общий коэффициент разводимости достиг 1,6 ‰ — в 4 раза больше, чем в 1950 г. И брутто- и нетто-коэффициенты неустойчивости брака указывали на то, что разводом стало вновь заканчиваться каждое шестое супружество — столько же, сколько в 20-е и 30-е годы, при несравненно большей легкости развода в то время.

Сама жизнь все больше и больше показывала несостоятельность тех «жестких» мер, с помощью которых Указ от 8 июля

1944 г. рассчитывал укрепить семью. К тому же в молодых и средних возрастах пропорция полов постепенно нормализовалась и отпала основная причина, из-за которой эти меры были приняты.

Советская общественность все более настойчиво требовала пересмотра устаревшего законодательства: восстановления алиментной ответственности отцов по отношению к внебрачным детям и изменения процедуры развода, особенно отмены газетных объявлений о бракоразводных процессах. Предложения такого рода появлялись и в научной литературе [16].

10 декабря 1965 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» [17]. Процедура расторжения брака заметно упростилась: она снова стала одноступенчатой, т. е. полностью перешла в компетенцию судов первой инстанции. Публикации в газетах прекратились.

После издания этого указа число разводов сразу резко увеличилось: в 1966 г. было расторгнуто 646 тыс. браков — на 80 % больше, чем в 1965 г. Соответственно возросли и все относительные показатели разводимости.

Однако можно ли сказать, что рост числа разводов связан только с либерализацией законов о них. Разводимость быстро росла, как мы видели, и при неизменном законодательстве. Сам его пересмотр был связан с осознанием несоответствия моральных и правовых норм. Советские законы вообще и по проблемам семьи в частности принимаются после всенародного обсуждения законопроекта, который публикуется в печати. Не потому выросло число разводов, что изменилось законодательство, а потому изменился закон, что общественное мнение стало более терпимо относиться к разводам, которые стали частым явлением.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, принятые после всенародного обсуждения в 1968 г., еще более упростили процедуру развода, ибо допустили внесудебное, непосредственно в загсах, расторжение брака супругами, не имеющими общих несовершеннолетних детей при взаимном согласии на развод (статья 38 Кодекса о браке и семье РСФСР) [18].

Интересно, что это новое упрощение бракоразводной процедуры, которое в известном смысле представляло собой возврат к первому советскому брачно-семейному законодательству 1918 г., никак не отразилось на числе разводов. Наоборот, многие бездетные пары предпочитали обращаться в суд, где получить развод можно было быстрее, чем в загсе.

Никак не повлияла на уровень разводимости и восстановленная в то же время, согласно новому брачно-семейному кодексу, алиментная ответственность в отношении внебрачных детей, добровольное признание отцовства и возможность его установления

[15–16] См.: *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1964. С. 170—171.
[17] См.: Ведомости Верхов. Совета СССР. 1965. № 49. Ст. 725.
[18] См.: Кодекс о браке и семье РСФСР. М., 1986. С. 15.

в судебном порядке (статьи 47, 48, 50 и 68 Кодекса о браке и семье РСФСР) [19]. Выяснилось, что защита прав одиноких матерей и их детей вовсе не угрожает «законным» семьям: прошли те времена, когда мужчин быстро «разбирали». Теперь внебрачные дети, как правило, появлялись на свет уже не от неверных мужей, которым предстоял тяжелый выбор между двумя фактическими семьями, а от непорядочных холостых мужчин, которые могли, но не хотели жениться на матерях своих детей. Впрочем, бывает и обратная ситуация, когда от регистрации брака отказывается сама женщина [20].

С учетом всего вышесказанного можно понять, что резкое увеличение показателей разводимости в период между 1958—1959 гг. и 1969—1970 гг. (нетто-коэффициента неустойчивости брака — в 2,6 раза, специального коэффициента разводимости — в 2,2 раза) отражает не только результат изменений в законодательстве, но и реальную тенденцию к снижению прочности брака.

Между 1969—1970 гг. и 1978—1979 гг., т. е. уже в условиях неизменного брачно-семейного законодательства нетто-коэффициент неустойчивости брака вновь увеличился с 286 до 387 ‰, т. е. на 35 % (в 3,55 раза больше, чем в 1958—1959 гг.), а специальный коэффициент разводимости тоже повысился — с 11,8 до 15,2 ‰, т. е. на 29 %, и стал уже в 2,86 раза больше, чем в 1958—1959 гг. и на 85 % выше, чем в 1926 г. (когда получить развод было даже проще, чем в настоящее время).

Интересно, что доля разведенных по отношению к состоящим в браке за 1926—1979 гг. увеличилась в гораздо большей степени, чем сами показатели разводимости — с 7 до 45, т. е. в 6,4 раза у мужчин, и с 18 до 114, т. е. в 6,3 раза, у женщин. Это объясняется тем, что в 1979 г. разводимость держалась на высоком уровне уже в течение многих лет и в составе населения накопилась значительная группа разведенных — около 2,8 млн мужчин и почти 7 млн женщин на 61 млн супружеских пар в стране. Кроме того, по сравнению с 1926 г., заметно понизился удельный вес разведенных, вступающих в повторный брак.

Наконец, следует помнить, что при переписи 1979 г. в число разведенных были включены и разошедшиеся, т. е. лица, у которых формальный брак распался без официального развода, а также те, у которых таким же образом прекратились фактические незарегистрированные брачные отношения. Есть основания полагать, что в число последних попала большая часть одиноких матерей. Однако пропорция между числом мужчин и женщин в этой группе осталась на уровне 1926 г. — двое мужчин на пять женщин.

К 1984—1985 гг. нетто-коэффициент неустойчивости браков несколько уменьшился — с 387 до 362 ‰, т. е. на 6 %. Сокра-

[19] См.: Там же. С. 18—20, 24.
[20] См.: *Юркевич Н. Г., Яковлева Г. В.* К вопросу о внебрачной рождаемости и положении одинокой матери // Взаимоотношение поколений в семье. М., 1977. С. 186.

тился и специальный коэффициент разводимости — с 15,2 до 14,1 ‰. Однако соотношение между числом разведенных и состоящих в браке заметно ухудшилось — с 45 до 53 на 1000 у мужчин и со 114 до 136 у женщин. Последнее, видимо, связано с тем, что за 1979—1984 гг. в стране было расторгнуто еще более 5,5 млн браков, причем около половины разведенных в новый брак не вступили.

Следует отметить, что абсолютное число разводов за 1980—1985 гг. все-таки выросло, хотя и незначительно — на 0,4 %. Общая численность населения страны увеличилась за это время на 4,5 %. Сопоставление этих двух цифр говорит о некотором снижении разводимости. Однако число исков о разводе, рассмотренных судами, за эти же годы выросло на 5,7 %, т. е. быстрее, чем численность населения. Другое дело, что процент удовлетворенных исков уменьшился с 97,5 до 95,7 % (а к 1988 г. — до 95,1 %). Учитывая, что подавляющее большинство разводов в СССР проходит через суд, а не прямо через ЗАГС (в 1985 г. около 800 тыс. из 933 тыс.[21]), более активное использование судами своих возможностей по примирению супругов способствовало некоторому уменьшению числа разводов в 80-е годы. Однако отказ от оформления развода не всегда равнозначен фактическому сохранению семьи. В этом убеждает и рост доли разведенных и разошедшихся в населении на фоне снижения частоты оформленных разводов.

Нельзя не заметить, что в табл. 7 виден определенный обратный параллелизм между динамикой разводимости и рождаемости. Все время между 1926 и 1979 г. разводимость фактически повышалась, а отклонения от этой тенденции, по всей видимости, были связаны с изменениями в законодательстве. В то же время рождаемость фактически на протяжении всего этого периода снижалась, исключая колебания, связанные с войной, послевоенной компенсацией, некоторыми другими историческими событиями, запретом абортов в 1936 г. и колебаниями числа заключаемых браков и возраста вступления в брак, о которых шла речь во второй главе.

В итоге за все время с 1926 по 1979 г. частота распадения браков повысилась качественным образом: если в начале этого периода заканчивалась разводами седьмая часть заключаемых браков, то в конце его уже свыше одной трети. В то же время уровень рождаемости сократился с 5,4 до 2,3 рождений на одну женщину за всю ее жизнь. Есть основания считать, что это не случайное совпадение.

В то же время в первой половине 80-х годов в результате

[21] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 5, 373; СССР в цифрах в 1988 г. М., 1989. С. 139; Вестн. статистики. 1981. № 11. С. 73—75; 1986, № 11, С. 75—76. Строго говоря, сопоставление числа исков о разводе, удовлетворенных судами, с числом разводов, зарегистрированных в ЗАГСах в том же году, не совсем корректно, поскольку некоторые супруги, расторгнувшие брак в суде, обращаются в ЗАГС за свидетельством о разводе лишь спустя год и более или даже не обращаются за ним вообще.

мер демографической политики произошло некоторое повышение показателей рождаемости. В эти же годы уровень разводимости несколько уменьшился. У нас нет полной уверенности, что это совпадение не случайно, поскольку изменения в показателях как рождаемости, так и разводимости были небольшими. В то же время территориальные различия этих показателей очень велики. Анализ коэффициентов, характеризующих оба этих процесса в территориальном разрезе, был бы очень полезен для изучения механизма их взаимосвязи.

3. Разводимость как фактор территориальных различий в рождаемости

Территориальные сопоставления подтверждают известный демографам феномен обратной связи между рождаемостью и разводимостью. Эта связь проявляется не только в синхронности снижения уровня первой и роста второй, о чем говорилось выше, но и в том, что в регионах или группах населения с относительно высокой рождаемостью уровень разводимости заметно меньше, чем там, где рождаемость низкая.

На основе табл. 8 легко рассчитать коэффициенты ранговой корреляции Спирмэна между числом разведенных и разошедшихся женщин на 1000 замужних и суммарным коэффициентом рождаемости. Этот коэффициент оказался равен —0,78 за 1978—1979 гг. и —0,63 в 1984—1985 гг. Теснота обратной связи несколько уменьшилась в связи с проведением демографической политики, эффект которой в отношении рождаемости был неодинаков в разных республиках и несколько изменил их традиционную иерархию по величине суммарных коэффициентов рождаемости. В то же время расположение союзных республик по величине доли разведенных осталось почти неизменным, что несколько ослабило традиционную корреляцию.

Более тесно доля разведенных коррелирует с показателями детности, которые зависят от уровня рождаемости не только в данном году, а за многие предшествующие годы. Показатель связи со средним числом детей до 18 лет равен —0,76, а со средним числом рожденных детей на 1000 женщин 18—59 лет составляет —0,75 по союзным республикам и —0,93 по их коренным национальностям [22].

Таким образом, изучаемая зависимость носит характер тесной обратной связи, причем в этническом разрезе она выражена ярче, чем в региональном, поскольку в Средней Азии и рождаемость и разводимость выше, чем в Закавказье. Последнее объясняется бóльшим удельным весом русского населения. Но у коренных народов Средней Азии разводимость ниже, чем у армян и грузин.

[22] Рассчитано по: Численность и состав населения СССР: (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М., 1984. С. 219; Вестн. статистики. 1980. № 11. С. 70—72.

Таблица 8

Некоторые показатели (А) и их ранги (Б), характеризующие рождаемость и разводимость в 1984—1985 гг.

Союзная республика	Суммарный коэффициент рождаемости на 1000 женщин		Среднее число рожденных детей на 1000 женщин от 18 до 59 лет				Среднее число детей до 18 лет на семью с детьми до 18 лет *		Число разведенных и разошедшихся на 1000 замужних женщин			
			все национальности		в том числе основная				все национальности		в том числе основная	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
СССР	2405	—	1699	—	—	—	1814	—	136	—	—	—
РСФСР	2058	2	1535	5	1462	2	1577	3	157	13	165	14
Украинская ССР	2055	1	1501	3	1550	4	1569	2	139	12	130	12
Белорусская ССР	2078	4	1645	6	1667	7	1631	5	109	9	113	11
Узбекская ССР	4653	13	2840	14	3149	13	3285	14	64	3	32	3
Казахская ССР	3034	11	2209	10	2809	11	2213	10	115	11	50	6
Грузинская ССР	2329	7	1692	7	1618	6	1929	8	67	4	55	7
Азербайджанская ССР	2928	10	2362	11	2486	10	2660	11	55	1	37	4
Литовская ССР	2096	5	1534	4	1551	5	1651	6	113	10	109	10
Молдавская ССР	2676	9	1798	8	1896	8	1800	7	97	8	83	9
Латвийская ССР	2071	3	1356	1	1401	1	1568	1	201	15	194	15
Киргизская ССР	4140	12	2573	12	3152	14	2750	12	91	7	43	5
Таджикская ССР	5492	15	2984	15	3341	15	3463	15	74	6	30	2
Армянская ССР	2488	8	2087	9	1946	9	2174	9	60	2	76	8
Туркменская ССР	4666	14	2665	13	2931	12	3252	13	68	5	19	1
Эстонская ССР	2110	6	1461	2	1513	3	1611	4	175	14	164	13

Рассчитано по: Вестн. статистики. 1986. № 7. С. 69—70; № 8. С. 74; № 9. С. 75—76; № 11. С. 74. Данные в национальном разрезе приведены по всей территории СССР. * среднее число детей до 18 лет вычислено, исходя из предположения, что в семьях с 5 и более детьми в среднем по 6 детей.

В этническом разрезе корреляционная связь приближается к функциональной.

Демографы обычно считают ее двухсторонней. Во-первых, рост разводимости понижает долю замужних, так как не все разведенные вновь вступают в брак. Поэтому уменьшается и рождаемость. Во-вторых, снижение рождаемости понижает долю семей с несколькими детьми, которые прочнее бездетных и однодетных. Это ведет к росту частоты разводов.

Несмотря на распространенность такой трактовки связи процессов, числовые оценки степени влияния разводимости на рождаемость очень редки, а обратного влияния — вообще отсутствуют. По расчетам Л. Е. Дарского, при отсутствии разводов суммарный коэффициент рождаемости в СССР за 1978—1979 гг. был бы на 0,82 ребенка выше своей истинной величины. Но этот расчет основан на гипотезе отсутствия искусственного ограничения рождаемости в браке. Поэтому данную «прибавку» надо сравнить не с фактической величиной коэффициента, а с его условным значением при допущении отсутствия контрацепции и абортов на фоне нынешнего уровня разводимости, т. е. с цифрой в 8,35 ребенка; по отношению к ней «прибавка» — 9,8 % [23].

По нашей же оценке, учитывающей внутрисемейное ограничение рождаемости при полном отсутствии разводов, «прибавка» составила бы 0,181 ребенка, т. е. 7,9 % от величины суммарного коэффициента рождаемости. Это не настолько сильно расходится с расчетом Л. Е. Дарского, как полагают А. Г. Волков и М. С. Тольц [24]. Величину такой «прибавки» лучше выражать не в долях ребенка, а в % к суммарному коэффициенту рождаемости, рассчитанному при всех условиях, заложенных в данной гипотезе, кроме предположения об отсутствии разводов. Если последнее условие является единственным, то сопоставлять «прибавку» надо с фактическим коэффициентом.

Наша методика основана на гипотезе отсутствия разводов или их полной немедленной компенсации новыми браками. Это предполагает пропорциональный рост как доли замужних, так и коэффициентов рождаемости во всех возрастах. Так, в 1985 г. 59,6 % женщин 20—24 лет были замужними, 4 % — разведенными и разошедшимися, коэффициент рождаемости в этом возрасте составлял 187,2 %. При нашем допущении он составил бы:

$$187{,}2\cdot(59{,}6+4{,}0):59{,}6=199{,}8\ ‰.$$

Аналогичный расчет для всех возрастных групп от 15—19 до 45—49 лет дает суммарный коэффициент, равный 2,619, что на 0,214 ребенка больше его истинной величины за 1984—1985 гг. В абсолютном же выражении потери в рождениях в связи с разво-

[23] Расчет по: Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 282.

[24] *Волков А. Г.* Указ. соч. С. 149; *Тольц М. С.* Разводы и современный уровень рождаемости // Проблемы воспроизводства и занятости населения. М., 1984. С. 24—25.

дами увеличились с 360 тыс. в 1978—1979 гг.[25] до 479 тыс. в 1984—1985 гг., т. е. с 7,5 до 8,9 % от общего числа рождений. Если бы в период между 1978—1979 и 1984—1985 гг. численность и половозрастная структура населения СССР, равно как и повозрастная брачная рождаемость не менялись, а изменялась бы только доля замужних в каждой возрастной группе под влиянием баланса разводов и повторных браков, то число родившихся было бы на 67 тыс. меньше (1,4 % рождений за 1978—1979 гг.).

Иначе говоря, среднегодовое число родившихся в 1978—1979 гг. составляло 4785 тыс., в 1984—1985 гг. — 5381 тыс., т. е. на 596 тыс. больше. Но не весь этот прирост можно приписать эффекту демографической политики: сыграл роль рост общей численности населения и изменения в его половозрастной структуре. При уровне повозрастной и суммарной рождаемости 1978—1979 гг. среднегодовое число рождений за 1984—1985 гг. можно определить как:

$$\frac{2{,}285}{2{,}405} \cdot 5381 \text{ тыс.} = 5113 \text{ тыс.}$$

Таким образом, только прирост на 268 тыс. (5 %) связан с эффектом демографической политики. Если бы не повышение в эти же годы доли разведенных, этот прирост был бы на 75 тыс., т. е. на 1,4 % больше. Это показывает, каким важным резервом роста рождаемости может быть упрочение семьи или хотя бы прекращение роста доли разведенных в населении. Если же предположить снижение доли разведенных до уровня, наблюдаемого в 20-е годы, т. е. в условиях весьма простой процедуры развода, но высокой степени фактической прочности семей, то эффект относительно рождаемости был бы более заметным. Если бы в республиках с низким уровнем рождаемости показатели некомпенсируемой разводимости снизились до величин, наблюдаемых в 1926 г. по стране в целом, то не осталось бы ни одной республики с суженным характером воспроизводства населения.

Табл. 9 показывает, что ни в одной из союзных республик, в случае существенного снижения разводимости, суммарный коэффициент рождаемости не был бы ниже 2,2, т. е. он всегда обеспечивал бы расширенное воспроизводство населения. Даже в случае последующего спада демографической волны, о котором мы говорили выше, суммарные коэффициенты рождаемости в РСФСР, Украине и Белоруссии, а также в Латвии и Эстонии, видимо, остались бы все же выше черты воспроизводства.

Но тут встает другой вопрос: а возможна ли вообще столь низкая разводимость, как в 1926 г. при столь низкой брачной рождаемости, как в наше время.

Если бы за последние шесть десятилетий (1926—1985) снижа-

[25] См.: *Синельников А. Б.* Среднее число детей в семье и проблема роста населения // Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М., 1982. С. 61; а также расчеты по: Вестн. статистики. 1985. № 11; 1986. № 7, 11.

Таблица 9

Фактические и условные показатели суммарной рождаемости по СССР и союзным республикам за 1984—1985 гг.

Союзная республика	При фактической доле разведенных в женском населении республики (по обследованию 01.01.1985 г.)	При условии снижения доли разведенных до уровня СССР в целом (по переписи 1926 г.)
СССР	2,395	2,540
РСФСР	2,045	2,200
Украинская ССР	2,051	2,183
Белорусская ССР	2,066	2,159
Узбекская ССР	4,637	4,709
Казахская ССР	3,031	3,178
Грузинская ССР	2,325	2,365
Азербайджанская ССР	2,903	2,931
Литовская ССР	2,089	2,189
Молдавская ССР	2,662	2,761
Латвийская ССР	2,061	2,276
Киргизская ССР	4,144	4,281
Таджикская ССР	5,496	5,617
Армянская ССР	2,474	2,506
Туркменская ССР	4,664	4,749
Эстонская ССР	2,110	2,296

Рассчитано по: Население СССР, 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 174—189, 211—214; а также источники, указанные в сноске к табл. 1. (Суммарные показатели рождаемости здесь, в отличие от всех других таблиц, получены на основе однолетних, а не 5-летних возрастных коэффициентов, но разница невелика — в целом по СССР — 2,395 и 2,405 детей на 1 женщину соответственно).

лась только брачная рождаемость, а разводимость не менялась, то коэффициент суммарной рождаемости снизился бы, как мы уже рассчитали выше, с 5,372 не до 2,395, а до 2,540 ребенка (табл. 9). Только снижение на 0,145 ребенка можно приписать росту разводимости — это всего 5 % общего снижения.

Отсюда видно, что непосредственное влияние разводимости на снижение рождаемости очень невелико.

В то же время и дифференциация рождаемости не объясняется дифференциацией разводимости, несмотря на подмеченную выше параллельность обоих процессов. Таблица 9 показывает, что межреспубликанские различия в рождаемости практически не меняются при устранении влияния различий в уровне разводимости между республиками. Коэффициент вариации условных суммарных показателей рождаемости, по нашим расчетам равен 35 % и лишь на 2,1 % меньше, чем для истинных показателей (37,1 %). Относительная их разница равна 6 %.

4. Компенсаторное воздействие повторных браков на рождаемость

Следует отметить, что гипотеза об уменьшении уровня рождаемости в той же пропорции, что и доли замужних может преуменьшать степень влияния разводимости на рождаемость. Эта гипотеза была бы справедливой, если бы рождаемость в первых и повторных браках была одинаковой. Однако по данным выборочного обследования 330 тыс. семей, проведенного ЦСУ СССР в 1981 г., на 100 женщин 45—49 лет, которые когда-либо состояли в браке, приходилось 250 детей (в целом по стране), в том числе у состоящих в первом браке — 262, в повторном — лишь 205, у вдов — 247 и у разведенных — 172. Среди замужних женщин этого возраста в повторном браке состояли около 8—9 % [26]. Отсюда можно определить среднее число детей у всех замужних женщин 45—49 лет как средневзвешенное:

$$262 \cdot 0{,}915+205 \cdot 0{,}085=257.$$

Таким образом, разводимость влияет не только на общую, но и на брачную рождаемость, уменьшая детность замужних женщин к концу детородного возраста на 0,05 ребенка, что при низком уровне рождаемости может быть существенно. Кроме того, общеизвестно, что далеко не все разведенные вступают в новый брак. По данным обследования 1985 г. на 100 женщин 30—49 лет приходилось 10—12 разведенных, а на 100 замужних женщин — в среднем 15 [27]. В то же время обследование 1981 г., как мы уже видели, показало, что из 100 замужних женщин этого возраста лишь 8—9 состоят в повторном браке, что более чем в полтора раза меньше численности разведенных, не вышедших вновь замуж. Если учесть, что во второй брак вступают и овдовевшие, то можно определить, что вновь выходит замуж лишь около трети разведенных.

Шансов на новый брак тем больше, чем моложе женщина на момент развода. По данным обследования 1981 г. среди женщин, разведшихся с мужьями в 1960—1964 гг. и бывших в это время моложе 30 лет, вновь вступили в брак в течение последующих 15 лет 62,3 %. Интересно, что среди них шансы на повторное замужество у бездетных и однодетных были почти одинаковы, а у двудетных — существенно ниже. Но если брак распадался после 30 лет, то и наличие одного ребенка уже заметно понижало вероятность нового брака [28]. Очевидно, дело тут не в возрасте самих женщин, а в возрасте детей. Маленький ребенок в наше время не является существенной помехой для брака (хотя не вполне ясно почему), но дети-школьники часто привязаны к родным отцам.

---

[26] См.: *Белова В., Дарский Л.* Рождаемость в повторных браках: (По материалам выборочных обследований) // Вестн. статистики. 1987. № 7. С. 35, 37 (цифра 8—9 % относится к интервалу 30—49 лет, взята средняя величина).

[27] Рассчитано по: Вестн. статистики. 1986. № 7. С. 68.

[28] *Белова В., Дарский Л.* Указ. соч. С. 35—36.

Среди «алиментщиков» есть не только люди, бросившие семью, не только изгнанные из нее женами по «уважительным» причинам (отсутствие заботы о детях и доме, пьянство, измены), но и хорошие отцы, которых жены считали плохими мужьями лишь потому, что разлюбили или никогда не любили, либо вследствие своей сексуальной неудовлетворенности, или из-за их привязанности к своим родителям и конфликтов с родителями жен. Если брак распадается по таким причинам, дети могут не понимать и не одобрять поведения матери и встретить в штыки любого кандидата в отчимы.

Кстати, это объясняет и недавно установленный феномен меньшей прочности повторных браков, которые в 1,75 раза чаще заканчиваются разводами, чем первые браки женщин, заключенные в том же возрасте [29].

Конфликты с неродными детьми или из-за них, вероятно, служат частой причиной повторных разводов. Если же детей от первого брака не было, то весьма вероятно, что причина тому — бесплодие, которое может привести и к распаду нового брака.

Однако наиболее вероятной причиной повышенной хрупкости вторых браков, видимо, все же является не это, а фактор «психологического отбора». В первый брак вступают практически все, во второй — лишь те, у кого первый брак распался. Среди них должно быть значительно больше, чем среди остальных, людей в принципе малопригодных для семейной жизни: эгоистичных, не умеющих уступать, не желающих или не способных обеспечивать семью и заниматься домашним хозяйством, уходом за детьми и их воспитанием, распущенных в половом отношении, алкоголиков. Конечно, нельзя так думать о всех разведенных: для распада брака достаточно наличия некоторых из этих черт у одного из супругов, для его сохранения необходимо их отсутствие у обоих. Но вероятность наличия таких минусов у вступающих во второй брак, безусловно, выше, чем у вступающих в первый.

Что же касается обыденных представлений о якобы большей прочности вторых браков, то оно исходит из житейского мнения о том, что неудачный опыт первого брака способствует более правильному выбору второго супруга и налаживанию хороших отношений с ним. Насчет выбора можно сказать, что разведенные, видимо, имеют представление скорее о том, каких типов личности мужей и жен им следует избегать, чем о том, какие надо предпочитать. Но этих типов великое множество и, избегая один из них (известный по своему горькому опыту), можно (и очень вероятно) избрать другой, еще менее подходящий.

Другой аспект вопроса — собственно внутрисемейные отношения. В разводе обычно виновны оба супруга, но каждый винит другого. Если человек, вступающий во второй брак, считает, что правильно вел себя в первом, то он может вновь повторить свои ошибки. Особенно это характерно для инициаторов разводов,

---

[29] *Волков А. Г.* Указ. соч. С. 146—147.

для тех мужчин и женщин, которые ушли из одной семьи в другую с видом победителей. У них нет оснований менять свое поведение. Таким основанием может быть лишь длительное одиночество после развода; если оно в тягость. В подобном случае может прийти осознание своей ошибки (зря бросил семью или неправильным поведением подтолкнул другого супруга к разводу). Это может способствовать более бережному отношению к второму браку. Однако негативный опыт совместной жизни с одним супругом довольно трудно использовать в отношениях с другим, особенно если учесть стремление избежать второго брака с личностью, по психологическому складу напоминающей первого супруга.

Если смотреть на этот вопрос с точки зрения социологии, а не психологии, то разводы и повторные браки более характерны для людей с ориентацией преимущественно на внесемейные жизненные ценности, которые легче относятся к расторжению брака и смене супруга, а также предпочитают меньшее число детей (чтобы не «связывать» себя). К вопросу о внесемейных ориентациях мы еще вернемся.

Все сказанное выше хорошо объясняет не только меньшую прочность, но и меньшую детность повторных браков. Данные Л. Е. Дарского и В. А. Беловой позволяют определить, что если бы все первые браки сохранялись до конца детородного возраста, то среднее число детей на одну женщину, когда-либо состоявшую в браке, было бы равно 2,62, т. е. на 0,12 ребенка больше его фактической величины (2,50 у 45—49-летних). Таким образом, в реальном поколении женщин 1932—1936 гг. рождения суммарные потери в рождаемости от разводов и овдовений составляли 4,8 % итоговой цифры, в том числе потери в 0,07 ребенка от некомпенсируемого распада браков и 0,05 — от компенсированного. Почти все потери обусловлены разводами, так как овдовения в детородном возрасте случаются гораздо реже, кроме того, детность вдов почти такая же, как у замужних.

Потери в детности в реальном поколении оказались меньше, чем в условном (7,5 % в 1978—1979 гг., 8,9 % в 1984—1985 гг. без овдовений), вероятно, потому, что при уровне разводимости этих лет период жизни в разводе выше для условного поколения, чем в реальной когорте 1932—1936 гг. Но обе оценки показывают относительно небольшое прямое влияние разводимости на рождаемость.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОКРАЩЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ КАК ПРИЧИНА РОСТА РАЗВОДИМОСТИ

1. Дифференциация вероятности развода в зависимости от детности. Роль этнического фактора

После того как установлено, что прямое и непосредственное влияние разводимости невелико, естественно, требуется выяснить: каково обратное влияние — рождаемости на разводимость. Не им ли объясняется «львиная доля» высокой корреляции между этими процессами? А если не им, то чем же еще?

Решение этой задачи следует начать с определения частоты распада семей с разным числом детей. В 1979 г. ЦСУ СССР в связи с изучением итогов переписи этого года разработало данные о разводах в комбинации с числом общих детей супругов в возрасте до 18 лет. К сожалению, в последующие годы, в том числе и в 1984—1985 гг., когда проводилось Всесоюзное выборочное социально-демографическое обследование населения, этот вопрос больше не изучался. Поэтому воспользуемся материалами переписи 1979 г.

В этом году 36,1 % общего числа семей в стране не имели детей до 18 лет (в основном это пары, чьи дети уже взрослые), 33 % имели одного ребенка, 20,7 — двух детей и лишь 10,2 % — трех и более.

Распределение семей, расторгших брак, было совершенно иным — из них 41,5 % не имели детей, 45 % имели лишь одного ребенка и только 12 % имели двух и 1,5 % — трех и более детей. Если вычислить коэффициенты разводимости дифференцированно по числу детей, то для бездетных этот показатель составит 17,3 ‰, для однодетных — 20,7 ‰, для двудетных — только 8,8 ‰ и для семей с тремя и более детьми — 2,2 ‰.

Не следует удивляться тому, что показатель для бездетных оказался ниже, чем для однодетных, — ведь это семьи не без детей вообще, а без детей до 18 лет. Подавляющее большинство из них имеют взрослых детей, иначе их доля в населении не была бы такой высокой — 36,1 %. Доля замужних женщин, не родивших ни одного ребенка, по данным той же переписи, вчетверо меньше — 9,4 %, причем среди них очень много недавно вступивших в брак. Супруги с брачным стажем в 20 лет и больше, чьи дети уже выросли, разводятся гораздо реже, чем молодые пары, имеющие маленького ребенка. Если же рассчитать показатель разводимости для молодых бездетных женщин до 34 лет, т. е. таких, у которых заведомо не может быть взрослых детей, то он окажется примерно вдвое выше, чем для однодетных женщин в том же возрасте.

Однако, если оставить бездетные семьи «за скобками» и рассматривать данные только о семьях с детьми, то среди последних дифференциация вероятности развода в зависимости от числа детей прямо-таки «бьет в глаза». У семьи с двумя детьми шансов на распад в 2,35 раза меньше, чем у пары с одним ребенком. У супругов с тремя и более детьми этих шансов в 4 раза меньше, чем у двудетной пары, и в 9,4 раза меньше, чем у однодетной. Эта закономерность сохраняется и среди женщин до 35 лет, у которых число детей до 18 лет соответствует числу детей вообще.

Такая дифференциация показывает, что к нашей стране никоим образом неприменимо мнение французских демографов П. Фести и Ф. Приу об «исчезновении связи между разводами и рождаемостью», которое разделяет и советский социолог С. И. Голод [1]. Действительно, в условиях очень низкой рождаемости, например в Латвийской ССР, эта связь проявляется несколько слабее, но не настолько, чтобы можно было считать ее «исчезнувшей». В этой республике в 1979 г. из общего числа семей с детьми до 18 лет 60 % имели одного ребенка, 32 — двух и 8 % — трех и более. А среди разводящихся, имеющих детей, однодетных было 71 %, двудетных 25 %, трехдетных и более — лишь 4 %. Коэффициент разводимости на 1000 бездетных семей составлял 20,6 ‰, однодетных — 27,7, двудетных — 17,4, трехдетных и более — 12,2 ‰. В этой республике, где уровень рождаемости самый низкий в стране, а уровень разводимости самый высокий, вероятность развода у двудетных в 1,59 раза меньше, чем у однодетных, у трехдетных и более — в 1,45 раза ниже, чем у двудетных, и в 2,27 раза — чем у однодетных [2]. Конечно, эти различия выражены слабее, чем по стране в целом, но из них видно, что даже в условиях очень высокой разводимости (в Латвии в 1978—1979 гг. из 1000 браков 22,1 распадались ежегодно, а за всю жизнь — 576), число детей в семье (один, два или три) выступает фактором, сильно дифференцирующим вероятность развода.

Следовательно, межреспубликанские различия в уровне разводимости, которые очень велики, могут объясняться в значительной мере структурным фактором: различным распределением семей по числу детей до 18 лет.

Можно рассчитать так называемые стандартизованные показатели разводимости, которые показывают, каким был бы специальный коэффициент разводимости (число разводов на 1000 брачных пар) в данной республике, если бы распределение семей по числу детей до 18 лет там было таким же, как и по стране в целом. Для такой стандартизации (за стандарт взято в данном случае всесоюзное распределение семей) необходимо характерные для данной республики коэффициенты разводимости для семей без детей, с одним, двумя, тремя и более детьми умножить на доли семей с таким же числом детей по стране в целом, а полученные произведения сложить. Покажем это на примере Латвии:

$$21{,}4 = \frac{20{,}6 \cdot 36{,}1 + 26{,}7 \cdot 33{,}0 + 17{,}4 \cdot 20{,}7 + 12{,}2 \cdot 10{,}2}{100}.$$

Если бы структура семей по числу детей в Латвии была такой же, как по стране в целом, то специальный коэффициент разводимости составлял бы там не 22,1, а 21,4 ‰ (табл. 10).

Таблица 10 показывает, что стандартизованные коэффициенты разводимости существенно отличаются от фактических, или обычных, как их иначе называют. Так, хотя фактические коэффициенты в республиках Средней Азии примерно вдвое ниже, чем в РСФСР, стандартизованные показатели оказываются почти такими же. В этих республиках так же, как и во всех других, разводятся главным образом бездетные и однодетные пары. Причем, если первое может быть характерно и для местного населения коренных национальностей, у которых отсутствие детей считается одной из самых «уважительных» причин для развода [3], то последнее, видимо, вызвано тем, что среди однодетных городских семей очень высокий процент составляют семьи других национальностей, а также смешанные семьи, а подавляющее большинство разводов приходится на города.

Так, например, в городах Узбекской ССР среди семей из трех человек (68 % которых составляли брачные пары с одним ребенком) узбекские семьи составляли лишь 19 %, русские семьи — 41 %, семьи других национальностей тоже 19 %, национально смешанные семьи — 21 %. В то же время среди семей из семи и более человек узбекские семьи составляли 68 % [4].

Поскольку стандартизация производится по структуре семей по стране в целом, а эта структура с явным преобладанием бездетных и однодетных семей — 69,1 %, то полученные стандартизованные коэффициенты показывают, какой была бы разводимость в Средней Азии, если бы и там преобладала малодетность. В этом случае разводимость была бы весьма высокой. Так, в Узбекской ССР разводимость в бездетных семьях составляет 27,1 ‰ — это намного выше, чем по стране в целом. Однако разводимость в семьях с одним ребенком (12,3 ‰), с двумя детьми (5,8 ‰) и особенно с тремя и более (0,6 ‰) там гораздо ниже, чем в целом по стране. Впрочем, на показатели для одно- и двудетных семей

[1] *Голод С. И.* Стабильность семьи: Социологический и демографический аспекты. Л., 1984. С. 94; *Фести П., Приу Ф.* Разводы в Европе после 1950 г. // Развод: Демографический аспект. М., 1979. С. 43—45.

[2] Рассчитано по: Численность и состав населения СССР: (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М., 1984. С. 219, 252—283, 354—356; *Звидриньш П. П.* Стабильность браков и рождаемость // Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983. С. 63—65.

[3] По данным исследования, в Ленинабадской, Кулябской и Курган-Тюбинской областях Таджикской ССР в 1984 г. отсутствием детей объяснялось 19 % разводов — больше, чем по любой другой из 18 причин, перечисленных авторами. См.: *Исламов С. И.* Разводы в Таджикистане // Социол. исслед. 1987. № 6. С. 108—110.

[4] Рассчитано по: Численность и состав населения СССР: (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). С. 260—261, 298—299.

6 Зак. 1712

Таблица 10

Связь между уровнем разводимости и распределением семей по детности в СССР и союзных республиках за 1978—1979 гг.

Союзная республика	Распределение семей по числу живущих в них детей до 18 лет, % к числу семей					Коэффициент разводимости на 1000 брачных пар, %		Ранги показателей в порядке убывания	
	без детей	с одним ребенком	с двумя детьми	с тремя детьми и более	бездетные и однодетные, вместе взятые	фактический	стандартизованный	фактический коэффициент разводимости	доля бездетных и однодетных семей
СССР	36,1	33,0	20,7	10,2	69,1	15,2	15,2	—	—
РСФСР	38,4	35,8	20,2	5,6	74,2	17,5	16,7	2	2
Украинская ССР	40,2	33,4	21,2	5,2	73,6	14,8	14,3	4	4
Белорусская ССР	37,7	31,7	23,2	7,4	69,4	12,5	12,4	6	5
Узбекская ССР	16,5	18,7	18,0	46,8	35,2	8,1	15,1	12	14
Казахская ССР	25,2	29,2	23,5	22,1	54,4	12,4	15,1	7	9
Грузинская ССР	32,2	25,1	25,6	17,1	57,3	5,7	6,4	14	8
Азербайджанская ССР	21,3	19,2	19,2	40,3	40,5	6,8	10,7	13	12
Литовская ССР	38,0	31,0	23,2	7,8	69,0	13,1	12,9	4	6
Молдавская ССР	34,7	31,4	21,8	12,1	66,1	11,5	11,8	8	7
Латвийская ССР	42,9	34,1	18,7	4,4	77,0	22,1	21,4	1	1
Киргизская ССР	21,9	24,6	20,2	33,3	46,5	10,1	14,5	9	10
Таджикская ССР	15,3	18,1	17,0	49,6	33,4	8,6	16,5	10,5	15
Армянская ССР	21,0	21,5	26,5	31,0	42,5	5,0	6,7	15	11
Туркменская ССР	16,1	19,5	18,0	46,4	35,6	8,6	15,0	10,5	13
Эстонская ССР	40,9	33,1	21,0	5,0	74,0	16,9	16,4	3	3

Рассчитано по: Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 219, 252—283, 354; *Звидриньш П. П.* Указ. соч. С. 63—65.

сильно влияют разводы в семьях некоренных национальностей и в смешанных семьях.

Следует заметить, что при смешанных браках, когда супруги представляют национальные или социальные группы населения с разным уровнем разводимости, вероятность распада семьи как бы определяется тем супругом, который представляет группу с более высокой разводимостью, ту, в которой развод более принят как способ выхода из конфликтных ситуаций в семье, а перечень причин развода, «уважительных» в глазах общественного мнения, гораздо шире.

Так, среди браков, заключенных в 1971 г. в Кишиневе, в которых оба супруга были молдаване, закончились разводом в течение последующих 10 лет 19 %. Из пар, где оба супруга были русские, развелись 33 % (примерно столько же, как в крупных городах самой России). В смешанных семьях, где муж русский, а жена молдаванка, распалось также 33 % пар. Несколько прочнее оказались семьи, где муж молдаванин, а жена русская, из них развелись 27 %. Но он все же ближе к показателю для русских, а не молдавских однонациональных семей. Среди браков, заключенных в Таллинне в 1970 г., за 15 лет распалось 26 % однонациональных эстонских, 30 % однонациональных русских и 39 % браков эстонцев с русскими женщинами.

Сходная ситуация наблюдалась и в Тбилиси, где среди браков, заключенных в 1971 г., распалось в течение последующих 8 лет 10 % грузинских и 15 % русских пар, а также 17 % семей, в которых муж грузин а жена — русская. В то же время из числа браков грузин с армянками закончилось разводом лишь 10—12 %.[5]

Таким образом, в случае заключения браков между представителями национальностей с разным уровнем разводимости, уровень последней приближается к характерному для той национальности, у которой он выше, а иногда даже превышает его. По мнению этнографа А. А. Сусоколова, подробно исследовавшего этот вопрос, на прочности таких союзов отрицательно сказываются различия во взглядах супругов на быт, на отношения между поколениями и самими супругами, а также более, чем обычно, негативное отношение со стороны родителей и родственников, которые не всегда одобряют выбор «молодых» и порой отказывают им в помощи[6].

В то же время значение фактора различия национальной принадлежности намного меньше значения этнического окружения. Так, мы уже видели, что среди русских пар в Кишиневе за 10 лет распалось больше, чем за 15 лет в Таллинне. Прочность русских семей в Тбилиси, где вообще уровень разводимости заметно ниже, чем в Таллинне и Кишиневе, существенно выше, чем в этих двух городах.

В случае, когда в смешанный брак вступают представители народов со сходным типом демографического поведения (здесь —

[5] *Сусоколов А. А.* Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 109—110.
[6] Там же. С. 113—114.

грузины и армяне, для которых характерен низкий уровень разводимости и средний уровень рождаемости), это, видимо, не отражается на прочности таких браков. Но в наше время заключается много браков между мужчинами коренных национальностей Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии, Казахстана и русскими женщинами. Последние далеко не всегда усваивают принятые у этих народов обычаи спрашивать согласия родителей на брак, учитывать их мнение при решении своих внутрисемейных вопросов. Так, среди грузин считали обязательным спрашивать согласие родителей на брак — 61 %, среди русских, живущих в Грузии, — 44 %, в Узбекистане соответственно 88 % узбеков и 55 % русских. Даже среди русских женщин, у которых муж грузин, такое мнение высказали лишь 45 % [7].

Еще в меньшей степени соглашаются русские женщины на распределение ролей в доме, принятое в традиционных кавказских и среднеазиатских семьях. Это либо вызывает трения в семье и нередко даже ведет к ее распаду, либо (это бывает гораздо чаще) семья переходит к европейским формам быта [8]. Число детей в смешанных браках тоже обычно соответствует скорее нормам, принятым в той среде, где рождаемость ниже, независимо от того, кто происходит из этой среды, — муж или жена.

2. Перспективы разводимости и рождаемости

Межнациональные и межрегиональные различия в разводимости не являются вечными и неизменными. Хотя в республиках Средней Азии и Закавказья ее показатели по сравнению со страной в целом можно считать низкими, они растут гораздо быстрее, чем в среднем по СССР.

Так, если по стране в целом число разводов на 1000 брачных пар между 1958—1959 гг. и 1978—1979 гг. увеличилось примерно в 3 раза, то в Грузии и Туркмении оно возросло в 4 раза, в Узбекистане и Таджикистане — в 6, в Киргизии — в 7, в Казахстане — в 8 раз [9], несмотря на то что доля коренных национальностей почти во всех этих республиках повысилась.

В то же время показатели суммарной рождаемости в тех республиках, где она высока, быстро падают. Так, в период между 1969—1970 гг. и 1986—1987 гг. этот коэффициент в Узбекистане уменьшился с 5,674 до 4,631; в Казахстане с 3,351 до 3,159; в Таджикистане с 5,926 до 5,680; в Киргизии с 4,891 до 4,201; в Туркмении с 5,972 до 4,752; в Азербайджане с 4,661 до 2,893; в Армении с 3,241 до 2,559 [10]. Последнюю республику уже нельзя относить к регионам с высокой рождаемостью.

---

[7] См.: Там же. С. 88.
[8] См.: *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 213.
[9] См.: Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 211.
[10] Рассчитано по: Население СССР, 1987; Стат. сб. М., 1988. С. 211—214 (суммарные показатели рассчитаны на основе коэффициентов в однолетних возрастных группах).

В настоящее время, после ряда исследований факторов рождаемости, многие ученые считают, что ее межреспубликанские, этнические, социальные различия постепенно стираются и рождаемость понемногу выравнивается, причем нивелировка происходит на уровне одно-двудетной семьи, характерном уже сейчас для городского населения европейской части страны. Это, естественно, не обеспечивает даже и простого воспроизводства населения [11].

Трудно не согласиться с мнением авторов коллективной монографии «Воспроизводство населения СССР», что и в Средней Азии процесс снижения рождаемости сам собою не повернет вспять и не остановится на полупути, и что в итоге там тоже будут преобладать малодетные семьи [12]. Но в таком случае это приведет к сильному повышению разводимости, что и показывают нам стандартизованные коэффициенты, которые почти равны соответствующим показателям по РСФСР.

Есть основания считать, что дифференциация разводимости между республиками также будет стираться. Помимо того, что само снижение рождаемости этому очень способствует, на оба процесса действуют общие факторы: вовлечение женщин в общественное производство, урбанизация, рост образовательного уровня населения. В условиях, когда все социально-экономическое развитие способствует и снижению рождаемости, и росту разводимости, браки представителей национальных и социальных групп населения, у которых эти процессы зашли дальше, с лицами тех групп, у которых рождаемость относительно выше, а разводимость ниже, способствуют понижению уровня первой и повышению второй, стиранию дифференциации этих процессов, что отражается и на показателях по стране в целом, тем более что удельный вес таких гетерогенных (межнациональных, между сельскими мигрантами и коренными горожанами, между людьми с разным уровнем образования) браков непрерывно растет.

Однако в настоящее время этническая и региональная дифференциации рождаемости еще достаточно велики и тесно связаны друг с другом. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена между числом разводов на 1000 брачных пар и процентом бездетных и однодетных семей, вместе взятых (последняя цифра выступает как обратная характеристика уровня рождаемости: чем он ниже, тем она выше) составляет +0,83, что говорит о высокой тесноте связи.

В данном случае природа этой связи вроде бы ясна: чем больше бездетных и однодетных семей, подверженных повышенному риску распада, тем больше и разводов. Но после стандартизации межреспубликанские различия не исчезают полностью. Коэффициент вариации для обычных показателей разводимости составляет 39,5 %, а для стандартизованных — 27,1 %. Отсюда можно рассчи-

---

[11] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976. С. 185—186; Воспроизводство населения СССР. С. 200—201; и др.
[12] Воспроизводство населения СССР. С. 242.

тать, что различиями в распределении семей по числу детей определяется:

$$\frac{39{,}5-27{,}1}{39{,}5} \cdot 100\ \% = 31\ \%$$

общей вариации показателей разводимости по союзным республикам.

Другой расчет показывает, что если стандартизовать показатель разводимости на 1000 брачных пар в СССР в целом за 1978—1979 гг., приняв за стандарт ту структуру семей по детности, которая наблюдалась в стране по переписи 1970 г., то такой стандартизованный коэффициент составил бы 14,1 ‰[13]. Фактический же коэффициент был равен 15,2 ‰ и на 3,7 ‰ превышал уровень 1969—1970 гг. (11,5 ‰). Следовательно, повышение за счет изменения структуры семей по детности составило:

$$15{,}2-14{,}1=1{,}1\ ‰.$$

Если бы детность семей не менялась, то показатель разводимости повысился бы на:

$$14{,}1-11{,}5=2{,}6\ ‰.$$

Это повышение за счет роста вероятности разводов в семьях с конкретным числом детей (0, 1, 2, 3 и более).

Вклад фактора изменения структуры семей по детности в общее повышение разводимости можно оценить как:

$$(1{,}1 : 3{,}7) \cdot 100\ \%=30\ \%,$$

что почти в точности соответствует влиянию межреспубликанских различий в детности семей на дифференциацию показателей разводимости (31 %), в то время как обратное влияние — разводимости на рождаемость как в динамике, так и в дифференциации составляет лишь около 5 %.

Таким образом, тесная обратная корреляция между рождаемостью и разводимостью объясняется в основном не прямым взаимодействием этих процессов, а воздействием каких-то общих факторов, способствующих как снижению рождаемости, так и росту разводимости.

---

[13] За 1970 г. мы не располагаем прямыми данными о структуре семей по числу детей до 18 лет. Поэтому пришлось исходить из гипотезы, что структура семей по их числу изменилась таким же образом, как по числу всех детей, живущих в семье родителей и не состоящих в браке. В 1979 г. обе структуры были очень близки друг к другу (рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1974. Т. 7. С. 380; Численность и состав населения СССР. С. 252 — 253, 354).

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ РОЖДАЕМОСТИ С РАЗВОДИМОСТЬЮ И ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭТИ ПРОЦЕССЫ

1. Общие факторы, влияющие на прочность и детность семей

При изучении рождаемости демографы традиционно уделяют немалое внимание ее дифференциации по различным социальным признакам: месту жительства (город, село), уровню образования, величине дохода семьи (общего или душевого), жилищным условиям, профессиональной или этнической принадлежности и ряду других легко фиксируемых формальных параметров, характеризующих группу населения, семью или индивида. В общем, такой же подход характерен и для изучения разводимости, хотя по этой проблеме имеется значительно меньше информации.

Характер дифференциации рождаемости по изучаемым параметрам достаточно хорошо изучен. Известно, что рождаемость в городах ниже, чем в сельской местности, в больших городах ниже, чем в малых, в более обеспеченных и более образованных группах населения ниже, чем в менее обеспеченных и образованных, у народов европейской части СССР ниже, чем у народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджана. Дифференциация разводимости по признаку места жительства (город, село) и по этнической принадлежности, как выше показано, имеет противоположный характер. Что же касается ее дифференциации по уровню образования, то она, в отличие от рождаемости, четко не прослеживается[1].

Однако изучаемая дифференциация, во всяком случае в отношении рождаемости, не является чем-то вечным и неизменным. В популяциях с очень высоким уровнем рождаемости ее вообще трудно обнаружить, начинается же процесс снижения рождаемости сначала у наиболее образованных и обеспеченных групп городского населения — и вот на этом этапе (для европейской части нашей страны это был период развития капитализма — конец прошлого века) уже можно заметить социальные различия в рождаемости. В других регионах нашей страны — в Закавказье, Средней Азии, Казахстане снижение рождаемости началось уже в советское время. Неодновременность протекания этого процесса у разных социальных и этнических групп населения и создала такую дифференциацию рождаемости, которая наблюдается ныне. Она имеет преходящий характер: снижение рождаемости не может про-

---

[1] См.: *Бондарская Г. А.* Анализ разводимости в реальных поколениях женщин // Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983. С. 33.

должаться до бесконечности, рано или поздно ее уровень стабилизируется, причем, как показывает опыт, этот стабильный уровень очень низок и не обеспечивает даже простого замещения поколений.

Такая стабилизация характерна для всех групп населения, в которых снижение рождаемости прекратилось: различия между группами становятся небольшими и непринципиальными, так как во всех группах среднее число рождений на замужнюю женщину становится ниже критической цифры, необходимой для простого замещения поколений (2,48 ребенка).

Так, по данным Всесоюзного выборочного социально-демографического обследования населения 1985 г. в РСФСР среднее ожидаемое число детей (включая уже имеющихся) на 100 замужних женщин 18—44 лет составило 204, в том числе у женщин с высшим образованием — 182, средним специальным — 193, средним общим — 203, неполным средним — 234. Формально эти данные указывают на сохранение традиционной обратной связи между рождаемостью и образованием, но какое значение имеет эта связь, если во всех образовательных группах среднее число детей не обеспечивает простого воспроизводства населения. Исключение составляют лишь женщины с начальным и более низким образованием (298) [2], но их доля среди поколений 1940—1966 гг. рождения, школьные годы которых пришлись на период, когда получение неполного среднего образования считалось в нашей стране уже обязательным, не может быть заметной. Это исчезающая группа населения. В скором времени такой же группой окажутся и лица с 8-летним образованием и образовательная дифференциация в рождаемости станет еще меньше.

То же самое можно сказать и об уменьшении различий в рождаемости между городским и сельским населением за счет ее более быстрого снижения на селе и об ослаблении этнической дифференциации рождаемости в результате ее сильного сокращения у коренного населения Средней Азии, Казахстана и Азербайджана в последние годы.

Проблеме ослабления дифференциации рождаемости по мере снижения ее общего уровня посвящено немало капитальных научных трудов [3]. Дифференциация разводимости изучена меньше, но отмечается, например, факт более быстрого роста частоты разводов в сельской местности [4], что ведет к уменьшению в этой частоте между городским и сельским населением. Очевидно, в будущем дифференциация как рождаемости, так и разводимости по формальным признакам (место жительства, образование, национальность и др.) постепенно сойдет на нет.

Однако при нивелировании социальных, этнических и других

[2] См.: Вестн. статистики. 1986. № 9. С. 78.
[3] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости; Сколько детей будет в советской семье? М., 1977; Воспроизводство населения СССР. М., 1983; Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984; и др.
[4] См.: Воспроизводство населения СССР. С. 210.

формальных различий между разными группами населения по средней прочности и детности браков индивидуальные различия сохраняются. В условиях низкой рождаемости одни пары имеют одного, другие — двух, третьи — трех и более детей (правда, число последних невелико). В условиях высокой разводимости наряду с неполными, распавшимися и нестабильными семьями существует немало очень дружных и прочных пар. Вообще, на фоне общего демографического неблагополучия все же можно найти крепкие семьи, имеющие нескольких детей, которые могли бы служить образцом для остальных. Но при этом следует выяснить, чем именно в своем поведении отличаются эти «демографически благополучные» семьи от всех остальных?

В настоящее время именно исследование демографического (брачного, репродуктивного, самосохранительного, миграционного) поведения представляет собой наиболее перспективное направление изучения брачности, рождаемости, смертности, миграционных процессов. Определение различий в интенсивности этих процессов у разных социальных или этнических групп населения, хотя и может еще дать ценную информацию, но по сути своей является уже пройденным этапом в развитии демографической науки. Поведенческий подход позволяет не только лучше понять сущность демографических процессов, но и научиться управлять ими.

На поведенческом подходе были основаны некоторые социологические исследования проблем рождаемости, например, проведенные Центром по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова в Вильнюсе (1976 г.) и в Москве (1976 и 1978 гг.), отделом демографии Института социологических исследований в Москве (1982 и 1983 гг.), в Уфе и Саратове (1984 г.). В последнем исследовании, получившем название «Дети в городской семье», опрашивались одновременно оба супруга в семьях, где имелось 1—2 ребенка, а возраст жены не превышал 35 лет. При разработке итогов этого исследования изначально предполагалось, что традиционные различия в имеющемся, ожидаемом, желаемом и идеальном средних числах детей между разными социальными группами населения в условиях этих больших городов, где давно установился стабильно очень низкий уровень рождаемости, не могут быть большими, как оно и оказалось. Поэтому основной упор делался не на поиск этих различий, а на определение ориентации респондентов на те или иные жизненные ценности, которая в конечном счете и определяет их установки на большее или меньшее число детей. (Поскольку в анкете содержались и вопросы об оценке «качества» и прочности своего брака, это давало возможность определить и связь стабильности семьи с ориентацией на «семейный» или «внесемейный» образ жизни, но об этом речь пойдет ниже.)

В анкете исследования «Дети в городской семье» респондентам предлагался следующий вопрос: «Как Вы думаете, насколько важно для мужчины (в женском варианте анкеты — для жен-

щины) вашего возраста (каждый из пунктов оцените по 5-балльной шкале):

	Совсем не важно				Очень важно
1) Состоять в браке	1	2	3	4	5
2) Материальное благополучие					
3) Иметь дачу					
4) Больше заниматься с детьми					
5) Достичь успехов в работе					
6) Меньше заниматься домашним хозяйством					
7) Иметь высшее образование					
8) Иметь автомобиль					
9) Часто встречаться со своими друзьями					
10) Иметь нескольких детей					
11) Часто общаться с родственниками					
12) Проводить свободное время с семьей					
13) Одеваться по последней моде					
14) Быть хозяином в доме (для женщин — быть хорошей хозяйкой)					
15) Регулярно ходить в кино, театр, на выставки					
16) Иметь современную мебель					
17) Чтобы жена хорошо зарабатывала (для женщин — чтобы муж хорошо зарабатывал)					
18) Иметь возможность повышать свою квалификацию (для женщин — иметь возможность не работать)					
19) Много зарабатывать					

На основе оценки респондентом этих 19 ценностей определялась степень его (ее) ориентации на семейные либо внесемейные ценности. При этом к числу внесемейных, как показало подробное сопоставление ответов, проведенное В. Н. Архангельским, оказалось возможным отнести лишь две ценности: «иметь высшее образование» и «часто общаться со своими друзьями». Не попали в эту группу, вопреки первоначальным предположениям, такие ценности, как культурное проведение досуга вне дома: «регулярно ходить в кино, театр, на выставки» (очевидно, дело в том, как туда ходят — всей семьей или врозь), ориентация на повышение квалификации, на то, чтобы одеваться по последней моде, иметь современные мебельные гарнитуры, автомобили и т. д. Вообще «потребительская» ориентация, вопреки бытующему мнению, не оказалась конкурентом ориентации на семью и детей. Напротив, такие «корыстные» ценности, как «материальное благополучие» и «иметь дачу», вопреки нашим житейским представлениям, у мужей оказались в числе семейных.

В эту же категорию попали такие ценности, как «состоять в браке» (к нашему удивлению, лишь у мужчин), «больше заниматься с детьми», «иметь нескольких детей», «проводить свободное время с семьей», «часто общаться с родственниками», «быть хорошей хозяйкой» (быть хозяином в доме). Прочие перечисленные

ценности оказались как бы «нейтральными» по отношению к семейному образу жизни.

Степень ориентации на семейные и внесемейные ценности у разных респондентов была выражена в неодинаковой степени, и при обработке результатов исследований все опрошенные мужчины и женщины были разделены на пять групп: 1) преобладание внесемейных ценностей, 2) равновесие семейных и внесемейных ценностей, 3) некоторое преобладание семейных ценностей, 4) явное преобладание семейных ценностей, 5) сильное преобладание семейных ценностей. Примечательно, что чем сильнее было выражено преобладание семейных ценностей, тем выше были показатели ожидаемого числа детей: они возрастали от первого типа к пятому у мужчин с 1,83 до 2,04, у женщин — с 1,54 до 1,91 [5].

Нами была выдвинута гипотеза, что ориентация на семейный образ жизни дает, по сравнению с противоположной, демографический эффект не только в виде более высоких установок детности, но и в повышении прочности брака, причем не только у каждого из супругов в отдельности, а у пары в целом (если подобная ориентация свойственна им обоим).

Проверка этой гипотезы требовала получения сводных характеристик пары по трем параметрам: 1) степень ориентации на семью, 2) оценка прочности брака, 3) ожидаемое число детей.

Первая из этих задач потребовала иной группировки респондентов, чем проведенная В. Н. Архангельским: выделялись уже не типы мужчин и женщин, а типы семей по степени ориентации обоих супругов на семейные ценности. Предполагалось, что расхождение этих ориентаций у супругов может негативно повлиять на ожидаемую детность и особенно на прочность брака.

Разработка анкет показала, что большинство из 25 теоретически возможных вариантов сочетания ценностных ориентаций мужа и жены представлены слишком малыми группами семей, чтобы по этим группам можно было выводить статистически надежные средние показатели. Поэтому решено было пять первоначально образованных типов ориентации на семью свести всего к двум: группа *А* — слабая ориентация, куда вошли I—III типы, и группа *Б* — сильная ориентация (IV—V типы). Такое решение было вызвано не только стремлением образовать статистически представительные группы, но и тем, что IV и V типы семей были очень близки друг к другу по среднему ожидаемому числу детей (у женщин — 1,90 и 1,91).

Поскольку нас интересовало сочетание семейной ориентации супругов, в итоге были получены четыре группы:

1) АА — слабая степень ориентации на семью у обоих супругов;
2) АБ — слабая у жены, сильная у мужа;
3) БА — сильная у жены, слабая у мужа;
4) ББ — сильная у обоих супругов.

Подробнее об этом см.: *Архангельский В. Н.* Репродуктивное поведение и ценностные ориентации городского и сельского населения // Городская и сельская семья. М., 1987.

Следующая задача состояла в получении комплексной оценки стабильности брака по ответам обоих супругов. При этом использовался вопрос: «Насколько Вы уверены в прочности своей семьи?» — с вариантами подсказа: 1) совершенно уверен(а); 2) скорее да, чем нет; 3) скорее нет, чем да; 4) совершенно не уверен(а).

Здесь, в отличие от предыдущего случая, нельзя было идти путем простого комбинирования ответов. У нас не было уверенности в том, что семью, где один из супругов отметил первый, а другой — третий вариант подсказа,следует считать более стабильной, чем ту, где этот вариант указали оба супруга. Хотя данная оценка носит субъективный характер и в жизни действительно бывают случаи, когда один из супругов уверен в прочности своей семьи и не подозревает, что другой намерен его оставить, но и в этом случае семью надо считать нестабильной. Для упрочения семьи необходимо, чтобы оба супруга стремились к этому, для разрушения же ее достаточно желания одного из них.

Кроме того, учитывая щекотливый характер данного прямого вопроса, не все ответы на него можно было считать искренними. По нашему мнению, при расхождении ответов, чем бы оно не было вызвано — неосведомленностью или неискренностью — большего доверия заслуживал худший из двух ответов.

Исходя из этого, мы перешли к балльной оценке стабильности брака для пары в целом. Если оба супруга давали ответ: «совершенно уверен(а)», семья считалась высокостабильной и получала оценку +1 балл. Из 212 пар, опрошенных в Москве в 1983 г. (в дальнейшем везде — массив «Москва-83»), таких семей оказалось 50 (23,6 %). Если же такой ответ давал лишь один из супругов, а другой отмечал подсказ: «скорее да, чем нет», либо последний ответ давали и муж, и жена, то такие семьи причисляли к среднестабильным с оценкой 0 баллов. Их оказалось большинство — 123 (58,0 %). Семьи, где хотя бы один из супругов отметил подсказ: «скорее нет, чем да» или «совершенно не уверен(а)», независимо от ответов другого супруга, рассматривались как нестабильные с оценкой — 1 балл. Их было 38 (17,9 %). Лишь в одной семье степень стабильности не удалось определить, так как муж не ответил на данный вопрос.

Данная методика позволяет получить средний балл стабильности по любой группе семей. Этот показатель может принимать значения от —1 до 0 (при преобладании нестабильных пар над высокостабильными), быть равным 0 (при равной численности семей обоих типов) и составлять от 0 до +1, при преобладании высокостабильных семей над нестабильными.

В целом по всему массиву средний балл стабильности составил +0,06. У нас нет полной уверенности в том, что это действительно указывает на некоторое преобладание высокостабильных семей над нестабильными, поскольку мы пользуемся ответами только на прямой вопрос об оценке прочности брака (других не было в анкете), а это, даже при пользовании худшим из двух ответов супругов,

может завышать средний балл стабильности. Однако это завышение одинаково проявляется в любой группе респондентов и сравнение разных их групп по данному признаку вполне правомерно. Оно позволяет оценить, какие факторы способствуют повышению или понижению относительной стабильности брака.

Последняя задача состояла в определении ожидаемого числа детей для пары в целом по ответам на довольно распространенный в демографических анкетах вопрос: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?» Эти ответы не совпадали у супругов в каждой третьей семье, причем мужья чаще указывали большее число, чем жены.

В данном случае предстояло выяснить, какой из семейных планов имеет больше всего шансов на реализацию: план мужа, план жены, план-минимум или план-максимум? В анкете содержался ряд контрольных вопросов, например, о возможной реакции респондента на желание другого супруга иметь еще ребенка или на ситуацию незапланированной беременности, которые позволили В. Н. Архангельскому установить, что больше всего таких шансов имеет план-минимум. Среди всех семей, где планы супругов расходятся, в 82 % случаев решающее значение при принятии решения о рождении еще одного ребенка или отказе от него имеет мнение того из супругов, который собирается иметь меньше детей, независимо от того, кто это — муж или жена[6].

Одновременно с В. Н. Архангельским и Л. И. Михайлик к сходному выводу пришла В. В. Коротеева (Институт этнографии АН СССР). На основе проведенных при ее участии социально-демографических исследований в Ташкенте и Тбилиси (1985—1986 гг.) она установила, что «если взгляды супругов на желаемое число детей различаются, то, как правило, семья собирается иметь меньшее из названных чисел. Отказ от реализации репродуктивной установки одного из супругов, вероятно, чреват меньшими психологическими конфликтами, чем появление нежеланного кем-нибудь из них ребенка»[7].

Трудно оспаривать мнения этих авторов, надо только уточнить, что они относятся к ситуации, когда речь идет о рождении второго, третьего или последующих детей (сами авторы об этом не упоминают). Среди замужних женщин, опрошенных в Тбилиси и Ташкенте, было очень мало предполагающих остаться бездетными (3—5 %), а по условиям опроса «Дети в городской семье» бездетные пары вообще не включались в выборку. Рождение первенца — это особый случай — нередко он появляется на свет вопреки явному нежеланию одного из родителей, чаще отца. Но

[6] Подробнее об этом см.: *Архангельский В. Н., Михайлик Л. И.* К вопросу о характере принятия супругами решения о числе детей в семье // Демографические процессы: вопросы изучения: (Материалы конференции молодых ученых ИСИ АН СССР). М., 1987.

[7] См. *Коротеева В. В.* Этносоциальные аспекты рождаемости у населения крупного многонационального города: (По материалам Ташкента и Тбилиси): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1987. С. 17.

в таких случаях, как правило, речь идет не о желании мужчины или женщины вообще остаться бездетными, а об их нежелании иметь ребенка в данное время или от данного партнера из-за плохих отношений с ним. Если этот нежеланный ребенок все же появляется на свет, то это нередко вызывает тот самый «психологический конфликт», следствием которого бывает либо распад пары еще до оформления брака, т. е. внебрачное рождение, либо «стимулированный» брак, который во многих случаях вскоре расторгается, иногда даже по предварительной договоренности партнеров, т. е. то же самое внебрачное рождение «маскируется» кратковременным браком. Это показывает всю условность различия между «матерями-одиночками» и разведенными женщинами с детьми.

Исходя из вышесказанного, было решено определять ожидаемое число детей как меньшую из двух цифр, названных супругами (при их несовпадении). При таком подходе это число у 39 % равнялось одному ребенку, у 58 % — двум и лишь у 3 % (т. е. всего у 6 семей) — трем детям. Во всей совокупности не оказалось ни одной пары, в которой оба супруга ожидали бы иметь четырех и более детей, а среди однодетных — даже трех. Это говорит о непопулярности больших семей в Москве.

Среднее ожидаемое число детей для пар в целом оказалось равным 1,65, т. е. меньше, чем по ответам мужей (1,91) и жен (1,74). Оно очень близко к среднему фактическому числу детей у пар со стажем брака 13 лет и более (1,62). Поскольку на более поздних этапах брака число рождений незначительно (в условиях малодетности); из 285 детей лишь один родился после 13 лет брака, то эта методика расчета среднего ожидаемого числа детей может быть использована для прогнозов.

Окончательные результаты наших расчетов приведены в табл. 11.

Табл. 11 показывает, что пары с сильной ориентацией мужа и жены на семейные ценности (тип *ББ*) заметно превосходят семьи противоположного типа (*АА*) со слабой ориентацией обоих супругов на семью по уровню своей стабильности. В группе *АА* число высокостабильных и нестабильных пар одинаково, в группе *ББ* первых на 17 % больше, чем вторых. Это различие статистически достоверно на уровне значимости 87 %. Еще больше различаются между собой эти группы как по фактической (1,23 и 1,54 ребенка), так и по ожидаемой детности (1,54 и 1,78). Значимость этих различий превышает 99 %.

Две другие группы семей занимают промежуточное положение между типами *АА* и *ББ* по ожидаемой детности. Для группы *БА* это характерно и в отношении фактической детности (1,40), тогда как в группе *АБ* фактическая детность очень близка к группе *АА* (1,25 ребенка). В то же время в этой группе наблюдается максимальный разрыв между имеющимся и ожидаемым числом детей — 0,4 ребенка, что вызывает сомнения в реализации ожидаемого числа, особенно если учесть низкую прочность семей данного типа. Среди них нестабильных на 25 % больше, чем высокостабильных.

Таблица 11

Показатели прочности и детности пар в зависимости от степени ориентации супругов на семейные ценности (массив «Москва-83»)

Тип семей	Степень ориентации на семейные ценности		Число пар	Средний балл стабильности	Среднее число детей	
	у жены	у мужа			фактическое	ожидаемое
АА	Слабая	Слабая	80	0,00	1,23	1,54
АБ	Слабая	Сильная	24	−0,25	1,25	1,65
БА	Сильная	Слабая	58	+0,12	1,40	1,66
ББ	Сильная	Сильная	46	+0,17	1,54	1,78
Всего	—	—	212 *	+0,06	1,34	1,65

* В четырех семьях тип ориентации мужа и жены на семейные ценности установить не удалось.

Ничего подобного нельзя найти ни в одной другой группе. Несмотря на малочисленность семей типа *АБ*, этот показатель по ним статистически значимо отличается от соответствующих цифр по семьям всех прочих типов. Очевидно, ориентация мужа на семейный образ жизни, а жены — на внесемейный ведет к острым конфликтам.

В то же время обратная ситуация, когда муж ориентирован на проведение свободного времени и общение с друзьями без семьи, а жена — на занятие домашним хозяйством, уход за детьми и их воспитание и другие семейные ценности, очевидно, больше соответствует традиционной морали, которая, видимо, мало изменилась и в наше время. Если внесемейный досуг мужа не сопровождается выпивками, изменами, азартными играми, то он (в разумных пределах) не вызывает подобных конфликтов.

Во всяком случае средний балл стабильности семей типа *БА* лишь ненамного меньше, чем в семьях типа *ББ* (0,12 и 0,17). Это различие статистически не значимо.

Таким образом, ориентация супругов на семейные либо внесемейные жизненные ценности является одним из важных общих факторов, которые одновременно воздействуют и на детность семьи, и на прочность брака. Значение такого вывода состоит в том, что это один из факторов, поддающихся воздействию. Никто не будет отрицать, что другим общим фактором является, например, миграция из села в город. Но из этого не следует, что с целью упрочения семьи и повышения рождаемости следует повернуть этот миграционный поток в обратную сторону. Во-первых, это вряд ли возможно, во всяком случае в масштабе всей страны, во-вторых, даже если допустить такой поворот, он не дал бы желаемого демографического эффекта, поскольку урбанизация села ведет к снижению рождаемости и росту разводимости и в сельской местности.

Другое дело, ориентация на семейный или внесемейный образ жизни. Хотя и на нее влияет социальный контекст, но мы уже видели, что в одном и том же городе она у разных людей разная: одни настроены на проведение свободного времени с семьей, занятия с детьми и ведение образцового домашнего хозяйства, на общение с родными, другие — на частые встречи с друзьями. Основное различие между дружескими и родственными контактами в том, что первые всегда происходят добровольно и по взаимному желанию, тогда как последние нередко бывают вынужденными и формальными.

Ориентация на личную независимость выступает как главная альтернатива собственно семейным ценностям. Предпочтение необязательного дружеского общения обязательным внутрисемейным и родственным контактам — лишь одно из направлений этой ориентации. Судя по тенденциям эволюции семейной структуры населения, эта ориентация усиливается.

Для этой эволюции характерны три процесса — нуклеаризация семей, т. е. отделение женатых, а нередко и неженатых взрослых детей от родителей; снижение рождаемости и рост разводимости. В первом случае дети стремятся к независимости от родителей (и наоборот), во втором — стремление родителей уменьшить свою зависимость от детей путем сведения их числа к минимуму. В третьем случае разводы рассматриваются как освобождение от чрезмерной зависимости от другого супруга, если отношения с ним неблагоприятны.

Противоречие между традиционными семейными устоями и стремлением к личной свободе было замечено очень давно, причем отнюдь не демографами и не социологами семьи. Так, еще в 1892 г. В. И. Вернадский писал: «Если мы сведем (вместе) все эти причины, колеблющие нашу семью, то увидим, что они являются логическим и неизбежным последствием из основных и самых дорогих для нас принципов: альтруизма, свободы, истины и сомнения, — и можно думать, что если будет прогресс, то будет и такое расшатывание семьи» [8]. Хотя с этим утверждением относительно альтруизма трудно согласиться (по нашему мнению, расшатывает семью как раз эгоизм, а не альтруизм), но насчет свободы двух мнений тут быть не может. В той же записи в дневнике В. И. Вернадского высказано предположение о том, что «брак теряет свой нерушимый, на всю жизнь, характер» и что большинство «родовых союзов» будущего будут основаны на «свободной любви» [9].

Последний термин нередко считается синонимом разврата. Но это неверно. Само такое словосочетание бессмысленно: всякая любовь — «свободна», иной и быть не может. Это чувство приходит и проходит само собой. Давление родственников, нажим общественного мнения могут принудить человека к вступлению в брак или

---

[8] См.: *Вернадский В. И.* Основою жизни — искание истины // Новый мир. 1988. № 3. С. 216—217.

[9] См.: *Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 216—217.

удержать его от развода. Но никого нельзя заставить полюбить или помешать ему разлюбить другого.

«Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым только пока любовь продолжает существовать» [10] — это известное утверждение Энгельса, по существу, есть научное признание существования социальной нормы, которая в наше время разделяется гораздо более широкими слоями населения, чем во времена самого Энгельса.

Действие этой нормы проявляется двояко. С одной стороны, общественное мнение брезгливо относится к любому браку, заключенному не по взаимной любви [11]. При чтении лекций в самых разных аудиториях мы нередко задавали вопрос нашим слушателям: какие мотивы вступления в брак вы можете назвать? И почти всегда назывались два мотива — по любви и по расчету. Если же спросить, а что такое браки, заключенные с целью избежать одиночества, иметь свой дом и семью, детей, либо вызванные беременностью невесты, то почти всегда из ответов следовало, что все это разновидности брака по расчету. Сами по себе эти выражения носят характер аппрейзеров: брак по любви — это хорошо, а брак по расчету — это плохо.

Но требование, чтобы все браки заключались только по взаимной любви, заведомо нереально. Никакое чувство не приходит по заказу и ни в малейшей степени не гарантирует ответа. Кроме того, во многих случаях этот неписаный закон противоречит другому, который требует, чтобы все вступали в брак, и осуждает «старых холостяков» и особенно «старых дев», живущих «не как все люди». Социальные нормы не учитывают жизненных тонкостей и третируют любую «старую деву» (опять-таки негативный аппрейзер), даже независимо от того, почему она не вышла замуж — по причине чрезмерных запросов, жизненных обстоятельств и т. п.

Поскольку выйти замуж без любви — это все же меньшее нарушение социальных норм, чем не выйти замуж вовсе, многие так и поступают. Но это не всегда избавляет от комплекса неполноценности. Та, которая прежде страдала от отсутствия мужа, выйдя замуж, может терзаться от отсутствия любви к мужу. Потребность в любви у современных женщин (да и мужчин), воспитанная литературой, театром, кино, телевидением и всем общественным мнением, столь велика, что не найдя или утратив любовь в браке, многие находят ее на стороне. Из-за этого распадается множество семей, в которых «брошенный» муж или жена ничем не заслужили того, чтобы его покинули. Разводы подобного рода много страшнее тех, которые вызваны неадекватным поведением «брошенного» супруга — пьянством, изменами, отсутствием

---

[10] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980. С. 93.

[11] Лучшим доказательством этого служит относительно малая популярность и низкая эффективность различных служб знакомств, созданных в нашей стране в последние годы, и беспокойство их клиентов из-за недостаточных гарантий анонимности.

7 Зак. 1712

заботы о семье. Страшнее потому, что от них никак нельзя застраховаться, — страдающей же стороной является невиновный. По мере усилившейся тенденции к личной свободе и независимости таких разводов может становиться все больше и больше. Видимо, уход от мужей по таким мотивам свойствен именно интеллигентным женщинам, с выраженным чувством индивидуальности. Но хуже всего то, что подобное поведение нередко одобряется общественным мнением.

В мае 1988 г. еженедельник «Семья» опубликовал мою статью «Любить или быть любимым?» с анкетой, на которую ответили 740 читателей, в том числе 626 женщин. На вопрос: «Считаете ли вы отсутствие любви уважительной причиной для развода, если во всем остальном семейная жизнь протекает благополучно?» — ответили «да» 39 % мужчин и 31 % женщин. Любопытно, что средняя арифметическая из этих двух цифр почти в точности совпадает с фактической пропорцией между числом браков и разводов в стране за последние годы. Конечно, семьи распадаются не только из-за отсутствия любви. В каждом конкретном случае обычно есть целый ряд причин для развода, но отсутствие любви присутствует в этом ряду почти всегда. Лучше всего говорят об этом сами сторонники развода по такой причине.

На полях анкет очень много приписок — «нет любви, нет и благополучия». Это, по существу, их единственный контраргумент. Противники же развода, преобладая численно, гораздо реже аргументируют свою позицию. Основной их довод: главное в браке — долг перед детьми, нельзя приносить их интересы в жертву своей любви или ее отсутствию. Было очень много ответов — «да, если нет детей, нет, если они есть». Но о чувстве долга перед другим супругом упоминалось крайне редко. Только одна читательница, правда очень молодая (ей не было и 20 лет), да к тому же и незамужняя написала: «Если вышла замуж без любви, терпи и не делай несчастным своего мужа».

Анализ ответов вызывает впечатление, что любовь — это все же очень эгоистичное чувство. Да, ради любимого человека многие готовы на очень большие жертвы, но лишь до тех пор, пока его любят. Если же любимый муж или жена вдруг стали нелюбимыми, то, напротив, их интересы, а нередко и интересы детей, приносятся в жертву интересам разлюбившего супруга.

Если стремление к любви и к личной свободе противоречит традиционным семейным устоям, то из этого еще не следует, что семья исторически обречена. Но для сохранения семьи как института воспроизводства населения и социализации будущих поколений надо очень многое изменить как в самих внутрисемейных отношениях, так и в отношении общества к семье.

2. Пути воздействия на рождаемость и прочность браков

Трехсторонний характер связи между рождаемостью и прочностью браков, о котором говорилось выше, необходимо учитывать при разработке мер демографической политики, направленных на повышение детности семей и их устойчивости. Если эти меры преследуют лишь первую цель, т. е. рост рождаемости, то они, в случае успеха в этом отношении, могут дать и какой-то позитивный эффект относительно снижения разводимости за счет изменения структуры семей по детности.

Так, в СССР в результате небольшого подъема числа родившихся в первой половине 80-х годов изменилось распределение семей, имеющих детей до 18 лет, по числу детей. Если в 1979 г. свыше половины (51,6 %) этих семей были однодетными, то в 1985 г. их стало несколько меньше половины (48,8 %). В то же время доля двудетных семей, в которых разводимость существенно ниже, увеличилась с 32,4 до 35,6 %. Правда, доля трехдетных семей, которые распадаются еще реже, немного уменьшилась — с 16,0 до 15,6 % (имеются в виду семьи с тремя и более детьми). Но в целом такой структурный сдвиг должен был привести к некоторому уменьшению разводимости.

К сожалению, в публикации материалов обследования 1985 г. не была указана доля бездетных семей. Если предположить, что она осталась неизменной, то, при частоте разводов, наблюдавшейся в 1979 г., в каждой группе семей по детности и структуре семей по числу детей, зафиксированной обследованием 1985 г., коэффициент разводимости на 1000 брачных пар, составлявший 15,2 $^0/_{00}$ в 1978—1979 гг. должен был бы снизиться до 14,9 $^0/_{00}$ в 1984—1985 гг., т. е. на 0,3 $^0/_{00}$. Поскольку фактически он снизился до 14,1 $^0/_{00}$, т. е. на 1,1 $^0/_{00}$, то около $^1/_4$ этого небольшого снижения может быть объяснено улучшением структуры семей по детности [12].

Следует помнить, что структура семей по числу детей до 18 лет зависела от уровня рождаемости за 18 предшествующих лет, т. е. за 1961—1978 гг. к началу 1979 г. и за 1967—1984 гг. к началу 1985 г. Поскольку эти периоды большей частью «наезжают» друг на друга, такой сдвиг по детности нельзя считать незначительным. Среди молодых семей он должен проявляться гораздо более заметно, чем среди всех семей с несовершеннолетними детьми. К началу 1985 г. на этой структуре мог отразиться подъем рождаемости лишь за 1982—1984 гг., т. е. только за три года из 18 лет. В полной мере он проявится лишь к 2000 г., но при непременном условии, что демографическая политика в течение всех этих лет будет эффективной.

С другой стороны, если демографическая политика приводит

---

[12] Рассчитано по: Численность и состав населения СССР: (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М., 1984. С. 354; Вестн. статистики. 1985. № 11. С. 80; 1986. № 8. С. 74; № 11. С. 76.

к уменьшению уровня разводимости, это должно благоприятно сказываться и на уровне рождаемости. Однако, как мы уже видели, разводимость влияет на рождаемость в гораздо меньшей степени, чем рождаемость на разводимость. Кроме того, хотя число разводов в расчете на 1000 браков в 1984—1985 гг. было несколько ниже, чем в 1978—1979 гг., доля разведенных и разошедшихся во всех половозрастных группах в 1985 г. повысилась по сравнению с 1979 г. С одной стороны, это объясняется тем, что данный показатель отражает уровень разводимости за многие предшествующие годы, с другой — в число разошедшихся попадают те, чей брак распался фактически, но не был расторгнут формально и зафиксирован в текущем учете. Так, или иначе, если в 1978—1979 гг. из-за ухудшения брачной структуры женского населения в связи с распадом части браков (независимо от оформления разводов) было недопроизведено на свет 360 тыс. детей, то в 1984—1985 гг. уже 479 тыс.[13]

Естественно, возникает мысль, что эти потери можно уменьшить за счет снижения числа разводов. Но для этого само такое снижение должно быть вызвано настоящим упрочением браков, а не усложнением юридической процедуры их расторжения. Последнее приводит лишь к формальному сохранению семей, в которых новые дети явно уже не появятся: испорченные отношения супругов не улучшатся оттого, что им будет отказано в разводе. Такой отказ помешает им лишь в создании новых семей, что приведет к снижению рождаемости при одновременном повышении удельного веса внебрачных рождений.

Не является выходом и другой «путь» упрочения семьи — негативные последствия разводов. Не секрет, что развод в прошлом мешал продвижению по службе, заграничным служебным командировкам и даже приему в партию. Но все эти санкции касались почти исключительно мужчин, в которых общественное мнение и руководство на работе по традиционному стереотипу почти всегда видят «виновную» сторону, тогда как женщину рассматривают как «жертву». Удивительна живучесть этих старых представлений: давным-давно в разводах превалирует инициатива женщин. Например, в Риге в 1977 г. 70 % заявлений о разводе поступило от жен, а в возрастах до 25 лет даже 85 %. В Магнитогорске в 1982—1983 гг. женская инициатива дошла до 80 %[14].

В распаде брака почти всегда в той или иной степени виновны оба супруга, а чья вина больше — установить нелегко. По мнению народных судей, опрошенных в Магнитогорске, степень вины мужей и жен соотносится как 2 : 1, причем «мужская» вина — это

[13] См.: *Синельников А. Б.* Сколько детей нужно иметь, чтобы население не стало уменьшаться? // Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983. С. 54; расчеты по источникам, указанным в сн. 8.

[14] См.: *Звидриньш П. П.* Стабильность браков и рождаемость // Рождаемость: известное и неизвестное. С. 64; *Павлов Б. С.* Опыт исследования причин дестабилизации семей // Развитие и стабилизация молодой семьи. Свердловск, 1986. С. 92.

в основном пьянство и алкоголизм (57 %)[15]. Но если мужья в таких семьях действительно являются опустившимися пьяницами (это не всегда так, нередко ссылка на пьянство лишь удобный мотив для скорого развода), то вышеупомянутые негативные последствия развода им не страшны. В других же случаях негативные последствия для мужа и нейтральные или даже позитивные (сочувствие окружающих, льготы одинокой матери) для жены лишь побуждают ее подавать заявление о расторжении брака.

Лишь улучшение внутрисемейного климата может привести и к снижению числа разводов и к повышению рождаемости. Но всякого рода санкции за развод этот климат не улучшают: они действуют в то время, когда семья уже безнадежно разрушена.

Меры помощи семьям, имеющим детей, тоже нельзя считать средством упрочения семьи. По всем данным, низкие доходы или плохие жилищные условия среди причин расторжения брака занимают очень скромное место; например, в том же Магнитогорске соответственно 6,2 и 5,8 %[16]. При проведении демографической политики во многих странах неполные семьи пользуются бо́льшими льготами и пособиями, чем полные. В нашей стране единственная категория детей, получающих ежемесячные государственные пособия до 16 лет (учащиеся — до 18 лет), — это внебрачные дети, не получающие алиментов, в отношении которых отцовство не установлено. С недавнего времени на тех же условиях выплачиваются пособия детям одиноких и разведенных матерей, не получающих алиментов из-за «бегства» своих отцов, которые после розыска должны погасить свою задолженность перед государственным алиментным фондом.

Незамужние матери пользуются льготами при выписке бюллетеней по уходу за больным ребенком, при предоставлении жилья. Их практически невозможно уволить с работы при сокращении штатов, которое часто проводится в последнее время. Эти преимущества порой толкают одни пары к отказу от регистрации брака (в этом случае дети числятся «внебрачными»), другие — к фиктивному разводу. Но эти же преимущества могут способствовать и действительному распаду семей, ибо ликвидируют остатки той экономической зависимости жен от мужей, на которой еще держатся многие браки.

В этой связи было бы целесообразно поддержать предложение группы латышских демографов во главе с П. А. Эглите: «Очевидно, действующие нормативные акты в области брачно-семейных отношений и имущественных прав семейных людей нуждаются в пересмотре, с тем чтобы нерегистрированные браки не имели каких-либо преимуществ по сравнению с юридически оформленными»[17]. Конечно, нельзя отменять существующие льготы для одиноких матерей, но при дальнейшем развитии мер помощи

[15] См.: *Павлов Б. С.* Указ. соч. С. 95—96.

[16] Там же. С. 95.

[17] См.: Перспективные тенденции развития населения Латвийской ССР. Рига, 1986. С. 20.

семьям эти льготы следует предоставлять и замужним матерям, а при введении новых льгот не делать разницы между теми и другими. Единственным основанием для дифференциации льгот может быть число детей в семье и их возраст, а не формальный брачный статус матери.

Упрочение семьи как социального института может быть достигнуто не только путем снижения числа разводов, но и увеличения повторных браков. Собственно говоря, эту задачу стремится выполнить служба содействия одиноким людям, желающим вступить в брак. Практика показывает, что большинство клиентов этой службы в прошлом состояли в браке, однако лишь немногие с ее помощью создают новые семьи. Основная причина в том, что одиночество таких людей связано не столько с трудностями поиска подходящего партнера, сколько с завышенными требованиями к нему, негативными чертами характера, которые у большинства из них и привели к распаду предыдущего брака.

Кроме того, препятствием к вступлению в повторный брак может являться длительное вынужденное совместное проживание бывших супругов в одной квартире или даже в одной комнате, которую часто практически невозможно разменять. Поэтому заслуживает поддержки предложение Л. П. Шахотько об облегчении процедуры размена жилой площади для семей, распавшихся вследствие развода[18].

Как уже было выше установлено, рождаемость и разводимость связаны между собой не столько напрямую, сколько косвенно: через ориентацию супругов на семейные, либо внесемейные ценности. Следовательно, желательное для общества воздействие на оба эти процесса должно предусматривать формирование ориентации на семью. Только это будет способствовать комплексному решению обеих проблем, которые никак нельзя отрывать друг от друга. С одной стороны, никакие пособия на детей и льготы работающим матерям не будут стимулировать новые рождения в неблагополучных семьях, число которых очень велико. С другой стороны, никакие меры по упрочению браков не будут эффективными, если среди семей преобладают однодетные. Женщина, имеющая одного ребенка, может развестись с мужем не только по объективной, но и по субъективной причине, не только из-за пьянства или неверности супруга или отсутствия помощи с его стороны, но и из-за сексуальной неудовлетворенности, утраты любви к мужу, появления другого претендента и десятка иных причин. Главное тут не в причине распада семьи, а в его последствиях, которые для однодетных женщин не столь неблагоприятны, как может показаться. Они считают, что могут вырастить ребенка и без отца (с помощью дедушки и бабушки), что могут относительно легко вступить в новый брак (и это верно). Малодетность и особенно однодетность — это непременное условие высокой

[18] См.: *Шахотько Л. П.* Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск, 1985. С. 120—121.

разводимости: лишь наличие в семье нескольких детей делает необходимым и наличие отца, причем родного: редко какой чужой «дядя» возьмет на себя этот крест в отношении трех чужих детей.

Формирование у населения представлений о большей значимости семейных жизненных ценностей по сравнению с внесемейными как одно из направлений демографической политики имеет то преимущество перед другими ее направлениями, что «убивает двух зайцев», — способствуя и повышению рождаемости, и снижению разводимости. Разумеется, это не исключает одновременно и проведения других мер, направленных только на одну из этих двух целей, но именно на фоне преобладающей ориентации населения на семейные жизненные ценности помощь семьям будет давать относительно больший демографический эффект.

С какого возраста можно формировать эти представления? Точного ответа на этот вопрос пока нет. Но исследования среди учащихся школ Тбилиси, проведенные Г. Е. Цуладзе, показали, что уже в четвертых классах 57 % учащихся задумывались о желаемом числе детей в своих будущих семьях еще до опроса. Ретроспективным путем было установлено, что у 3—5 % опрошенных эти представления возникали уже в 5-летнем возрасте, причем у девочек в два раза чаще, чем у мальчиков.

Г. Е. Цуладзе выдвигает ряд предположений о том, чем именно вызвано формирование этих представлений (у маленьких девочек — игрой в «дочки-матери», у детей более старшего возраста сравнением своих семей с другими и пр.)[19]. Нам представляется, что эти мнения формируются в контексте общей ориентации на различные жизненные ценности. Эта ориентация оказывает влияние и на представления о своей будущей семейной жизни — о возрасте вступления в брак, критериях выбора партнера, характере отношений с будущим супругом. Эти вопросы практически еще не изучались социологами. Мы можем сослаться лишь на свой опыт ведения занятий по курсу «Этика и психология семейной жизни» в 9—10-х классах московских средних школ (в форме лекционной пропаганды). Школьники проявляют большой интерес к этому курсу, задают массу вопросов, причем по таким проблемам, которые могут встать перед ними лишь через несколько лет, например, о том, может ли жена быть старше мужа на 5—6 лет. Школьницы, видимо, имеют в виду своих старших сестер, знакомых, и понимают, что через несколько лет сами могут оказаться в подобной ситуации. Немалый интерес проявляется и к вопросу о главенстве в будущей семье, причем оно в самых разных аудиториях однозначно понимается как распоряжение семейной кассой, к распределению обязанностей по хозяйству и т. д.

Воздействие на подрастающее поколение не должно сводиться к формированию только «чисто демографических» ориентаций —

[19] См.: *Цуладзе Г. Е., Чанкветадзе Т. В.* Формирование представлений школьников о числе детей в семье // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986. С. 108—109, 113.

на будущую прочную семью с несколькими детьми. Начинать надо даже вовсе не с этого, а с правильной ориентации на поведение в нынешней семье, на хорошие отношения с родителями, братьями, сестрами, бабушками и дедушками. Мы уже видели, что ориентация на частое общение с родственниками относится к числу самых «семейных». В условиях всеобщей тенденции к нуклеаризации семей очень важно, чтобы ученики поняли, что родители, братья и сестры остаются очень близкими для них людьми и после свадьбы и даже после отделения от родительской семьи. Необходимо изменить и саму установку на отделение: в наше время она имеет характер предубеждения против родителей будущего супруга.

Нуклеаризационные установки еще и потому способствуют снижению рождаемости, что родители знают: сколько бы у них ни было детей, все уйдут из дома и на старости лет все равно ждет одиночество. Распространенное мнение, что родители должны детям все, а дети родителям — ничего, — это мораль самой низкой рождаемости, в таких условиях может распространиться не только однодетность, но даже и добровольная бездетность.

Формирование у населения ориентации на семейные ценности не потребует больших расходов. Здесь нужно другое — умелое воздействие на общественное мнение, хорошо поставленная пропаганда, квалифицированные педагогические, социологические и психологические кадры. И конечно, гораздо лучшее, чем сейчас, состояние изученности проблемы. Только после проведения дополнительных исследований демографическая политика, проводимая в нашей стране, получит прочную научную основу и окажется в состоянии обеспечить расширенное устойчивое воспроизводство населения и существенное снижение разводимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения статистики проблемы брачности, разводимости и рождаемости в нашей стране изучены относительно неплохо. В данной работе установлено, какую роль играли изменения разных параметров брачности и прочности браков в динамике рождаемости в СССР. Это влияние оказалось относительно небольшим. Однако в современных условиях, когда на большей части территории страны уровень рождаемости находится ниже черты простого замещения поколений, резкое снижение разводимости может поднять его выше этой критической отметки. Но лишь в том случае, если это снижение будет достигнуто за счет улучшения супружеских отношений.

Нельзя, однако, сказать, что статистические исследования исчерпали себя. Мы еще очень мало знаем о том, что сочетание характеристик партнеров влияет на вероятность заключения брака и на его будущую судьбу. Кое-что тут известно о сочетании возрастов и национальностей, практически ничего — о сочетании образования и предыдущего брачного состояния. Рождаемость до сих пор изучается главным образом по характеристикам матерей: именно на их основе определяется ее социальная дифференциация, при этом игнорируются сведения об отцах. Вообще демографическая статистика рассматривает рождаемость как процесс, продуцирующим контингентом для которого выступает совокупность женщин, а не совокупность супружеских пар.

Один из путей решения этой проблемы состоит в проведении дополнительных статистических разработок актов о браках, разводах и рождениях по сочетанию характеристик женихов и невест, мужей и жен, отцов и матерей. Это приблизит статистические модели к реальной жизни. Хотя с помощью статистических методов можно углубить наши знания об этих демографических процессах, более продуктивными в этом отношении являются сейчас социологические методы. Статистика не объясняет отмеченных ею фактов, тенденций и закономерностей. Это может сделать только социология. В нашей работе использовались данные социологического исследования «Дети в городской семье». Но, по нашему мнению, этих данных недостаточно. Тому имеется целый ряд причин. Это исследование касалось главным образом рождаемости. В анкете было лишь два вопроса, касающихся другой интересующей нас проблемы — прочности брака, причем это были прямые, «лобовые» вопросы. Представляется необходимым в будущих исследованиях рождаемости значительно больше внимания уделять проблемам прочности брака, а в исследованиях стабилизации семей — истории деторождения и репродуктивным планам.

Хотя анкета содержала перечень из 19 жизненных ценностей, лишь две из них можно было отнести к «внесемейным». Поэтому

говорить о типе семей с преобладанием внесемейных ориентаций можно лишь условно. Точнее было бы квалифицировать респондентов по степени ориентации на семью: «высокая, средняя, низкая». Но еще важнее при разработке будущих анкет делать эти перечни подробнее и включать в них больше предположительно внесемейных ориентаций. Вероятно, это будут ориентации на разные виды досуга, проводимого только с супругом или только с детьми или вообще потребность в «отдыхе от семьи». Отметим, что в анкете «Дети в городскй семье» были вопросы о предпочтительном обществе для проведения отпуска или свободного вечера. Но они не включались в данный список из 19 суждений и не оценивались по 5-балльной шкале.

Однако основным недостатком данного исследования, с нашей точки зрения, было не содержание анкеты, а принцип формирования выборочной совокупности. Опросу подлежали лишь супруги в семьях, где жена была не старше 35 лет, имела не менее одного и не более двух детей. Для первоначальных целей исследования такие ограничения был оправданны. Но они ограничивали и возможность пользования результатами. Был получен явно не весь возможный спектр ориентаций. Так как опросу не подлежали одинокие мужчины и женщины, а также бездетные супруги, то мнения лиц с самыми «внесемейными» ориентациями, которые могут быть широко представлены среди этих категорий населения, остались неизвестными. Вряд ли от семейных людей можно получить отрицательную оценку ценности «состоять в браке» или «больше заниматься с детьми», а от одиноких — можно.

В то же время люди, в максимальной степени ориентированные на семью, тоже вряд ли могли попасть в опрос, который проводился в больших городах с очень низкой рождаемостью и высокой разводимостью. К тому же супруги с тремя и более детьми вообще не подлежали опросу. Сделано это было потому, что такие семьи для этих городов — «белые вороны» и специальный поиск их в достаточном количестве представлял немалые трудности. Но из-за этого была потеряна информация о том, каким образом формируется ориентация на такую семью.

В будущих исследованиях подобного типа необходимо задавать в анкетах больше вопросов о супружеских отношениях, ввести в список ценностей больше внесемейных, опрашивать супружеские пары с любым числом детей и без детей вовсе, а также холостых, вдовых, разведенных мужчин и женщин. Целесообразно опрашивать и представителей старшего поколения, например, родителей супругов. Им этот вопрос можно задавать ретроспективно, например: «Насколько вы ценили в своей молодости то-то и то-то?» Многие из этих вопросов могут быть заданы и детям-школьникам. Это даст информацию об изменении ценностных ориентаций от поколения к поколению.

Только зная, как формируются ориентации на те или иные жизненные ценности, на определенное число детей в семье, на тот или иной характер отношений с детьми, женами, мужьями, родителями

и родственниками, демография и социология смогут подвести прочную научную базу под предложения о совершенствовании мер демографической политики. Меры помощи семьям, принятые еще в XI пятилетке, не были должным образом социологически обоснованы. Тем не менее они, как было отмечено на XXVII съезде КПСС, начали «приносить неплохой социально-демографический эффект», в связи с чем было решено продлить отпуск по уходу за ребенком еще на полгода [1]. I Съезд народных депутатов СССР в постановлении «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» обязал Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР рассмотреть вопрос о возможности увеличения отпуска по уходу за детьми до трехлетнего возраста.

Руководствуясь этим решением, Совет Министров СССР и ВЦСПС 22 августа 1989 г. приняли совместное постановление, согласно которому продолжительность частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком увеличивается до достижения им возраста полутора лет, а неоплачиваемого дополнительного отпуска до достижения трех лет [2]. Эта мера, безусловно, во многом облегчит положение многих семей с детьми в тот период, когда (после рождения первого ребенка) семья отличается пониженной прочностью, а трудности ухода за ребенком могут привести к отказу от последующих рождений.

Масштабы помощи семьям в нашей стране безусловно растут. Но сами эти меры в эпоху перестройки, так же как и в период застоя, скорее обоснованы житейской логикой, чем научными разработками. С социально-экономических позиций они очень своевременны, с демографических же — необходимы, но недостаточны. Демографический эффект подобных мер был бы бóльшим, и, главное, более устойчивым во времени, если бы содействие семьям в реализации имеющейся у них потребности в детях сопровождалось ростом самой этой потребности, с одной стороны, и упрочением супружеских отношений как непременным условием этой реализации — с другой. Причем последнее условие нельзя обеспечить с помощью мер, принятых до настоящего времени, и носящих экономический характер. Однако с помощью психологических, педагогических, пропагандистских мер воздействия на общественное мнение можно, без больших дополнительных расходов добиться резкого повышения «отдачи» от ранее ассигнованных на материальную помощь средств в виде ежегодных сотен тысяч «дополнительных» рождений и сбереженных семей.

[1] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 260.
[2] Правда. 1989. 23 авг. С. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Число состоящих в браке на 1000 человек данного пола и возраста в СССР (по данным переписей и обследований населения)

Возрастная группа, лет	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1985 г.
Мужчины					
Всего от 16 лет и старше	690	695	722	707	730
Из них:					
16—17	4	5	4	7	5
18—19	53	41	39	38	37
20—24	336	274	289	384	390
25—29	738	800	772	785	777
30—39	909	936	907	878	867
40—49	938	962	948	916	895
50—59	911	950	948	930	912
60 и более	754	843	860	854	831
Женщины					
Всего от 16 лет и старше	605	522	580	580	588
Из них:					
16—17	40	29	26	27	24
18—19	250	171	186	198	200
20—24	614	501	559	602	596
25—29	787	759	827	806	788
30—39	809	755	847	828	808
40—49	727	582	760	788	764
50—59	545	460	501	648	662
60 и более	293	281	301	283	299

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962. С. 73; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 12—13, 263; Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 89; Вестн. статистики. 1986. № 7. С. 68.

Таблица 2

Изменение структуры населения СССР по брачному состоянию за 1979—1985 гг.

Возрастная группа, лет	На 1000 человек данного пола и возраста приходится								изменение (±)			
	1979 г.				1985 г.							
	Б	*Н*	*В*	*Р*	*Б*	*Н*	*В*	*Р*	*Б*	*Н*	*В*	*Р*
Мужчины												
16—17	7	993	0	0	5	994	1	0	−2	+1	+1	0
18—19	38	955	0	1	37	951	0	0	−4	0	0	−1
20—24	384	599	0	12	390	592	1	13	+6	−7	0	+1
25—29	785	174	1	38	777	181	1	40	−8	+7	0	+2
30—39	878	61	4	56	867	70	3	58	−11	+9	−1	+2
40—49	916	23	10	50	895	31	13	62	−21	+8	+3	+12
50—59	930	12	24	34	912	14	31	42	−18	+2	+7	+8
60 и старше	854	8	120	16	831	11	137	20	−23	+3	+17	+4
Всего 16 и старше	707	239	20	32	730	206	24	39	+23	−33	+4	+7
Женщины												
16—17	27	972	0	1	24	974	1	1	−3	+2	+1	0
18—19	198	789	1	7	200	788	1	7	+2	−1	0	0
20—24	602	355	3	36	596	359	3	40	−6	+4	0	+4
25—29	806	114	9	70	788	125	9	78	−18	+11	0	+8
30—39	828	48	26	97	808	59	24	108	−20	+11	−2	+11
40—49	788	38	72	102	764	35	76	124	−24	−3	+4	+22
50—59	648	55	203	94	662	51	183	104	+16	−4	−20	+10
60 и старше	283	37	643	36	299	59	587	54	+16	+22	−56	+18
Всего 16 и старше	580	162	190	66	588	152	179	80	+8	−10	−11	+14

Рассчитано по: Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 89; Вестн. статистики. 1986. № 7. С. 68. Данные за 1985 г. пересчитаны нами в сопоставимую с 1979 г. возрастную группировку. Например, доля замужних в возрасте 30—39 лет получена как средневзвешенная из соответствующих показателей для 30—34 и 35—39 лет, причем в качестве весов использована пропорция между численностью женщин 15—19 и 20—24 лет в 1970 г. с поправкой на смертность. Условные обозначения: *Б* — состоящие в браке, *Н* — никогда не состоявшие, *В* — вдовые, *Р* — разведенные.

Таблица 3

Динамика рождаемости и разводимости в СССР за 1958—1986 гг.

Годы	Нетто-коэффициент		Коэффициент суммарной рождаемости на 1000 женщин
	неустойчивости брака	устойчивости брака	
	на 1000 заключенных браков		
1958—1959	109	891	2810
1960—1961	123	877	2799
1962—1963	130	870	2596
1964—1965	154	846	2456
1966—1967	292	708	2431
1968—1969	290	710	2369
1970—1971	293	707	2442
1972—1973	300	700	2433
1974—1975	336	664	2407
1976—1977	376	624	2367
1978—1979	387	613	2285
1980—1981	378	622	2253
1982—1983	365	635	2367
1983—1984	368	632	2412
1984—1985	362	638	2405
1985—1986	362	638	2462

Источник: см. сноски к табл. 6; Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 45—50.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Синельников Александр Борисович

БРАЧНОСТЬ
И РОЖДАЕМОСТЬ
В СССР

Утверждено к печати
Институтом социологии АН СССР

Редактор издательства Л. С. Чибисенков
Художник В. В. Овчинников
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор И. В. Чудецкая
Корректоры Р. С. Алимова, Н. А. Несмеева
ИБ № 39251

Сдано в набор 16.06.89
Подписано к печати 18.09.89
А-03974. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная № 1
Гарнитура обыкновенная новая
Печать офсетная
Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр. отт. 6,63. Уч.-изд. л. 7,4
Тираж 5000 экз. Тип. зак. 1712
Цена 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12